

Ирина Туманова

Ирина
ТУМАНОВА

ПРИОТКРЫТОЕ ОКНО

Зебра Е
МОСКВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П39

Художественное оформление
Александр Шукин

Фото автора на обложке
???

Иллюстрации в книге
???

Подписано в печать 14.03.2013.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 16,80.
Тираж 1000 экз. Заказ №.

Туманова, Ирина.

Приоткрытое окно / Ирина Туманова. — М. : Зебра Е ; 2013. —
224 с.

ISBN 978-5-906339-19-5

Когда рождался этот сборник, то практически до сдачи книги в печать казалось, что все истории такие разные, пестрые, их невозможно объединить. Но потом рассказы, мысли и миниатюры вдруг сами собой выстроились, разбрелись по главам. Появились емкие названия, некая связующая цитата, единая мысль. Органично все переплелось. Название, дизайн обложки, форма, цвет, последовательность – как отдельная неслышимая музыка, придающая долговому труду завершенность.

ISBN 978-5-906339-19-5

© Туманова И., 2013

СНЫ – КАРТИНЫ

Женщины — мужчины.

Бабы — мужики.

Все это — наяву...

Сон-сюр

Дом был огромен. На этажах темно, как на заброшенном судне или старой даче. Лучи солнца сквозь шторы, и паутина с пылью, чехлы на мебели, скрипят ступени. На самом деле паутины не было, чисто, полумрак. Спускаюсь из спальни, распахиваю входную дверь. Врывается морозный день и яркий свет. Такое впечатление, что в доме полночь, а на улице бурлит жизнь. От крыльца до калитки лежит чей-то старый ковер. Зачем он здесь? Стою, не понимая, откуда все эти люди? Становится ясно. Кто-то переезжает в новые места и, чтобы не тащить свой скарб, приволок этот ковер и много банок с помидорами. У крыльца на земле этот ковер, и банки, банки...

Очень много баб. Бабы, бабы, они знают меня и с радостью, как дар, отдают свое нажитое... Очень много мужиков, они красят забор. Почему-то их слишком много, на долю каждого выпало по четыре штaketины, они стоят на табуреточках по всему периметру участка. Понятно, что это рабочие, но почему-то говорят они на

немецком языке. Радуюсь оттого, что мне понятен их язык. Проходя мимо, обещаю рабочим, управившись с домашними делами, вернуться к ним, поговорить, поупражняться в стремительно ускользящем из мозгов, но впитанном с детства немецком языке.

Садовник радостно сообщает, что в поселке, за лесом, кто-то продает старые гаражи. Обещаю ему прикупить парочку гаражиков. Он уже взял себе два, кто-то еще хочет два, словно речь идет о бесхозных арбузах. Хожу по дому, смотрю, где перегорели энергосберегающие лампочки. Иду в кабинет, чтобы взять с десяток новых. Там за компьютером сидит наш семейный друг, но почему-то с маленьким ребенком. Он удивленно смотрит на меня с неммым вопросом: «Что с этим ребенком делать?» Меня зовут все эти люди и ждут совета. Бегаю по дому с этажа на этаж, бегаю по саду. Иногда ходит рядом мама, которой давно нет в живых.

* * *

Во сне четко вижу место, дом, улицу. Новокузнецкая. Я там раньше часто ходила, это несколько правее трамвайных путей. Почему-то в сентябре туда пойду. Вижу отчетливо, как в кино, себя, проходящую через охрану. «Вы к кому?» Объясняю: «Меня очень ждут. Хотят крутить мои песни по радио. Детские и на немецком языке». — «Да, конечно, мы об этом знаем. Проходите». Вокруг очень доброжелательные люди, они берут мои диски. Но у них обед, они пьют чай

и жуют бутерброды. Все мне говорят: «Будем, будем крутить!» Я ухожу. Не помню, какой сентябрьский день мне снился. Но сентябрь еще впереди. Надо сходиться на ту улицу и в тот дом...

* * *

Если стоять на красной аллее, то там, за чужим домом с садом, на самом верху, ближе к дороге, существует иной мир. Если вспомнить, то раньше здесь не было дома, а был просто пустой участок, ландшафт с уступами. Видимо, дом снесли или он еще в войну был разрушен. Немного странно: все дома симметрично красной аллее стоят, а один — нет. Тогда я с подружкой через покосившуюся ограду пробралась на этот заброшенный участок. Сидя на солнышке, что-то искали, копоша палочкой в земле. С тех пор много лет снится один и тот же сон. Будто бы там, за забором, чудовищно огромные скульптуры из камня. Они — за тем забором. Огромные, как боги. Во сне я иду туда долго. Сейчас стою и понимаю: там чей-то чужой сад, дороги нет, нет горы и богов. Но они снятся.

* * *

Снился сосед по крымской даче. Естественно, во сне мы — молоды и красивы. Оказывается, я ему давно нравлюсь. Мы все время хотим остаться одни. Но люди

из разных времен моей жизни всплывают и начинают играть какие-то роли, которые в наш с соседом сценарий не вписываются. Исчезают одни люди, не успеваем вздохнуть с облегчением, как появляются новые, с других страниц прошлого. Видимо, все эти люди реально будоражат не только сон, но и явь. Придумала! Надо, когда они там, во сне, все соберутся, раз — и — резко проснуться. Два — и — всех их прогнать. Но сон становится глубже... Вот уже утро, не помню лица, имена. Но помню, меня любил сосед...

* * *

Наблюдаю улицу жизни... Кадры сменяются слишком быстро. Если описывать все ежедневное, получится слишком долго. А если затеять такую игру: выстроить в ряд только зимы, только осени, все лета и весны. Или, к примеру, очень длинное кино про одну и ту же семью, но всегда сезон один: зима...

Так можно проследить забавные аналогии, схемы, похожести и разности. Взрослые стареют медленнее. Щемящее: болезненно быстро растут дети и ты вдруг из мамы, большой и строгой, несущей в руках карапуза, превращаешься в «крошечную» мамулечку, которой искусно манипулирует любимый подросток. Меняются кадры: лето 19..., лето 2001, лето 2013, и ты видишь, что многих почему-то рядом нет. Семья идет по той же улице: автобусы, магазины, кафе. А если вырвать из

памяти не только все периоды осени, а лишь совместные поездки за последние годы? Получится каждое лето — по две недели. Взять и показать одну семью на протяжении десяти лет. Вся история уложится в один год, и в одном кино мы увидим улицу жизни...

* * *

Он живет совсем недалеко от этой женщины и видит ее непонятную многим жизнь. Что бы она ни говорила, ему нравится. Хотя она может обидеть слишком больно подмеченной реальностью. Очень-очень часто смеется он от сказанного ею, как ребенок, или плачет. Он играет? Зачем?

Говорит, все это умно. Ну к чему ему лгать? Возможно, это только ему так нравится все, что она думает. Сомнения вокруг нее появились еще до рождения. Сомнения не могут без этой женщины жить. Они пропитали воздух вокруг, он измучился разгонять эти бесстыжие существа. Она иногда начинает верить ему, что, подобно хрупкому цветку, хороша в своей худобе и утонченности, своих мыслях необычных и мелодиях незатейливых, но, подобно цветку, временами сникает в сомнениях.

Ему нельзя быть далеко! Цветы не оставляют...

* * *

Она, как обычно, вышла из дома, села в машину. Доехала до станции Перхушково, зашла в Дом культуры. Прошла через дверь в зал ... и оказалась на пляже в Севастополе. Перенесло. Оказывается, все уехали туда отдыхать ...

* * *

Они приходят, когда тихо. Разные — веселые и грустные, порой, до неприличия обнаженные. А иногда — нервно покрытые множественными слоями густой масляной краски. Они — наплывают, толкаются ... Мешают спать. Еще громче кричат в шуме людской толпы и потоках машин. Им не хватает воздуха ... Они молят о невозможном: тишины! Той, первозданной, хотя бы секунды тишины ... Они захлебнутся в суете, так и оставшись не услышанными, исчезнут в ином измерении. Они — Мысли, Звуки, Стихи.

И Мы с Вами ... Тишины!

* * *

Скоро додов среди людей станет больше. Есть просто доды, их и без очков видно прямо на улице. Встречаются люди, которые могут стать додами. Замечаются и люди, которые считают себя додами, но уже никогда не смогут

такowymi стать, слишком уж они «облюдели» в недобром и очерстевшем племени людском. Вот «Мозг» взялся объяснить всем, кто же такие доды, чтоб не допустить проникновения додов-самозванцев в мир додов, а людям, которые пока еще могут стать настоящими додами, помочь это сделать. Когда люди находят друг друга — одна история.

А вот когда друг друга находят доды — один сплошной прикол.

Вы в этом сами скоро убедитесь, если будете внимательно читать эту книгу...

* * *

Люблю разговаривать с людьми на улице, в магазине, спрашивать совета, сочувственно кивать головой. Меня за это всегда ругают близкие, им, видно, стыдно за мою неожиданную словоохотливость. Ни к чему не обязывающая болтовня порой бывает весьма интересна. Некоторые темы оседают в мозгах и потом еще какое-то время там пульсируют. А вот с гостями, старыми друзьями, родственниками непросто. Лучше молчать.

После последнего прихода гостей я вообще ничего не могла вспомнить ... Да и что вспоминать? Кто был? Нет, не была пьяна, я вообще была за рулем.

Научилась все-таки с годами (хвала психологам) выстраивать блоки и защиты ... Но чтобы вообще гостей не заметить ... А вот на улице поговорить люблю.

Дом

Дом — угловой. Фотографирую названия улиц, чтобы уже не забыть никогда. В три, четыре года названия не волновали, мир воспринимался не в перспективе, планах и разрезах, а в крупных деталях. Дерево, двери, балкон, крыша. А что там за забором? Какая разница. Если мама с подружкой скрылись за этим забором, то главное, чтобы они вернулись поскорее. Обхожу дом со стороны другой улицы, вижу дыру в заборе. Разумеется, в Германии так не делают, но я лезу в сад. Раньше сад казался мне огромным. Слезы покатались рекой. Ничего не изменилось. Четко вспомнила яблоню. Огромный камень-валун... Бегу, царапая о траву руки и ноги, вглубь к дому. Наши ступеньки. Все заросло. Видны очертания волейбольной площадки. Оказывается, камень-валун закрывал вход в немецкий блиндаж. Мы, дети, тогда нашли там гильзы, патроны, ложки и человеческие кости. Потом приходили полицейские, саперы работали. Жалко, все закрыто. Потягиваюсь, смотрю в окно. Пыль. Паутина. Мы жили на втором этаже. Вон там кухня, спальня, детская. Заросшее крыльцо, тропинка и калитка, в которую уходила мама, а я смотрела на нее из окна. Мне повезло, что сегодня дом заброшен. Дом хранит для меня мое, святое, каждый камушек.

Мне взрослой часто снился сон. Я в своей детской кроватке, не спится. Дверь в гостиную открыта, там свет... Смеются мама, ее подруга и папа. Но мне страшно. Если буду плакать, отругают. Родители не поймут, отчего мне страшно. Напротив кроватки — камин, там

бегают чьи-то глаза, то выше, то ниже... Я прячусь под одеяло, жду. Выглядываю, глаза опять бегают. Они не злые, но жутковато. Дом старый, видимо, это существа из прошлого. Я и сейчас верю, они там были, со взрослыми не общались, приходили только к детям. Утром мама оставляла меня с няней. Она уходила в город по делам, иногда с подружкой погулять. Сон или явь? Няня заработалась, ко мне в окно лезет нечто страшное. Кричу, бегу к подоконнику, вижу, что мама с подружкой еще не ушли. Выскакиваю на балкончик, кричу, но меня не видят и не слышат. А чудище тащит на крышу, я — падаю — расту — просыпаюсь. Ничего не изменилось. Вот она, крыша, вот оторванная черепица, из-за нее я падала во сне. Вот калитка, где стояла мама и не слышала меня. Сажусь на ступеньку крыльца, поросшего бурьяном. Это было давно, кажется — вчера. Помню все до мелочей. Пахнет булочкой, кофе... Помню. После ужина, когда поет соловей, все пьют чай с яблочным вареньем, летают мошки вокруг абажура...

В детстве мне казалось, что все размеренно. Мама, папа, дом, завтраки, обеды, ужины. Каникулы, выходные и праздники... Время не летит... Послеобеденный сон в детстве — крепкий. Вечность — до обеда, вечность — после дневного сна. Вечность — в вечерние часы. Вечность — когда ты в ночной рубашечке, а мама рядом в постели читает книгу. Сначала — тебе страничку, а потом свое... И ты засыпаешь с привкусом спокойствия и счастья.

Просыпаюсь в тревоге, понимаю, что уже не засну до утра. День кончится, так и не начавшись, не будет

никаких запахов, а соловьи устали петь, так и не спев этой весной. Чай не пьют... Некогда. Яблоки-дички, засиженные мухами, не станут вареньем, потому что нет мамы. Нет абажура, круглого стола, хрустящей булки с маслом. Нестерпимо одиноко, проблемно. Хочется, чтобы заботились, чтобы не было телефонов, телевизоров, Интернета. Мама, вернись!

*Огромный подоконник.
На нем девочка стоит.
Девочка-ребенок еще верит в чудо.
«Видишь, там салют?» —
Мама говорит.
Ночь. Дитя не спит.
Тихо наблюдаю.
Жизнь листаю.
Телефон молчит.
Дед Мороз, игрушки,
Марципан, ватрушки, —
Девочка запомнит.
В сердце сохранит.*

* * *

Беру корзинку и нож, бодро шагая по тропинке — в лес. Есть! Прожаренная за лето земля, пропитанная теплым дождем, дает небывалый грибной урожай. Белые, подосиновики. Мчусь обратно показывать трофей родным. С раннего утра — и столько удовольствий.

* * *

К обеду готовим плов на улице. Казан, огонь, ароматная баранина, сладкая морковь, рассыпчатый рис. Дрема после обеда. Корабли плывут по Волге. Вечереет... Корабли, как многоэтажные светящиеся дома, врываются в темноту и исчезают в никуда. Красиво. Тишина. Редкие баржи, огоньки. Свет и снова темнота. День и ночь. Дождь, льет дождь. Слышно, как капли стекают с крыши, бьют по откосам вокруг дома. Вдоль тропинок, ведущих к реке, мы установили фонарики, они, как звездочки на южном небе, светят ночным кораблям. Наверное, люди больших кораблей видят эти звездочки-фонарики и благодарны мне. Темные берега, леса, и, вдруг, неожиданно, звездочки...

Велика Волга.

* * *

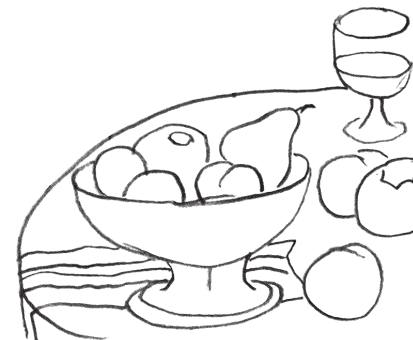
Хорошо и светло становится, когда успокаиваюсь одна в своей комнате. Никаких технических шумов, человеческого гула. Открыто окно. Не холодно, кажется, наконец пришла настоящая весна, хотя снег тает медленно. Проснулись мухи, вчера видела комара. Сегодня первый раз перед закатом слышала пение птиц. Капель даже ночью — значит, наступил устойчивый «плюс». Вдалеке, за лесом, иногда — шум поезда. Рыжий кот обнаглел, требует одну пачку *Вискаса* за другой. Выгнала его гулять, пусть начинает ловить мышей. Сегодня тревоги нет.

Ирина Туманова

* * *

Сегодня, наверное, первый теплый выходной этого года. Даже трудно понять: это запоздалая весна или уже лето. Люди в сапогах и пальто вчера еще смешными не казались, а сегодня это так нелепо... За секунды появились яркие краски... Открытые топы, туфли, исчезли шапки... Но людей слишком много, слишком долго ждали все тепла. Я оказалась не готова к такому потоку на улицах. Гул заполнил всю голову. А лица людей всего лишь в метре от меня стали искажаться в странные гримасы из Королевства кривых зеркал. Скорее всего, люди улыбались, шумели и кричали от нормального весеннего возбуждения.

ЧУЖАЯ ЛЮБОВЬ – ПОТЕМКИ

Я и Ты

Сначала я так и думала, просто мне казалось — это я, реальная! А это он — неожиданно возникший, самый желаемый и нежный, загадочный, еще не понятый, но уже с появлением первых стихов уходящий... Это как магия: есть любовь, причиняющая нестерпимую боль, но нет стихов. Появляются стихи, уходит боль, ты исчезаешь в ином пространстве страниц...

Ты и я — это гораздо больше, чем просто мы... Возможно, это те двое, что идут навстречу, обнявшись, по другой стороне улицы, и их путь так не похож на наш. Они пройдут мимо, не разжимая рук. Возможно, это старик и старушка. Не обращая внимания на московскую грязь, выползают на солнышко посидеть плечо к плечу все на те же Чистые или Патриаршие пруды и улыбаются своими морщинистыми лицами всем влюбленным на свете. Или это те, не чужие мне, дети, которым давно уже кажется, что про любовь уж им-то известно все, и лучше, чем мне. Эти дети уверены: они взрослее взрос-

лых и мудрее мудрых. В силу каких-то законов получилось, что моя любовь и мой «ты» оказались близкими и понятными разным людям вокруг.

* * *

Джейн лежала на горячем песке, легкая набегающая волна ласкала нереальной теплотой. Вокруг ни души... Глаза закрывались от палящего солнца, но от чрезмерного любопытства иногда подсматривали за течением жизни вокруг. Цветные рыбки пытаются откусить палец, так щекотно. Маленький прозрачный крабик (морской паучок), подумав, что он один на берегу, отважно вышел на охоту, короткими перебежками продвигается от кромки воды в сторону тропических зарослей.

Неожиданно вдалеке показалась пара. Один глаз Джейн плотно притворно закрылся, второй, наоборот, усилил контроль за ситуацией. Красивые люди! Он — хрупкий, высокий, мускулистый, загорелый. Хорошо сложен, мужская сила в плечах и уверенность в походке, светлые, достаточно длинные вьющиеся волосы. Как маленькую птичку, держал он в своей огромной руке ее ладошку. Именно держал, чтобы она не упорхнула, прижимал руку с ладошкой к своему горячему телу. Свободными руками они размахивали и шли нога в ногу очень быстро, молча, но со светящимися глазами и улыбкой. Она — загорелая хрупкая травинка. Прошли мимо. Правый глаз Джейн быстро закрылся, чтобы не смущать

чужую любовь. Он был очень молод, красив. Женщина источала здоровье и силу, лишь лицо предательски выдавало возраст. Она не прятала глубоких морщин, смело и мудро смотрела снизу вверх на своего спутника. Нет, он никогда не оставит свою подругу. Только однажды она упорхнет от него маленькой птичкой-душой на остров, на котором они сегодня так счастливы вместе. Джейн поймала себя на мысли, что уже не закрывает глаза, а смотрит пристально вдаль на убегающее за горизонт солнце. Жизнь прекрасна. Чужая любовь — это неизведанная сказка. И как по-разному она приходит и уходит.

Жемчужное ожерелье

Весь следующий месяц был расписан буквально по минутам. Псков, неделя в Риме с мужем, съемки в Ялте, открытие второго арт-салона. Вчера вечером Ника вдруг вспомнила, что полгода назад звонили старые друзья и, будучи навеселе, радостно кричали про какую-то встречу летом. Ника разумно протестовала: «Нет, нет. Совсем не могу! Точно — нет!» Внезапно кто-то хитро крикнул в трубку: «Да, кстати, будет Кирилл. Представляешь, сколько лет прошло, а мы его все-таки нашли. Соберется человек двадцать, не меньше», — продолжил другой голос, не преминув, как водится по пьяному делу, значительно преувеличить. «Кстати, запиши его телефон. Ха-ха... Да он сам тебе его сейчас продиктует. Ну, чего ты там не можешь, понятно, ты ведь у нас деловая...» Щелчок в трубке, чужой, но приятный голос. Вот сейчас

перед ней лежит клочок бумаги с его телефоном. Господи, он тогда, кажется, учился в седьмом классе. Ника машинально убрала бумажку в ящик рабочего стола.

Она и не собиралась на встречу старых друзей. Прошел месяц, два месяца... В конце четвертого, кажется, это был май, Ника набрала номер и тому, чужому, приятному голосу, сказала: «Привет! Я решила, что приеду, только прилечу не из Москвы, а из Рима утром, да пока точно не знаю, какой рейс». Их разъединили. Никаких звонков на эту тему больше не было. Пронеслась весна в делах, путешествиях, с семьей. В силу каких-то непонятных обстоятельств она летит... Рейс никому не сообщила, ни с кем не говорила. Пусть ее не ждут те самые двадцать человек. Когда-то такие близкие, почти родные, одноклассники... Она думала: «Подъеду, встану напротив кафе. Если никого не узнаю, тихонечко уйду...»

Объявили посадку. В этом городе она раньше не была. «Ничего, ерунда, возьму такси, доеду до отеля, отдохну, потом на встречу», — подумала Ника. Толпа таксистов буквально вырывала чемодан из ее рук. Она старалась не смотреть им в глаза, неслась по этому воющему коридору. Удивляясь себе, почему-то уверенно заявляла, что ее встречают. Сколько рейсов из Рима сегодня? Сколько часов ему нужно, чтобы добраться до аэропорта? И помнит ли он вообще, что она звонила, или принял этот звонок за старую школьную шутку? Глазпости, его нет в толпе, так и должно было быть.

Через секунду их глаза встретились. Он держал в руках полевые цветы и улыбался. Колоски, васильки, маки, ромашки... Она засунула нос в самую середину букет-

та и, зажмурившись, вдохнула поле. Спасибо! От него пахло свежестью. Улыбка, белая рубаха, джинсы, не лысый, не толстый, не старый, смуглый от солнца. Стало волнительно и звеняще тихо. Как тишина пронзительно звучит! Это память, память в тишине кричит:

ТИШИНЫ!

*Той, перевозданной,
Хотя бы секунды тишины...
Они захлебнутся в суете,
Так и оставшись неслышанными,
Исчезнут в ином измерении.
Они — Мысли, Звуки, Стихи
И Мы с Вами...
ТИШИНЫ!*

Она уже плыла за ним в толпе, не думая больше ни о чем. Как в детстве, он держал ее за руку. Она не стала тянуть его в такси. И, словно сговорившись, они пошли к рейсовому автобусу. Кирилл своей мужественностью словно оберегал ее от толпы и мелких неурядиц. Отель у нее был самый дорогой, в центре города. На темы цен, привычек, образа жизни они не собирались говорить. Почему-то было хорошо молчать вместе. Завтра их пути разбегутся, может — на годы, может — навсегда. Этот день сегодня должен быть бесконечным и чистым. На нее нахлынули чувства, в подобной форме их давно не наблюдалось. Такого количества солнца и тепла не бывает в одном дне. Она чувствовала себя девочкой. Хотелось целоваться, гулять, взявшись за руки

или зацепившись за ремни джинсовых брюк. Причем, не сговариваясь, они сразу это и сделали. Поцелуй те же, походка та же, глаза те же, талии — не толще... Он сильно вырос, вокруг глаз — веселые мелкие морщинки. Время остановилось. И они затаились в предвкушении чего-то нового. Ника знала: когда отдаешь свою душу во власть эмоциям, то сила эмоций не несет за собой разрушения, а способна творить только Благо: создавать полотна картин, стихи, музыку. Все это она ощущала сегодня в себе. А он царил везде. Его руки, глаза, голос, обволакивающий, как паутина, тянули в мир приключений. И при этом он не совершил ничего постыдного или вольного, что приятно радовало Нику. Мальчик из 7-го Б стал мудрым, спокойным, очень волевым мужчиной. Он не сказал: «Наверное, я мешаю, располагайся, я буду ждать в вестибюле». Кирилл сказал: «Я вижу, ты ко мне еще не привыкла, буду ждать внизу». От этой фразы ее ноги вдруг стали ватными, подумала: «Нахал или я дура. Пятизвездочный отель, никого, завтра уезжать. Кирилл такой большой, любящий... Казалось бы, лови момент. Интересно, как можно через столько лет так убедительно, в течение часа, изобразить любящего. Нет, тут нет игры! Удивительная штука — жизнь! Наше прошлое за плечами. У меня хорошая привычная жизнь, дети, любимый муж. Про него — сегодняшнего я пока вообще ничего не знаю». Мысли стали обрывочными, противоречивыми, в висках застучало... «Ушел! Шквал, Рим, самолет, аэропорт, букет, теплый город, отель. Я здесь одна, а он там, в вестибюле. Пойду в душ, вода освежит голову. Принесли вазу для букета... Ника

сидела на стуле в махровом халате, с мокрой умной, но сомневающейся головой, смотрела сквозь цветы: «Ну не умею я так: в омут с головой, спустя двести лет, а завтра уезжать». Кирилл напомнил ей доброго волшебника из сказки. И тогда, когда они ехали в автобусе, не замечая никого вокруг, и после, когда он, не напрягаясь, нес большой чемодан с нарядами от кутюр по огромной улице. Остановившись перед отелем, Кирилл тихо сказал: «Ты пойми, мы не взрослые, все только начинается». Как он наивен, может, он художник? Ника вдруг поняла, что странное сочетание его мужества, красоты, надежности и запредельной наивности опускает ее на землю. Она решила, что когда-нибудь потом все будет еще прекраснее, если это «все» не случится сегодня. «Столько ждали, подождем еще. И в его понимании ведь все только начинается, так пусть реально это «все» произойдет через полгода. Не сегодня».

Они гуляли до утра, дрожали, как подростки, уходили все дальше в ночь от шикарного, сверкающего зазывными неоновыми огнями отеля, погружались в глубины парков и скверов. К отходу поезда стало очевидно, что они друг у друга есть. Кирилл говорил, что любил, любит, будет любить, просил его не забывать. Поезд набирал ход. Уставший, не выспавшийся, готовый исполнить ее любое желание, он стоял на перроне и твердил, что приедет зимой. Ника с грустью подумала, что обманула себя, струсила. Еще одна драгоценная жемчужина не попала в ожерелье. А может, наоборот, она поступила мудро? В ее огромных карих глазах вдруг появилась таинственная глубина.

— Он приедет, — произнесла она в пустоту и, поправив рукой жемчужную подвеску на шее, слегка улыбнулась. Под стук колес рождались строки:

*Он предложил море
и вино после работы.
Я — не пришла.
Если сейчас обернуться назад
и переосмыслить
Все подобные предложения,
плывущие по жизни...
Они, как жемчужины,
Могли бы составить
Прекрасное ожерелье.
Не всегда говори «нет»
Это «нет» — самое сладостное «да».
Потому, что — не повторится.
Потому, что эта случайность
Свела сегодня двоих.*

Обочина

То, что с дороги показалось густым перелеском, в действительности было разделительной лесопосадкой между трассой и микрорайоном. Автомобиль стоял у обочины, подмигивая аварийками. Безумствовала весна с остатками жухлого снега, ручьями, кричащими, обнаглевшими птицами и островками грязи. Кое-где на склонах кювета уже проглядывала прошлогодняя трава

с первой желтой мать-и-мачехой, ошеломляющей своей желтизной и свежестью зелени. Они, опьяненные этим весенним безумием, каким-то образом оказались рядом с разросшейся развесистой рябиной, без листвы, но с уже набухшими почками. Казалось, сейчас, под напором земных проснувшихся соков, все в природе взорвется, буйная свежая зелень поменяет в доли секунды одну картинку на другую. В висках бешено стучало, они ощущали себя подростками, способными на любые безумства. Сорвать этот весенний поцелуй здесь и сейчас, любить... Постепенно, умиротворенно-успокоенные, они стали возвращаться в реальность бытия. Дорога, машина, они охвачены весной... И в тот момент, взглянув в сторону, увидели несущегося на поводке огромного бульдога и девочку. Весь их сказочный лес, оказывается, и состоял из этих нескольких голых кустов. Огромные блочные девятиэтажки взирали на них с любопытством всеми своими окнами. С другой стороны семенила старушка. Они, как застигнутые врасплох ворюжки, сползли в кювет, ближе к дороге. Выбравшись, уже не так резво, к автомобилю, посмотрели друг другу в глаза и... рассмеялись. Да, такое не забывается. Кажется, их никто не видел. Ну и увидели бы... Что ж теперь. Оставшуюся часть пути ехали молча, слушая какую-то ненавязчивую музыку.

* * *

— Они дружат, но с интимом завязали?

— Да нет. Они практически не видятся, но оставили интим...

Вечеринка

Вино, оливье, бесконечные ненужные разговоры, друзья, пары, флюиды. У некоторых так всю жизнь, а у других так когда-то было, потом надоело. В этот вечер она почувствовала к мужу К. замечательнейший, волнующий трепет. Муж К. мгновенно это понял. К. смеялась, танцевала, пела, возможно, тоже распространяя вокруг себя всевозможные флюиды. Но он — каков... Столкнувшись с ним в тесном коридорчике малогабаритной квартиры в районе туалета, она вдруг поняла, что ее целуют. Он держал одной рукой дверцу туалета, где была его жена, и при этом невозмутимо целовался с ней.

Да, они герои, они на высоте, всех обвели вокруг пальца... Еще долго беседовали о разном, чувствуя себя победителями. Но вдруг одновременно замолчали. Да, они были слишком умны, проницательны, красивы, молоды и эгоистичны. В соседней комнате давно не звучала музыка. Оттуда никто не выходил, и было очень тихо, там целовались его жена и ее муж.

Заложница

Однажды ей стало казаться, что она заложница его переводов и диссертаций. Он давно был в ее лаборатории, тема его диссертации вполне перспективная, и зарплату она определила ему довольно-таки высокую, но... Легкий роман для нее уже давно закрыт, а он не желает расставаться с сексуальными научными проработками. Все

попытки с ее стороны прекратить этот пункт их отношений приводят к срыву сроков сдачи научного материала и к депрессии. Нелегко быть женщиной-руководителем. Что делать? Она поняла, что — заложница.

Уже через секунду он являет собой отвратительное сочетание масок. Своеобразный комок язвительной нервозности, презрения к людям и скептицизма. Все его неприглядные проявления скучны, пресны. Она объясняла себе это как бессознательное самоуничтожение мужчины в глазах женщины. Он бывает порой гадов в своей расчетливости, жадности, неприспособленности, лени, гордыне. Даже когда он — красив и физически гармоничен. Если для него ничто такие ценности, как мать, ребенок, женщина, — он мертв. Жаль, что те мгновения прекрасного так коротки. Правда в том, что гадким его сделала жизнь. В тех мгновениях истины — его, почти забытая, физически эмоциональная, привитая в детстве, врожденная сущность. Она бы бросила его, но каждый раз надеется, что открытая ею картина его красоты в минуты удовлетворенной мужской слабости не исчезнет через мгновение. Отчего так несовершенен мир?

Картошка

Нина уже собиралась ложиться спать. Вдруг позвонила приятельница по работе. Дама — огонь, вечно — в каких-то партиях, профсоюзах и мужчинах...

— Ну миленькая, ну пожалуйста, у нас в конторе новенький, короче, тут маленькая компашка, да, уже

поздно, но расходиться не хочется, такие ребята! Мы выпьем у тебя чайку. Хочешь, ты вообще ложись спать, мы на кухне поболтаем и разойдемся, завтра мы все равно уезжаем на картошку. Кстати, а ты не едешь? Слушай, ну пожалуйста, я тебе новенького покажу, и мы уйдем. Да, да, да...

— Только побыстрее, хочу спать...

Вот они уже сидят на кухне снимаемой Ниной квартиры.

Люся чистит картошку и селедочку. Витька пытается найти штопор в пространствах полной пустоты.

— Я недавно нашла это гнездышко. Не обжилась еще, знаете ли...

На кухне чайник, в комнате матрац.

Нина, с одной стороны, всегда дико сдержанна в эмоциях, с другой стороны, каждое сказанное ею слово вызывает взрыв хохота. Все воодушевились, Люська шепнула Нине на ухо, что все супер. Совершенно неожиданно этот хваленый новенький Костя посмотрел на Нину и встал из-за импровизированного стола (доска на табурете). Чтобы его выпустить, Нине тоже пришлось встать. Он явно намеревался выйти в коридор, они смотрели уже друг на друга, не отрывая взглядов. Костя вышел, держа хозяйку крепко за руку... Все тактично промолчали, а потом долго что-то говорили нарочито громко. Он был удивительный. Нина не запомнила, когда все разошлись.

Услышав краем уха что-то про всеобщий отъезд на картошку, она машинально поставила будильник на шесть утра.

Будильник звенел, как майский гром. Они сидели на единственном матрасе и с удивлением, нежностью и юношеским восторгом смотрели друг на друга.

— Сударь, вам уезжать, страна зовет.

Она долго стояла, прислонившись к косяку двери, слушала, как шумел в сонном доме уплывающий лифт. Две недели спустя Нина сидела у себя в офисе, день только начинался. Дверь с грохотом отворилась. Такой возбужденной свою хорошую подругу она давно не видела. Та вся светилась. Видно, выезд на картошку ей пошел на пользу. Она взахлеб начала молотить про картофельные дела. Мол, скука была смертная, одни старперы.

— Нет, ты ведь не знаешь, у нас в конторе новенький, он только устроился на работу, его сразу на картошку и отправили. Не... Это отпад. Если бы не он, скука была бы вселенская.

Нина молча слушала, немного сильнее, чем хотелось бы, билось сердце. Подруга щебетала, ей казалось, что она влюблена, оказывается,

Костя не женат и вообще, это то, чего она так давно ждала. Голос звучал где-то вдалеке, а в ушах у Нины шумело море, если бы ее попросили встать, вряд ли она смогла бы это сделать. Вика не замечала того, что с ней творилось. Да, воля у Нинки, как у истинных арийцев. Тут дверь открылась, и вошел Он... Взглянув, Нина вдруг поняла, что встречи, так неожиданно начавшиеся, еще будут. «Я — это Я», — успокоила она себя. Вика тем временем вскочила, защебетала еще громче, стала их знакомить. Нина и Костя добросовестно познакомились. Кстати, у него оказалась вполне звучная фамилия...

Они встречались еще пару раз, но и с Викой он встретился не более все тех же двух раз. Он просто был молод и красив. И любил многих красивых девчонок.

Рюмочка коньяка

На него она даже особенно не смотрела. Слишком красив, раньше таких показывали в фильмах про индейцев. Загорелый, накачанный, густые, как смоль черные, до плеч, волосы. Говорили, что он врач. Он был весел, молод, до тридцати... И так упивался своей красотой и бесконечными сердечного характера победами, что трудно было представить его в роли молодого врача. Хотя, возможно, это у него в крови, и «медицина», как и другие особы женского пола, не оставалась без внимания. Все сходили с ума, воздух был пропитан разговорами о нем.

Она тем временем строила из себя дико озабоченную своими делами леди, наблюдая за всем происходящим одним глазом. Для солидности обзавелась двумя друзьями и вечерами сидела с ними в танцбаре, потягивая мартини. Они дружно делали вид, что их не интересуют интриги общества. Почему-то иногда неприлично громко смеялись, так делают весьма легкомысленные люди, чтобы привлечь к себе внимание. Один из друзей был известный адвокат, другой — коммерсант, о леди история умалчивает. Они вместе гуляли днем, заполняя весьма неглупыми разговорами вялотекущий отпуск. Каждый не отказался бы от легкого флирта, но за неимением та-

кового посмеивался над всеобщей любовной лихорадкой, царившей вокруг.

Отпуск — странная штука: зной, запах моря и звезды делают людей безумными. Простившись со своими друзьями, она отправилась в свой номер спать. Хлопнув дверью, вдруг почувствовала, что дверь не хочет закрываться, кто-то из коридора ее придерживал, с любопытством выглянула... И так с разинутым ртом и осталась на несколько секунд. Все остроумие, веселость, кокетство и ехидство последних дней мгновенно испарились. За дверью стоял он, супермен-врач, и мило улыбался. Не дав ей опомниться, он выпалил: «Все время хочу вас поймать, но вы неуловимы, не заглянете ли ко мне на огонек, поболтаем».

«О, да!» — мгновенно выпалила молодая женщина, а он, как Старик Хоттабыч, быстро испарился. Теперь дверь закрылась легко. Она стала нервно размышлять: «Терпеть не могу красавчиков, а за ним уже вторую неделю носятся толпы девиц. Противный, наверняка врач-двоечник, да еще может подумать, что я струсил! Поговорить? О чем? О погоде!» Откуда-то возникла непростительная уверенность, что можно отделаться легкой непринужденной беседой и с достоинством удалиться спать. Да, ситуация неожиданно смешная. Хотя, вопреки своим правильным намерениям, метнулась почему-то в душ, вывернула все из шкафа. Сердце колотилось, как у затравленного кролика, она делала все не так. Через десять минут ей стало ясно, что попала в капкан. Наверное, он был врач-психотерапевт или, что еще смешнее, сексопатолог.

Он нагло и очень интеллигентно улыбался. Он был великолепен. Как индеец, мягко ступал по ковру, зажигая свечи. Абсолютно спокоен, в него нельзя было не влюбиться. Она еще сопротивлялась, пытаясь выискать в нем недостатки. В ушах звенело. После того как громом прозвучало предложение откусить коньячку и шоколадку, она почувствовала себя полной, увя, душой. Ужас, надо бежать... Ему же, напротив, с каждой минутой становилось все интереснее. Отвратительный терапевт внимательно следил за каждым движением незнакомки. А она с ужасом подумала, что лифчик и трусы из разных гарнитуров, а под брюками — жуткие гольфы, которые оставляют глубокие дурацкие следы на ногах, и кстати, о ногах... Она ненавидела себя за свой наив, неуверенность, казалась себе маленьким гадким утенком. Он же действительно хорошо знал и понимал женщин. Значительно чаще к нему в сети попадались прожженные тигрицы, да почти всегда. Он вдруг стал каким-то простым и уютным. Они долго болтали и пили коньяк. Он хотел ее целовать, она не стала с этим спорить, а потом оторвал ее от пола, покружил под музыку и сказал: «Воробышек, иди спать и будь осторожнее». Сейчас она думает, что он все-таки хороший доктор, врач-терапевт...

Вместе

Они офигенно смотрятся вместе... Первые минут пятнадцать-двадцать. Когда начинаешь присматриваться, что-то напрягает. Вот она уже шипит, как змея.

Он начинает отвечать тем же, или, что еще печальнее, подхлюпывать и подскуливать. Хотя его красивый и мужественный внешний вид совсем не подразумевает слез. Но, возможно, ему действительно плохо, вдруг он реально заболел... Но в ней нет ни крохи милосердия, она не знает слов: «жалко», «заботиться», «жертвовать собой (своим временем, развлечениями, пищей, сном) ради...». Что это, эгоизм временный или это навсегда? А как же старики? Да, пока молоды их родители. А животные, а дети. Ведь в жизни все только любовью за любовь... и наоборот. Но это знаю я, а она? И почему он все время плачет? Такой красивый и мужественный. Почему не хочет он трудиться в полную меру своих сил, зачем надеется на влиятельных родителей. Как будет жить дальше?

Они так хорошо смотрятся вместе. А что потом? Всю жизнь держаться за это «хорошо посмотримся»? А копни глубже. Жаль, что в них так много эгоизма. Но, возможно, им легко и спокойно. Возможно, это только мне, с моим восприятием жизни, многое непонятно. Легче без жалости и сострадания, думая только о себе, о сиюминутных потребностях, переступая через всех, идти вперед. Я же иногда ползу к своей цели. Они, вероятно, быстрее доберутся до высот или их высота не достигнет даже нулевой отметки? Как знать? Но пока они очень хорошо смотрятся вместе...

Знаете, другие — из такого же теста, порой беспредельно избалованные — мне кажутся и целеустремленнее, и менее эгоистичными. Попадают среди них

воспитанные, способные сострадать, чувствовать не только себя, но и окружающий мир... Так неужели эти двое действительно на всю жизнь созданы друг для друга? Их жизнь — сплошной вулкан, окружающим лучше сматывать удочки и бежать прочь, быть подальше. Но как же они хорошо смотрятся вместе!

Поддерживать отношения с мужчиной только потому, что неплохо с ним смотришься, или в силу того, что он обеспечен, имеет влиятельные тылы, или, к примеру, он хороший врач и неплохо иметь его при себе, или он умеет вкусно готовить, — все это в тысячу раз безнравственней, чем проявление обычного эгоизма. Но надо же и эгоисту иметь силы и мужество говорить «нет!!!». Не тогда, когда тебе стало как воздух необходимо разорвать эти утомительные отношения, а на полсекунды раньше.

* * *

Сумасшедший, опять звонил, сказал, что она у него есть, благодарил за это. Как такое может быть, они не виделись тридцать лет. Странно, за час до его звонка она сама почему-то набирала его номер. Но запутавшись в городах, кодах и времени, услышав гудок в никуда, оставила эту затею. Даже забыла на миг, что собиралась ему позвонить. Он об этом так и не узнает, будет думать, что лишь он раз в году набирает ее номер... Да, сказал ей, что сегодня ночь Ивана Купалы. Погрузившись в водное пространство разных широт, они — опять вместе.

Переводчица

Это было давно, в маленьком портовом городишке. Она с мужем приезжала туда каждый год, как на летнюю южную дачу. Уже сложились традиции, привычки, любимые маршруты, пляжи, кафешки, ресторанчики. Казалось, что за холодную долгую зиму все эти места начинали без них скучать. Вкусив теплого моря, набродившись до полного изнеможения, они сели обедать на открытой веранде одного из своих любимых ресторанов. Вид потрясающий. Море, набережная. В порту — огромный пароход. Множество туристов и отдыхающих. Детей, взрослых, местных и приезжих. Одним словом, жизнь летит, наблюдай не хочи. Заказав обед и налив по бокалу местного вина, они расположились поудобнее и с умиротворением созерцали... За соседним столиком возникла еще одна пара. Он был, вероятно, иностранцем с большого парохода, а она, судя по всему, переводчица-гид. Шикарно говорила по-английски, бегло, эмоционально. Очевидно, имела неплохое образование: историю и географию родного края преподносила грамотно, со вкусом. В курортных местах много переводчиков, гидов, но эта мне как-то особенно понравилась. «Молодец!» — подумала я. Даже возникло чувство гордости за отечество. Когда профессионал на своем месте — это так здорово. Знай наших. Раньше, бывало, пасовали мы перед иностранцами. Смотришь на разных теток-кошелоков, ну — тюхи-матюхи. Знаний в голове — ноль. Ни вкуса, ни формы, словно они не женщины, а так, приложение к музеям и достопримечательностям нашего уникального

края. А тут — есть чем гордиться. Муж быстро переключился на изучение кулинарных способностей местного повара. А я то и дело прислушивалась к жизни за соседним столиком. Они явно привлекали внимание. Девушка светилась молодостью, а он — зрелой мудростью. Я сказала мужу, что, видимо, она не только переводчик для нашего гостя. Мужчины не очень любят прислушиваться, подсматривать и обсуждать! Не все, конечно, но мой муж категорически не одобряет подобного. Но в данной ситуации и он оторвался от трапезы и бросил внимательный и умный взгляд на соседей. Потом улыбнулся и сказал: «Ну и отлично, здорово, что ж в этом плохого». Да и я почему-то рада была чужому, возможно мимолетному, счастью. Хотя как знать... Вот приехал за золушкой принц заморский. Возможно, у них там и нет таких красивых, добрых, умных женщин. Соседка встала и показала спутнику, как хороша в новом платье, видимо только что подаренном. Им принесли вино, он ее фотографировал. Она отличалась от многих своих подруг-соотечественниц еще и какой-то дипломатической сдержанностью, вкусом, тактом. Точно, МГИМО закончила, вот она какая доля женская. Сколько их — одиноких, красивых, умных. Иностранец взял ее за руку, смотрел ей в глаза, пил вино и молчал. Она тоже затихла. Показалось, что и на набережной стало как-то тише. На открытой веранде ресторана — тень и прохлада; над морем и набережной — солнце в зените и зной.

Иностранец полез в карман льняной рубахи и достал маленькую ювелирную коробочку — кольцо. Надев его на грациозно подставленный пальчик, он

улыбнулся. Мой муж вдруг сказал, как приятно любому мужчине делать женщине подарки. В особенности если ты не беден, а она так хороша. А для чего он их зарабатывает, эти деньги? Это, собственно, и есть некий символ мужской силы и женской слабости. Мне очень хотелось, чтобы наш герой увез девушку с собой и они были счастливы. Мне очень не хотелось встретить ее с другим гостем с большого парохода в этом же ресторане через год. Мы встретились с ней взглядом и заговорщически улыбнулись друг другу.

* * *

Мужчины... Если их делят на однолюбов и бабников, то это неверно. Ни один однолюб не уделяет весь свой внутренний мир ей одной. Порой присутствует еще более сильная, чем у бабников, страсть. Это или любовь к шикарным автомобилям, или влюбленность в некий свой спорт, возможно, охоту, рыбалку... Как часто для художников и музыкантов холсты, краски и звуки затмевают ее, ту единственную, возможно, изначально — музу...

* * *

У него всегда было множество женщин. Что в нем такого особенного, нет же, они сходили с ума! Многие знали про существование друг друга, страдали и ревновали. А он — преуспевающий, уверенный в себе, веселый. Да

нет, не нахал, даже, пожалуй, наоборот. Добрый, женат, очень внимателен. Но не мог он без них, таких разных... Водоворот, жизнь бьет ключом, он герой...

* * *

Она мыслями уже была где-то очень далеко. Ловила машину и собиралась уезжать, оставляя его одного на автобусной остановке.

Тысячи раз он делал то же самое, оставляя их, стараясь не смотреть в те глаза. Оправдываясь, что это не от него зависит, такая, видно, судьба, и тому подобное. И вот, сейчас она говорит ему его же привычные дежурные фразы.

А он готов разрыдаться как ребенок, только бы не отпустить ее больше никогда в никуда, в эту чужую и закрытую для него жизнь. Кажется, каждая из тех, кого он так же безжалостно оставлял в ночи, каждая готова была бы стать его женой. А вот сейчас в мужья-то его и не хотят. Она еще будет у него какое-то время, и он сможет говорить ей: «Моя!» Но уж слишком она свободная. Не сграницы ее многогранности в силах ему охватить. Такси уезжало в ночь, он еще долго стоял на автобусной остановке.

Авантюрист

Она вызывала у него вечные желания. Появлялась... Желание бродило вокруг нее, заполняя любые пространства. Он, как истинный джентльмен, не мог дать

этому бурному желанию умереть на корню. При любых, самых нереальных, обстоятельствах он добивался своего. Ее веселила, будоражила такая сексуальная игра. Она придумывала все новые и новые необычные ситуации. Скучная размеренная жизнь вдруг приобрела смысл. Появилась цель. Теперь было понятно, куда идти, для чего наряжаться.

Иногда говорят: «Подумаешь, окружающие, надо и для себя самой выглядеть отлично...» Нет, это абсурд стараться для себя одной! Она — женщина молодая, шикарная, так пусть будет для него... Подумаешь, какая ерунда, ну старше этот сегодняшний герой лет на 15–20. Проверено, таблетку...

*Он, похоже, старше моего отца.
Дьявол, рядом с ним бегут
по спине мурашки и слабеют ноги.
Давно такого не было.
Хочется принести ему
нитроглицерин,
а потом заняться любовью...*

Его хотелось. Может быть, от скуки... Нет, он реально выгодно отличался от других мужчин. Был оригинален, нага, элегантен, его авантюризм подливал масла в огонь. Конечно, в чем-то он — подлец, но женщин не поймешь, не тянуть же за собой скучную амебу. Да и не с ней все эти, плохие по общепринятым нормам, качества он проявлял. Ее он уважал, ценил, хотел, до-

бывался, мучился, в общем, носил на руках. Они даже придумали для себя такую игру, что все его муки, связанные с любовными переживаниями, ниспосланы ему в наказание за предыдущие тяжкие грехи. Кстати, о которых почему-то все наперебой стремились рассказать ей. Она не слушала никого. Зачем... Утром, как на работу, она вскакивала по будильнику, приводила себя в порядок и, выбрав убийственно элегантный или явно эпатажный наряд, неслась к своему дедушке. Да, так и не смогла называть его по имени. Это, в особые минуты, придавало особую пикантность процессу. Иногда он переоценивал свои возрастные способности, и она мчалась на кухню за корвалолом. Говорил, что таких ощущений у него по жизни ни с кем не было. Она удивлялась: такой большой — и не было! Странно.

Совещание в его офисе. Вдруг она промелькнет мимо открытых дверей, изысканная, не вульгарная, сама невинность, божество. Он строго, подчеркнуто сдержанно, скажет сослуживцам: «Извините, мне на 15 минут надо выйти». И возвращается обратно ровно через 15 минут, бледный и взволнованный. Она тихо и элегантно уезжала. Никто не слышал, как безумствовал в ее голове адреналин. Как будто ничего и не было в этой соседней с его кабинетом комнате. Но если эту энергию двух безумных авантюристов выпустить наружу, в офисе бы лопнули все лампочки. Уже дома, уютно расположившись в кресле, она наливала себе бокал вина и загадочно-неповторимо улыбалась. А он, сказав, что совещание окончено, снимал галстук и, глядя в сторо-

ну уехавшего автомобиля, закуривал сигарету. Не знал, куда спрятать галстук... И опять ее хотел, дико хотел... Он не мог с ней гулять вот так, не мог... Но гулял. Она его мучила, получая от него все, что ей позволяли наглость юности, неосознанный эгоизм. Таких адских и сладостных летних каникул у него еще не было и не будет. Девочка уедет, подрастет. Для нее все ново, приятно, а остальное — не важно...

Изменяются нормы и взгляды, придет другая эпоха. Будут новые радости, новые запреты... Но оба они будут вспоминать эгоизм плоти, эту силу молодости, желаний, женского торжества и безумия мужского.

* * *

*Развесить шторы-мулечки,
Расставить свечи-тарелочки и ждать,
Когда он войдет и... не оценит все это.*

* * *

Любя такое количество женщин, он успевал о них еще и заботиться. Он не стеснясь говорил: «Мне нужно в больницу к Свете». Целовал на прощание и убегал. Если что-то покупал, то глобально, например сразу трех кур. «Надо завезти девочкам, ведь я теперь с тобой, а жизнь сейчас такая тяжелая». Очень, очень порядочный мужчина.

Праздники

Он поступил нечестно. Всегда говорил, что женат, а это означало, что она не несет никакой ответственности за его жизнь. Она только маленький или, уж если ему так хочется, очень большой, праздник. И вот тебе на...

Оказывается, они давно хотели развестись и лишь из-за дочери этого не объявляли своим родственникам. И вот теперь, так как ему очень понравились их маленькие и большие праздники, он созрел и всенепременно решил на ней жениться. Кошмар! Да, праздники — и для нее тоже праздники, и там нет никакой фальши. Но есть еще очень много поглощающих ее разностей, кроме их праздников, неприкосновенное... В какой-то мере это ее трудности и ее свобода одновременно. Зря изначально он не сказал всю правду о себе, зря...

Ничего не менять...

Обычно он ждал ее на перроне. Стоял у первого вагона в своем стильном пальто, с дипломатом, читал газету. Это случайность, что жили они на одной ветке метро. Здорово, можно было чаще видеть друг друга.

Она работала дальше от метро и появлялась на пару поездов позже.

Чаще была одна, иногда с кем-то из сослуживцев. Они молча ловили взгляды друг друга, остальное — не сегодня. Смысл дня: проехать в метро в одном вагоне — такая вот маленькая тайна. У другого дня тайна будет другая. Они,

тихо раскачиваясь в такт колебанию поезда, смотрели друг на друга поверх голов и газет. На следующей остановке заходила в вагон его жена. Он целовал ее в щеку, брал из рук сумку, они что-то начинали обсуждать. Он продолжал спокойно и тихо смотреть поверх голов и газет.

В другом конце вагона ему отвечали таким же все понимающим взглядом.

Через одну — его остановка, она ехала дальше. Им было хорошо и спокойно.

Поболтать по телефону можно будет завтра во время работы.

Ничего не хотелось менять в своей жизни...

* * *

Они иногда встречались после работы, просто чтобы прогуляться и поговорить. Им было интересно вдвоем. Одинаково ощущали биение улиц, наблюдали жизнь и испытывали определенную взаимную нежность.

Большого количества времени для прогулок у них не было, иногда весь вечер просто молчали, но это окружающим могло казаться, что они молчат. Внутренний голос говорил непрерывно. Иногда становилось весело, смеялись. Гуляли по бульварам, сидели в парках, ходили вдоль набережной Москва-реки. Слегка обнявшись, держась за хлястики джинсовых брюк, они выглядели как подростки. Хотелось шалить, немного кричать и целоваться под желтым фонарем. Ведь если ты уже взрослый, совсем не значит, что тебе нельзя шалить, например пинать

ногой камушек или говорить всем прохожим: «Добрый вечер!»

Вдруг совершенно неожиданно он сделал легкое отталкивающее движение. Нет, нет, не так, чтобы упасть. А чтобы непроизвольно сделать шаг в сторону. Он всегда был необычайно внимателен, и она быстро и верно отреагировала на эту непредвиденную ситуацию. Со стороны могло показаться, что эти двое не вместе. Он ускорил шаг и перешел на другую сторону улицы. Она медленно шла, как и раньше, и даже приостановилась у одной из витрин. В отражении было видно, что к нему подошла девушка, они громко и бурно здоровались. Та не могла перестать удивляться, что видит его в столь неожиданном для него квартале Москвы, он что-то принялся объяснять, дескать по работе и т. п. Незнакомка, распрощавшись, сказала:

«Вечером позвоню». Он быстро догнал свою первоначальную спутницу.

«Подруга жены...» Он явно был смущен случившимся. Они тихо шли дальше, молча, как обычно.

Ничего не хотелось менять в своей жизни...

Ремонт

Чтобы не испачкаться в строительном мусоре, они делали это стоя, под болтающейся на потолке, в центре комнаты, лампочкой. Большие газетные листы прикрывали свежеложенный паркет. Стены еще не высохли. На окнах белели пятна извести. Даже шубу положить было не на что.

Один последний рабочий гвоздь в дверном наличнике и один заляпанный краской табурет. Скоро, скоро это все уберут, и уютная свежая комната заживет новой жизнью.

Он был таким спортивным и жилистым, что ухитрялся стоя держать ее на руках, вытворял при этом чудеса сексуального искусства и, не теряя равновесия и самообладания, не забывал об обоюдном удовольствии. Да и она, видимо, родилась в цирке и просто умирала от его выкрутасов, все более и более оригинальных раз от раза...

* * *

Ревнует, достает и мучает человек, который на это не имеет ни малейшего права.

Это — шантаж, физический и духовный.

* * *

В то время, когда ровесники, бегая по спортзалу, впадают в подростковый период, глазают (да и не только глазают) на молодых девчонок, на все готовых ради заграничной поездки или сумочки от Gucci, мужчины постарше говорят: «Ах! Какая женщина!» А те, кто помоложе, нагло напирают, требуют любви, готовы доставлять райские удовольствия, носить на руках. Если вдруг простуда, покормить с ложечки. Они устали от глупых малолеток. Они молоды, интеллигентны, тактичны, выдержанны и искусны в любви.

* * *

Он почувствовал соперника, как чувствуют бедствие; как приговор. Когда еще ничего не было. И был прав. Они поменялись для нее ролями, теперь один из них должен исчезнуть. И так было у нее с каждым. Пройдет год-два, и кто-то новый ощутит тот же привкус предстоящей разлуки. Ощутит заранее, когда она сама об этом еще не думает. Возможно, мужчины раньше самой женщины чувствуют приближение измены. Уходил один. Появлялся другой. Однажды ей сказал друг, что кое-кто из ее окружения ей небезразличен. Вздор! Сказал за два года до события и не ошибся. Как они это чувствуют?! Тогда тот, новый, был ей незнаком, неинтересен, даже смешон. Но два года спустя действительно вспыхнул костер. А старый друг, горько улыбаясь, ушел.

* * *

Любить молодую, юную, красивую — легко.
Любить умную, зрелую, прекрасную — особое искусство.

Не каждый мужчина обладает умением и терпением любить взрослую женщину.

Сын!

Вечером Инга заглянула в свой планинг и поняла, что сегодня явно переусердствовала.

С 12:00 до 13:00 — силовая тренировка

с 13:00 до 13:30 — бассейн

с 13:30 до 13:40 — солярий

с 14:00 до 15:00 — косметолог.

Перебор. Она еще хотела с 16:00 до 17:00 позаниматься спортивным силовым массажем, но сломалась на бульоне с салатом. Салат отличный, овощной, помидоры в этом сезоне ароматные. Когда салата слишком много, Инга называет его «обширный», но не съесть не может... Хороша нынче и клубника. Да и молодая картошечка удалась на славу. Инга вдруг с легким раздражением вспомнила свой визит к косметологу, резко отодвинула в сторону тарелку. Подошла к зеркалу, покрутилась, и, уже с улыбкой, сбросив стильную темную челку со лба, сказала своему отражению:

«Да эта девица, косметолог, просто сошла с ума. Что значит — сын?! Я так классно сегодня выгляжу. Я вешу меньше пятидесяти пяти килограмм. Мне в пору мои школьные вещи, у меня нет морщин на лбу, ни разу не делала ботокс. У меня шикарные огромные глаза. Модная эпатажная одежда. Да мне самой лет двадцать, а не ему. А она — не в бровь, а в глаз. Ну да, по возрасту мог бы быть и сыном, так кто сейчас про возраст спрашивает. Ну и ради кого, собственно, я к этой мымре хожу, сижу с маской на физиономии, маникюрюсь...»

Инга вернулась к столу. Картошечка остыла, есть расхотелось. Мысли вертелись в голове. Подумала: «Надо было все-таки ответить: «Да, бабушка, это мой сын, хороший мальчик. Хотя она, видно, моя ровесница. Вероятно, из ревности и зависти вставила едкое словечко про сына. Что ж, буду играть роль мамы до конца. Да, очень хороший мальчик, сейчас такое неспокойное время, страшно за детей, не дай бог, плохая компания... А этот вот сынок сидит и тихо ждет, с работы всегда встречает»». Постепенно Инга вошла в образ, но, почувствовав несвойственную ей злость, жажду мести, сказала себе: «Стоп. Чего я злюсь? Не прошло и двух часов после досадного недоразумения, а я стала еще краше». Инга вспомнила, как бережно сынуля взял из ее рук сумку и взамен протянул розу. Интересно, мымра это видела? Вообще наплевать. Скорей всего, он, действительно, очень интеллигентный, воспитанный мальчик. Наверняка будет смеяться, если узнает о потоке ее мыслей и о том, что с ним она реально чувствует себя лет на двадцать пять — тридцать, оттого и болтает всякие глупости, словно они ровесники.

А вообще, кто его знает, о чем он там думает... Нахал!!! К чему эти штучки с розочками, ожидания и прогулки якобы делового характера.

Мамочка очень и очень сердится. Взять бы и спросить в лоб: «Что ты думаешь о наших отношениях?» Воспитанный мальчик ответит: «Маменька, что вы, какие там отношения». Прикол. Холодный душ, очки и зеркало — три раза в сутки. Лечит от глупостей.

Банщик

Она приехала в этот светлый город зимой. И просто захлебнулась холодным морским ветром. В квартирах топили весьма неуверенно. Выяснилось, что и горячей воды хватает лишь на утреннюю чистку зубов. В остальных случаях воду надо кипятить и, подпрыгивая на цыпочках в промозглой ванной, совершать водные процедуры, а потом, покрываясь гусиной кожей и скукожившись, как старушечка, судорожно облекать себя во все содержимое чемодана. Через пару дней она зашла в одну из достаточно новых в городе гостиниц с целью пообедать в гостиничном ресторанчике. Тогда все только начинало бурно и стремительно меняться. Над дверью уже красовалось слово «Отель». А рабочие думали, размещать им четвертую звезду или оставить три (словно звездность подобного рода именно рабочими и присуждалась).

Обед оказался на редкость вкусным. Она уже совсем было собралась уходить к себе домой, в вечный холод, как вдруг увидела на одной из дверей отеля слово «Баня». На всякий случай решила спросить, есть ли в бане горячая вода, получив в ответ весьма конкретное, не лишённое сарказма, предложение девушки-портъё: «Да! А что? Хотите записаться? Пожалуйста, сейчас или когда вам удобно?» «Вечером», — выпалила героиня. Надежда на то, что перед сном, хоть и придется идти через дорогу, некоторое количество тепла будет обеспечено, весьма окрыляла.

Неведомо почему, она всегда чувствовала себя взрослее, серьезнее и строже, чем была на самом деле. Говорят, в детстве она, проходя под волейбольной сеткой, сгибалась в три погибели (как это делали взрослые), думая, в своем трехлетнем возрасте, что заденет сетку головой. Стрелки часов приближались к намеченному часу.

«Пора идти», — сказала она сама себе. И вдруг ощутила какую-то досаду, в этот холодный зимний день опять почувствовала себя куда старше и строже, чем это бывает на пороге двадцатилетия. За дверью с вывеской «Баня», ставшей вдруг отелем с устойчивыми тремя звездами, стоял юный улыбающийся банщик. Он парил веники, поддавал жару, кипятил чайник и доставал из шкафчика мед. От крымской лаванды и его шокирующей юности голова пошла кругом. Ну не просить же замены банщика... Этот явно соответствовал уровню отеля, не важно, с каким в конечном итоге количеством звезд. Простыни шуршали, веники летали, она розовела и млела. Он профессионально выгонял промозглость последних дней, заметив между делом, что можно и массаж, а еще и с вызовом на дом...

Остаток отпуска рука не раз тянулась к телефону. Одна в пустой квартире... Да, массаж, это то, что было бы сейчас весьма и весьма для души и тела. Мысль о приветливом, неглупом банщике заставляла ее краснеть. Но удобно ли, ведь она такая мудрая и взрослая, а он такой молодой. Года два спустя, проводя отпуск в том же приморском городе, она узнала, что в отеле напротив

банщиком работает все тот же юноша, зовут его Павел и он старше ее лет на пять. Непонятно, почему возраст в юности имел для нее такое большое значение в случае романтических знакомств. Сейчас это кажется смешным, подумаешь плюс-минус пять лет, а то и десять. Но, собственно, к чему вдруг об этом?

Новые краски

Они неожиданно для себя совпали. Его и ее родственники отчалили на дачи. Они уже успели привыкнуть к своим ежедневным прогулкам по московским переулкам, улицам и набережным на протяжении последних пяти-шести месяцев. И вдруг — как гром и молнии — сразу две свободные квартиры. Решили посидеть вечером у него за чашкой чая. Посидеть? Конечно, все это время хотелось остаться наедине, вдвоем, без посторонних глаз, но сегодня она сомневалась, так ли сильно хотелось или это только казалось из-за уже ставших закономерностью несовпадений. Дополнит ли этот вечер их отношения новыми красками? Похоже, что ему было хорошо, ему ничего не казалось, он ни в чем не сомневался.

Она не предполагала, что он так много курит. Его активность явно не сочеталась с ее романтизмом. Сильный дым от сигарет заполнял кухню. Он слишком много говорил, бесконечно пил чай и постоянно приглашал обратно в комнату. Казалось, эта ночь никогда не кончится. «Как некстати разъехались наши родственники», — по-

думала она. Что-то изменилось. Разбираться, какие краски добавились в отношения, не хотелось. Они больше не гуляли по улицам, бульварам и набережным.

Пробуждение

Для себя она знала, что у нее их двое. Двое — в одном мужском теле: Дух и Плоть. Сегодня первый был немного сонный, уставший. Его светловолосая голова, с разметавшимися по подушке волосами, дремала. Красивые длинные ноги, словно уходя от духоты, лежали поверх одеяла. Руки иногда пытались обозначить свое присутствие, но, шевельнувшись, снова крепко засыпали.

Она не спала, но сладкая истома не давала ей пошевелиться. Лежа на животе, повернувшись лицом в сторону лоджии, она следила за игрой солнечного луча, струившегося через шторы. Ее обнаженное тело, красивое и сладко манящее, нарочито не желало прятаться под одеяло. Повернувшись к нему слегка ноющей от предвкушения спиной, талией и всеми иными своими нежностями, она старалась не тревожить Дух. Одна ее рука, потеряв терпение, без разрешения на то... пошла к Плоти. Второй не спал! Он гордо подрагивал в своей крепкой величественной красоте, влажный от нетерпения, готовый сотворить чудо, дожидаясь пробуждения хозяина.

Вдруг он — замер! Встреча плоти с ее рукой заставила Дух застонать. Но крепкий сон все еще не отпускал первого из своих объятий. Она не шевелилась. И только рука ласково шепталась со своим другом.

Неожиданно — первый — перевернулся в полусне, укрыл своими большими, женственно нежными руками все, что так соблазнительно и выразительно смотрело на него, играя в солнечных лучах. Его руки, покрыв эту мягкую и ароматную упругость, уже не могли более спать. То слегка поглаживая, то крепко до боли сжимая восхитительное блюдо, руки скользили к талии и ниже. Теперь стонала она. Далее руки разбегались по двум ее красивым загорелым ногам. Когда они медленно возвращались назад, ее сердце уже взлетало в небеса. В висках звучали множественные молоточки и колокольчики. Забыв об осторожности, ее играющая рука крепко сдавила второго, что заставило все мужское естество пробудиться.

Первый и второй, став наконец единым цельным и прекрасным, объяли ее бедра и, сжав руками маленькую грудь, не давая ей возможности взглянуть на развернувшуюся стихию, проникли туда, где стучало и билось особенно сильно то, что называется жизнью! Она уже не чувствовала более своих рук, тело подчинилось незнакомым ритмам и, независимо от нее, пело удивительную песню.

Как он красив в минуты своей удовлетворенной мужской слабости, красив на коленях перед женщиной, его богиней, красив, именно в эти мгновения, своей нежностью и спокойствием.

БАЛ СТАРЫХ ВЕЩЕЙ

*Комната, люстра,
стены, портрет,
в углу — буфет.
Старые книги, посуда,
ваза, ей много лет.
Нашим с тобой отношениям
сколько лет?
Есть ли им место в комнате
Или давно уже нет?*

Готовимся к балу

Картинная галерея блистает, играя... Краски, сюжеты, настроения. Куклы сегодня помогают на кухне, учтиво преподнося собравшимся конфеты, фрукты и шампанское. Люстры, искрясь хрустальными подвесками, струят свет времен. Такого в доме еще не было. Подушки, одеяла и баночки со специями — все сегодня готовы к приему гостей. Прабабушкин ридикюль шепчется со шляпкой, вспоминая былое. Ковры, свернутые в трубочки вместе с историческими газетами внутри, от моли, важно выступают под музыку, открывая бал величественным танцем кавалеров. Они приехали в этот дом из разных концов земли: Турция, Крым, Таджикистан, Татария, Мордовия, Венгрия и Индия. Разные вещи объединила одна семья, маленькая, но одновременно огромная. Отряд шелкунчиков в разных одеждах завершает шествие.

Вазы приглашают кавалеров

Вот и пришел долгожданный день, все в доме с волнением ждали его долгие годы. В полночь произойдет чудо. Будет неповторимый бал, второй за последние пятьдесят лет. Полным ходом идет подготовка к грандиозному событию.

Юная вязальная машинка Strikfee спешит, торопится отдать хозяйке нежное трикотажное полотно. Как ей все легко дается, каретка летает справа налево, иголочки, поглощая нить, как клавиши на фортепиано, выскакивают из своих квартирок, издавая веселые приветливые звуки «жиг-жиг», создают неповторимые узоры. Швейный Singer, как всегда, элегантен. Не первый век удивляет четкостью строчки и устойчивостью к любым видам нитей и тканей. Он терпелив с начинающими швеями и изысканно галантен с опытными мастерицами. Сегодня под бой курантов Singer поведет юную леди Strikfee на бал. Кто они? Старые и вечные, ненужные в наш век. Предки новых механизмов и вещей. Если они так хороши сегодня, как же они были прекрасны сто и более лет назад. Сколь многому они могут научить. Традиции, привычки, образ жизни моих близких, бабушек и бабушек. Они были так необходимы друг другу. Люди и вещи.

В ожидании букетов множественные вазы: хрусталь, стекло, фарфор, горделиво подняв головы и стяхивая последние пылинки, готовы закружиться в танце. Сегодня их хозяйка не спит. Удивительный сон стал реаль-

ностью. Хозяйка, в длинном шелковом платье, величаво спускается с верхних этажей своего оживленного дома. Куклы, вазы, картины, швейные машины и ковры несказанно радуются, ведь она будет сегодня болтать, танцевать и веселиться наравне с ними. С ними — вещами, предметами, образами, когда-то заботливо собранными, близкими ее родным и предкам. Вещами, сохраненными, незабытыми. Как много они ей рассказали, как помогли в трудную минуту, согрев теплом бабушек и мам. Музыка, удивительная музыка заполнила дом. Все закружилось. Легкий ветер, ворвавшись в сад, привел в движение вековые сосны, цветы. Запели птицы. Часы на всех этажах пробили полночь.

Диван

Чего он только не видел. Где он только не жил, не стоял и с кем только не спал. Вспомнить стыдно. А иногда — история, такие личности. Нет, он легенда. Носятся с ним как с писаной торбой. То сложат все его части воедино, то раскидают в плоскостях. Грустно бывает, то серединки, то уголка не хватает. Диван великолепен в своем громаде. А так, по кусочкам — жалость какая-то. И вот опять он воссоединен, стоит весь начищенный до блеска, готов к новым историческим событиям. Будет баюкать утомленных днем и топить в своих подушках влюбленных.

Диван не может забыть одну давнюю историю. В тот вечер они ворвались в квартиру как сумасшед-

шие. Он еще не стар, а она ну слишком уж молода, но дивно, дивно как хороша. И где это наш хозяин нашел такую! До дивана они даже не дотронулись, он скрипнул подлокотником и прикрыл от смущения глаза. Они его не замечали. В него летели брюки, блуза, юбка и прочие прелести... Ну как обидно, даже не присели, не то что не прилегли. Упали на ковер перед ним. Стихия. Хозяин был на высоте. А она в своей свежести отдавалась этому взрослому безумию, осознавая, что ни один из ее сверстников не способен на такую бурю страсти (они не доросли). И вот счастье. Хозяин взял как пушинку свою возлюбленную и, поцеловав, бережно уложил спать. О Боже, он доверил ее ему. Оделся и ушел. Богиня спит. Жизнь!

Буфет

Он стоит, такой узкий и высокий. Пока пустой. Говорят, в нем что-то не так. Но почему? Изящный, со стеклянной витриной. Такой гордый. Почему, если буфет — то обязательно пухлый, старомодный, с зауженным верхом и жирным низом. Он — из натурального массива, да еще с резьбой и расписными ручками. Ну не такой он, как другие, не такой. Узкий, высокий, но элегантен и вместителен. Пара непрозрачных полок снизу — для утвари. А для роскоши — весь стремящийся ввысь вверх. Да, он шикарен. Скоро все это поймут. А сервизы столовые, чайные, вазы и рюмки будут толпиться в очереди, стремясь занять лучшие места. Да пара нетленных

рукописей будет претендовать на полку под стеклом, толстая тетрадь с семейными рецептами перейдет из старого комода. Они полюбят его. Он терпелив, этот юный буфет...

* * *

*Абажур, он — вчера свалился на пол.
Чемодан, он — в пыли стоит, пустой.
За стеной кот обои исцарапал.
За окном гуляет пес чужой.
Абажур — от сквозняка качался.
В доме тапочки не сыщешь со свечой.
Кран на кухне вечно будет капать.
И на улице все заросло травой.
Абажур — в пыли, от солнца выцвел.
Шторы бьются в сквозняках судьбы.
По весне цветы из снега рвутся.
Я смеюсь, и сами мы смешны.*

Скатерть

О ней уже где-то говорилось. Родилась в Будапеште. Принесли ее к Одвенту (Рождеству) в удивительно уютной коробке. перевязанная подарочной лентой, прижимая к кружевной груди открытку, скатерть всплыла с посыльным в дом. Огромен был тот дубовый овальный стол. Ситец, шелка, лён, гобелены могли бы

Ирина Туманова

украшать его, своей тяжестью ниспадая к полу. Но он выбрал ее, хрупкую и кружевную. Через неповторимый ажур просвечивала красота, возраст и мудрость величественного дерева. А она — воздушна и прекрасна, в ее легкости — сила.

Потом скатерть вместе с семьей переехала из величественного Будапешта в маленький пряничный городишко Печ. (Fünf Kirche, фюнф кирхе, пять церквей. Или Печ (пету — пять). Прожив там около десяти лет, опять отправилась в путь. На этот раз — в Москву. Она не выцвела, не покрылась пятнами и разводами, нигде не надорвала своих узоров. Все так же свежа и хороша. Сейчас в Подмосковье... Господи, как прекрасна ее жизнь. Всегда в пути, всегда среди людей. Иногда, долгими ночами, в тиши, в одиночестве. И вот как романтично: она в уютном домике на берегу Волги. И не возлежит на дубовых столешницах, а смотрит во все окна на речные просторы, встречает зарю и провожает день. Она теперь не скатерть, а штора. Неизвестно, как сложится ее дальнейшая судьба.

ВРЕМЯ

Золушка

Когда-то слова «иностранец», «заграница» для многих соотечественников были за пределом фантастики. Интернетель, девочки из оного — запретное и порочное... Что все-таки там, внутри этого загадочного интернетеля, находится? Непорочным созданиям очень хотелось бы знать. Вдруг удастся туда заглянуть, ну одним глазком, и тут же обратно, в тихий, как болотная вода, совковый мир.

Были зимние студенческие каникулы, и впервые — абсолютно явное ощущение беспредельной взрослости. Маша сказала, что едет в Питер к школьной подруге. Родители — в восторге. Выросла девочка, сколько всего увидит... Колыбель русской культуры: Эрмитаж, Царское село, Петропавловская крепость, Невский проспект, Исаакиевский собор...

Родители добавили своему чаду из своей скромной зарплаты к столь же скромной стипендии некоторое количество финансов на весьма познавательную поездку. Но мысли у чада уже были набекрень: молодые питер-

ские студенты, еще более молодые московские студентки; наряды, культурная программа, включающая в себя далеко не только посещение музеев. Пройтись шумной толпой по Невскому — быть почти в центре внимания Вселенной. На ходу перекусить пирожками с мясом, запив бульоном (традиционное для Питера того времени блюдо) — это было круто. Быстро сколотившаяся вокруг двух юных и экстравагантных подруг компания засиживалась в одной из питерских коммуналок далеко за полночь. Пили чай, иногда вермут, и была удивительная банка с наивкуснейшим медом, присланная чей-то заботливой матушкой. Периодически дверью соседней комнаты скрипела старуха, напоминая персонаж известного произведения господина Достоевского. Днем бесконечно бродили по улицам, переулкам и дворикам, практически ни разу не прибегая к услугам общественного транспорта и тем более такси, везде пешком, иногда сокращая расстояния трамвайными маршрутами. Один раз удалось всем попасть на концерт подпольной тогда группы «ДДТ» и Гребенщикова.

Оставалась еще пара дней. Девочки были на высоте, сердца свободны, кавалеры — как на подбор. Вдруг один из них изрек: «Может, вечером сходим, посидим в баре интеротеля?» Оказывается, у него там знакомый гэбист, он и проведет с черного хода. Все молча слотнули слюну... Мужские взгляды устремились на суперподруг. Положительное воспитание и чувство ответственности за каждый вздох вызвали минутную паузу. Понятно, девушки боролись с искушением. «Принимается!» — радостно, в унисон ответили под-

руги. Начался адреналиновый «оживляш». Настроение улучшалось с каждой секундой. Необходим иностранный прикид, лихорадочно подсчитывались карманные деньги коллектива на такси и хотя бы на коктейльчик в баре. Решили надеть шляпы, их было три, правда, все мужские, добавили длинные шарфы, казалось, все выглядели дико эффектно.

В этот день действовали исключения из правил, пришлось воспользоваться услугами такси, интеротель обзывал. Да и не идти же по Питеру в столь чудачковатом прикиде. Гэбист получил свое вознаграждение, и вот команда уже на последнем этаже... «Удивительно, до чего виртуальна и активна вырвавшаяся мысль, как сильна ее энергия», — подумала московская леди Маша. В баре было темно и накурено. Те самые интердевочки сидели пока еще в одиночестве вокруг барной стойки. Иностранцы, со свойственной им непосредственностью, не подозревая, что в жизни могут быть какие-то запреты, шумели, танцевали, громко смеялись.

Утомленные содержательными дневными экскурсиями по Питеру, они с удовольствием уничтожали пиво, орешки, мартини... Маша, потягивая коктейль, размышляла про себя: «Родителям ничего не скажу, за такие штучки отца могут в 24 часа уволить с работы, почтовый ящик все-таки, а меня — отчислить из института. Как безмятежны и свободны иностранцы, наивные, всему верят, радуются и хохочут как ненормальные».

Подруги явно выигрышно выделялись, чувствовалось, что они из иной коллекции русских красавиц. Светлана первая стала распространять захватнически-

виртуальные мысли. Она только успела пискнуть, что за столиком в углу, кажется, англичане, один из них, вон тот блондин, дико похож на солиста из ее любимой группы Rubettes. Помещение было слишком маленьким, а мысль стремительна. Блондин уже шумно вылезал из-за низкого столика с целью пригласить Свету на медленный танец.

Супер, ведь она хорошо знает английский. Маша продолжила болтать с «проводжатым» через тот самый, черный, ход, наблюдая за развитием событий.

В определенный исторический момент времени в дверном проеме нарисовался удивительный типаж. Элегантный, в возрасте где-то около тридцати (восприятие юности), в шикарных мягких ботинках, пуловере и ни с какой-то там сигаретой, а с самой настоящей дорогой сигарой. Такое девушки видели только в кино. Он попросил бармена отрезать у сигары кончик. С достоинством и мягкой иронией осмотрел присутствующих, наполняя пространство диковинным ароматом заморского табака.

В голове у Маши промелькнуло: «Миллионер!» Как в сказке про Золушку, она мысленно уже отправлялась в далекие немецкие земли в качестве законной молодой супруги, а не какой-то там интердевочки!..

Естественно, миновав стены московского вуза, да и зачем жене миллионера образование. Миллионер мгновенно ощутил присутствие в баре чего-то весьма свежего и чистого. Их мысли с грохотом столкнулись в пространстве. Сложно понять, каким образом, но они уже танцевали. Он был родом из Австрии, а она велико-

лепно говорила на немецком. От бокала мартини Маша так разболталась, что он невольно заулыбался. Девушка объясняла, откуда и почему так хорошо знает немецкий, смеялась, ухитрилась затронуть высокие материи и политику. Но потом спохватилась: скорее всего, каждый второй не танцующий из присутствующих в баре — представитель известных всем нам органов (такое было время). Австрияк явно был приятно удивлен. Совсем не плохо скрасить остатки командировки присутствием юной леди.

Между тем другая, питерская, леди, Светлана, кипела от переполнявших ее впечатлений и английской болтовни, она была уже куда-то приглашена настоящей компанией. Интердевочки, не подцепив ни одного иностранца, бросали косые, озлобленные взгляды на непонятно откуда взявшихся соперниц. Это было уж слишком рискованно. Мальчишки тоже залились, но надо отдать им должное, они терпеливо наблюдали за триумфом подруг.

На полночный бой часов Маша отреагировала мгновенно, почти так же, как в той далекой детской сказке. Стало понятно: пора вспомнить о «проводжате через черный ход», и чем скорее, тем лучше. Еще правильнее ускориться не посредством лифта, а бежать вприпрыжку через две ступени. Скорость исчезновения двух подруг из отеля весьма потрясла иностранные круги, но где им понять ту социальную выправку лучших идейных девушек советских времен. Перемешанные чувства усталости, радости и гордости за всех наших переполняли их юные сердца.

Старье

Возмутительно. Даже невозможно представить, что сожгут или выкинут «мою!» любимую кофту, мамин сервиз, который бесконечно дорог мне, уничтожат коллекцию кукол и щелкунчиков. А шляпы! Их десятки: смешные, строгие, разные. Да и другое множество милых мне вещей: фотографии, диски, книги, концертные наряды. Неужели все это, мной ценимое и любимое, кому-то помешает? То, что беспрельдно дорого для одного, — полный безликий хлам для другого человека или даже поколения. Мой дед боролся за каждый гвоздь. Свекор не хочет делать ремонт, выбрасывать банки, газеты, старье, ковры, отслужившую свой срок посуду. Хотя моль давно дружит с его жилищем. Часто ходит на кладбище к любимой супруге. Кажется ему: тронуть что-нибудь — все равно что ей изменить. Ведь всю жизнь к этому шли: работали, копили, покупали... Мой отец все выбросил с уходом мамы в мир иной. Раздал нормальные вещи людям: одежду, мебель. Семейные реликвии, сервизы и хрусталь дарит нам с братом на разные праздники. Боится старости, чувствует себя молодым и любит женщин. В квартире — чистота, полно цветов и новых книг. Любит вино, еду вкусную, путешествия, деньги да подарочки — а кто же их не любит. Но и у него приходится порой выживать из холодильника недельный супчик, иногда припухший кефирчик. Как пойманный шаловливый мальчуган, с веселостью скажет: «Ну очистится организм!» Бельишко драненькое может проскользнуть в гардеробчике, и это — при обеспеченных

и заботливых детях. Понятно, какие-то вещи дороги: из Германии, Венгрии, где работал раньше, с мамой покупали. А продукты выкидывать жаль — война, голодное детство. Хотя потом и жил в Европе, ни в чем себе не отказывал. Но сидит в подкорке: мое, не трогать! Запрет! Но ведь есть же новое, зачем копить старое? А вот не шьют нынче такие кальсоны! Заграничные! Мы злимся. Вот старьевщики, жмоты, нафталинщики...

Помню у деда моего, на даче, пока он спал, сжигала, как можно быстрее, старье. Ему тогда уже было далеко за восемьдесят (он в девяносто четыре покинул нас). Проснется — и с палкой к костру, зола еще дымится. Ищет улики: газеты, журналы, старые телогрейки. Я искренне наводила порядок. Прогрызенные крысами, еще доверенные, вещи уже не подлежали ремонту, куча полиэтилена из-под удобрений, бутылки, которые не отмыть (их раньше сдавали), макулатура в мышинном помете, тоже сдавали, не помет, макулатуру. Он не позволил бы ничего сжечь и навести порядок, грудью защищал бы каждый башмак, покрытый плесенью. А у меня грудной ребенок, семья, я люблю чистоту, хотя уважаю старое, родное. Но... Друг рассказывает о своей матери: в старье ходила, взял да и выкинул враз все, купил новое, думал, будет восторг, а получился конфликт, не разговаривают. «Хочу то, что было», — говорит. Моя бабуля, ей сейчас девяносто четыре с копейками, мудрая. Отец ее к себе в Москву из Симферополя забрал, там все оставил, только один чемоданчик разрешил взять. Здесь обустроил ее как принцессу, свою спальню отдал, новые вещи купил. Может, она о чем-то и жалеет, но молчит. Стала книги

читать, Шолохова, Шукшина... Говорит, до девяноста лет глаза берегла, а сейчас чего уж их беречь. Отец подбирает для нее книги про то, их, старое, время. Новости смотрит, в здравом уме. Есть у нее и свои секретки, смотришь, что-то спрячет под подушку, чтобы отец не выкинул, но это все мелочи. Хитрит она порой. Ножки крестиком, ручки бантиком сложит, сидит наблюдает жизнь, говорит: «Я теперь, как дитя, что сын скажет, то и будет. Накормлена, ухожена, и на том спасибо». Они в войну вместе эвакуировались, бабушка работала, а он — мальчишка совсем. Двадцать лет у них разница, но общие воспоминания, стиль жизни, уклад. Да, к порядку возвращаясь... Так в жизни происходит: одно поколение, сменяя другое, стремится навести порядок. Кому радость, кому боль. Это — вечное противостояние. Вот у меня сейчас — образцово аккуратненькие квартира и дача. Человек я творческий, поэтому дом полон милых мне вещей: бабушкина швейная машина «Зингер», один самовар, дореволюционные утюги, куклы. Но я уже чувствую, как к моему порядку, укладу и добру подползает новое поколение.

— Мама! Ну что ты надела?

— В смысле? Это классика!

— Ужасно, сними немедленно!

Вещи я ношу аккуратно, и они в прекрасном состоянии, классика всегда в моде. Нет, для них это — отстой! И шляпа, и сумка, — все подвергается критике. Вот буду лет через двести старушкой, в костер ничего своего не дам, как дед, оборонять стану. Вечные ценности у каждого свои.

* * *

Она в определенном возрасте просто надо мной издевалась.

Так бывает у детей с пяти и до пятнадцати лет. Бессознательно, конечно, хотела меня, всю, без остатка, подчинить себе. Я не высыпалась. Ела не то, одевалась не так, как хотелось бы. Дочь просто пожирала меня, превратившись в маленького прехорошенького монстра. И я ей позволяла это. Возможно, для матери такая слепая любовь — как наркотик. Нет, отпор я ей все-таки давала, но уж очень незаметно.

Сегодня я могу надевать то, что хочу. Дочери уже за 15... она меня любит! Я покрасила волосы в рыжий цвет. Сажу на диете. Хочу сделать тату на копчике. Она не понимает, зачем мне это, но непротив. Думаю, вишенку с листочком. Могу подпрыгнуть на улице и глупо хихикнуть, она не будет ругаться, просто улыбнется, скажет, что я глупая, хотя знает, что я самая мудрая. Никто не верит, что она — мой поздний долгожданный ребенок. Многие говорят: «Вы как сестры». Я ее люблю.

* * *

Какое волшебное ОРЗ... Она сидит, родная, напротив, и мы с удивлением смотрим друг на друга. Дочь, я это вижу, так же чувствует: что-то произошло. Я не хмурая и бледная, с великомученическими глазами, в вирусе по самые уши. А я — пахну вьетнамским бальзамом «Звез-

дочка», упакована шарфом, всякой шерстью и носовыми платками. Я, напоенная теплым клюквенным морсом с медом, — просто свечусь от счастья.

— Ты не уедешь на дачу?

— А зачем? У меня температура, горло, я болею... Зачем мне уезжать?

Я вдруг понимаю, что она не пойдет сегодня тусоваться, не будет звонить по телефону, не закроется демонстративно в комнате и больше не спросит: «Мам, а ты скоро уедешь?» До меня доходит, как жар, как удушливая волна, — я сегодня нужна, меня любят. Дочь повзрослела в очередной раз. Конечно, будет еще, будет всяко. Но это уже другие этапы нашего с ней пути. Дача... Дом, где я пишу песни и стихи, там меня понимают и ценят. Природа, спокойная творческая обстановка, но... Кажется, она не понимает, насколько я смогу больше и лучше всего сделать, чувствуя ее любовь, не отвечая на вопросы: «скоро и надолго ли уеду». С подтекстом: «поскорее и подольше — было бы лучше», или: «вернись быстрее, ты нужна», в зависимости от ситуации.

Нужна не для того, чтоб покормить или убрать, не для шопинга, не из-за денег... А просто «ты — нужна, мама!». Родившись однажды, человек в течение своей жизни много раз взрослеет. Для карапуза слова «старше, взрослее» неуместны. Этапы таковы: уже годик; нам три; скоро в школу; подросла; нам трудно, у нас «переходный возраст»; подросток; повзрослела; девушка; умная девушка; взрослая совсем; женщина; мудрая. Что-то в этом роде. Один раз мне удалось зафиксировать остро этап взросления. Ей исполнилось восемь лет. Мы ехали

на поезде в Венгрию, где она родилась. Медленно проплыл перрон, замелькало ближайшее Подмосковье, поезд набирал ход. Я вздохнула и взглянула на дочь. Она меня не замечала. Деловито, словно маленькая женщина, она разбирала вещи. Выложила на стол билеты, достала пакетики с продуктами, мой и свой спортивные костюмы, туалетные принадлежности. Она все делала, как это обычно делаю я, с моим выражением на лице, моими присказками и повадками, она была — «моя копия». Я еле-еле подавила улыбку и слезы. Подросла! Уже не надо будет вздрагивать по ночам, подставлять ладошку, чтобы не ударились головой о край стола. Подкладывать на ночь ботинки под матрац для создания мнимого бортика, чтобы при торможении поезда не упала.

Не стоит эти этапы пути взросления путать с черными и белыми полосами в жизни человека. Полосы — невезение, финансы, смерти, пожары, наводнения, браки, разводы, счастье, горе, судьба. Полутона, отношения твои с ребенком, понимание, обиды, дружба — все это и трудно, и сладостно, и грустно, и хочется, чтоб длилось вечно... Сколько же всяких историй из нашей с ней жизни я могу рассказать...

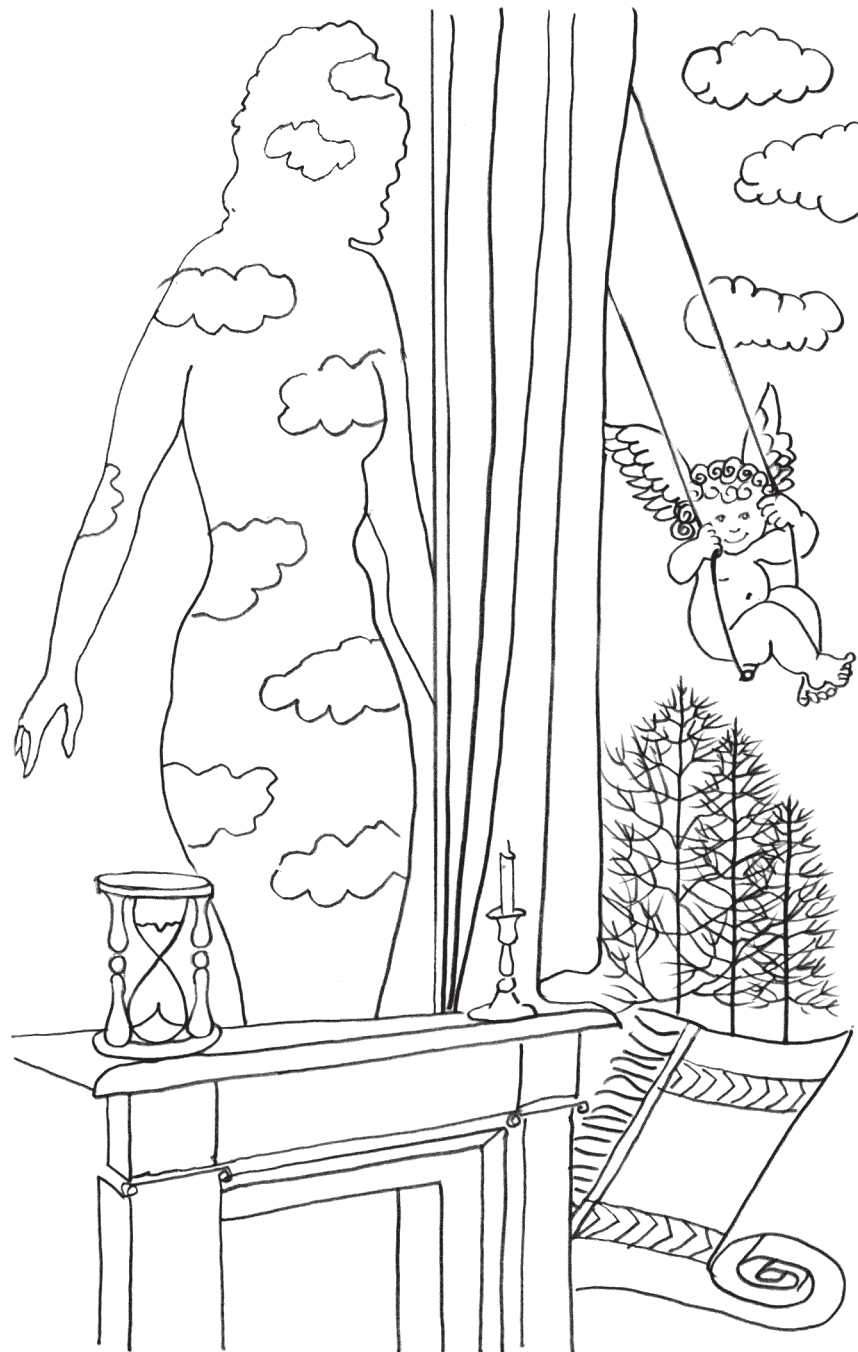
Ежка и Йолика

Время — понятие относительное. У кого-то оно летит. А у других — оно емкое и неторопливое. Ежка Пинтер защитил докторскую диссертацию в Ленинградском горном институте, работал в СЭВе. И уже перед самой

пенсией его назначили руководителем химической промышленности Венгрии. Он уже тогда был старше моих родителей. Очень энергичный, с отличным чувством юмора, добрейшей души человек. Знал несколько языков, миллион анекдотов и баек. Если Ежка где-то рядом, то слышен хохот. Очень позитивный человек. Думаю о времени, его течении... Когда-то родители говорили, что пронеслась большая часть жизни. Мужчины вздыхали, уходили на пенсию, посещали урологов, пили тыквенное масло. При встрече вспоминали, кого в их рядах уже нет. Представьте себе, в это, уже якобы прошедшее время, Ежка женится... Так случилось, он полюбил молодую, красивую, умную женщину. Йолика — ученый. Ее любовь и энергия окрылили Ежку, у них родилась чудесная девочка.

Недавно Ежка отметил свое восьмидесятилетие, радуется жизни и приносит радость своим близким. Появились внуки. Несколько поколений втиснулись, казалось бы, в уходящую жизнь, и все реальное время Ежки стремительно улетает лет на тридцать назад. Он бодр, подтянут, полон сил. А его ровесники сидят в пивной или на скамеечке у подъезда. Действительно, только сам человек может сделать себя здоровым и счастливым. Жили же раньше люди на свете и более ста лет, в Японии, древнем Китае, в Сибири, на Кавказе, да и сейчас живут...

И еще такой пример: рождается у пятидесятилетней женщины ребенок. И вот стоит она с коляской, счастливая, цветущая, болтает о пеленках с восемнадцатилетними мамами. Бежит с детьми в песочницу, не спит ночами... Тяжелая поступь становится легче. Исчезают

бабские наряды, появляются удобные брючки, кроссовочки, шапочки. Дружба с восемнадцатилетними мамочками накладывает свой отпечаток молодого поколения, делает моложе. На родительском собрании в школе такая мама старается быть молодой и активной. Надо! Ради ребенка! Ради себя...

Юдит и Белла

Она. Дико близорукая, очень сексуальная, с хорошей фигурой, большой грудью. Юдит любила плавать в бассейне, растила троих детей, собаку и Беллу. У них был сад, и не один, винный подвальчик, как у всех венгров. Позже дети переехали в Будапешт, появились внуки, всегда была любимая работа. **Она.** Вечная медсестра из аналитической лаборатории. Дежурство, анализы, капельницы, уколы, операции. Но дома — полный порядок. Профессионал в области кулинарных дел. Семья, варенье, выпечка, рыба, дичь... Венгры любят готовить. Угощала нас необыкновенными венгерскими блюдами. По-русски Юдит не говорила, но понимала все, немного знала немецкий. Улыбалась, кивала головой. Порой неожиданно встревала в беседу и говорила по-венгерски или по-немецки.

Он — вылитый Коломбо. Те же плащ, портфель, рост и прическа. Каждый раз, когда я смотрю детектив с капитаном Коломбо в главной роли, вспоминаю Беллу. Белла — профессор химических технологий, защитил докторскую диссертацию в Москве, в Менделеевском.

Они были замечательной парой и любили всю нашу семью от чистого сердца. Когда закрыли заводоуправление, рудники, Беллу, профессора горного дела, пригласили в Мишкольц читать в университете лекции. Ездить из Печа четыре часа трудно. Белла уезжал на неделю, жил в комнате в общежитии, а на выходные возвращался домой. Ему тогда уже за семьдесят было. В Пече он получал бы одну пенсию, а здесь — интересная работа, достойная зарплата. Выходных стало не хватать, столько дел по дому, в саду, винных погребах. Семья без него скучала, но что делать. Раз в год, а то и реже нам случалось бывать у них в гостях. Один раз они всей семьей ездили в отпуск к нам через всю Венгрию, в Россию, в Киев и потом — обратно. Белла — за рулем. Было очень интересно. Юдит немного говорила на немецком. Белла учился раньше в Ленинграде, посетил места своей молодости. Как-то нам позвонили друзья из Печа и сказали, что Беллу рядом с его домом сбил автобус. Господи, как это могло случиться, вероятно, он задумался, там и машин-то не бывает более трех на дороге. Как же так! Потом мне кто-то сказал, что у Юдит год спустя поселился какой-то ее старый знакомый, давно они, видимо, имели взаимные симпатии. У них много детей, внуков, садики и винный погреб. Она — страшно близорукая и очень сексуальная. Я приду к ней в гости, я люблю эту семью. Мы вспомним Беллу. Моя дочь родилась в Венгрии. Тогда, в 90-х, мой муж и отец работали в Москве. Из роддома в г. Печ меня с новорожденной забирали мама и Белла. Это было! Спасибо тебе, Белла.

Крестная Анна

На втором курсе института на Анну неожиданно обрушилась манна небесная. Училась она старательно, была активной комсомолкой, но иногда подводило слабое здоровье, в обмороки падала, витамины ей кололи всю весну и осень. И тут так повезло! Студенческий профком выделил путевку в Железноводск. Нет... Не путевку, а круче — курсовку. Жить придется в частном доме у какой-нибудь бабули; четыре-пять человек в комнате, удобства на улице. Но дают талоны на питание, на процедуры. Большинство процедур проводится в санатории. Другим студентам, которые покрепче здоровьем, такое и не снилось. Многие Анне завидовали. Билеты профком оплатил. Семьдесят процентов от общей суммы, остальное родители добавили. Так порадовались за свою дочь: льготный отдых заработала. В плане оздоровления такая поездка была правильной и качественной. Вот сейчас у Анны есть средства, но часто не хватает на себя времени.

На пятый день интенсивного лечения Анна, воспрянув духом и телом, вдруг вспомнила про дальних родственников. Она никогда их не видела, но отец рассказывал, что у него есть сводный брат, фотограф, живет в Железноводске. И это вся информация. Ни дома, ни улицы, ни телефона она не знала. Город курортный, центр — весь как на ладони. Торговля бойкая, сувениры, экскурсии. На красивой городской площади работают около двадцати фотографов. Анна стояла, наблюдала за их работой, обратила внимание на самого солидного.

Смело подошла, рассказала свою историю, объяснила, кого ищет. Вспомнила, отец рассказывал, что его брат всю жизнь фотографией занимался, это важная зацепка. Фотограф внимательно выслушал и, улыбаясь, ответил: «Знаю его, он теперь на лестнице с нами не стоит. Фотоателье свое имеет на улице Ленина, 41».

Через три минуты Анна уже фотографировалась. Ни о чем не подозревающий дядя суетится, старается, выбирает ракурс.

— Художественная? Или на документы?

— Художественную!

Анна готова взорваться от возбуждения — авантюристка, выдумщица. Кульминацию готовит на момент выдачи квитанции. Мастер своего дела, сводный дядя, колдует над портретом.

— Готово! Сейчас оформим заказ, а забрать можно будет через три дня. Как ваша фамилия?

Вот он, кайф!

— Сидоренко.

— Так мы с вами, юная леди, однофамильцы, знаете ли.

— Знаю, знаю, Иван Петрович! Привет вам сердечный от брата из Москвы.

Вот тут Анна поняла, что такое неподдельная радость, провинциальное гостеприимство. Как засветилось счастьем лицо сводного дяди! «И почему они столько лет не общались с отцом?» — подумала Анна. А дядя — схватил, обнял, расцеловал... Чтобы получше разглядеть — отошел в сторону, затем побежал в соседнюю комнату поделиться своим неожиданным счастьем

с коллегой. Он был искренним, как ребенок. С этой секунды Анна превратилась в принцессу. Иван Петрович уже звонил жене и давал указания, что надо приготовить на ужин. Потом он обзвонил всех родственников, к ужину подойдут человек двенадцать родни. Его дочери, ровесницы Анны, сейчас уехали, поэтому Анна будет жить в доме Ивана Петровича. Через час они мчались на Жигулях к той самой бабушке, где Анна владела койко-местом за счет московского вуза. Забрали вещи. Анне вдруг стало страшно, разве можно послушаться профком и переехать к родственникам, вдруг вуз понесет убытки... Но радость переполняла ее, и все сомнения исчезли.

В это лето она по полной программе познакомилась с Кавказом, Минеральными Водами. Приобрела человек десять родни. Успела стать крестной одной маленькой девочки, которая ухитрилась родиться в период ее неожиданного отпуска под покровительством новоиспеченных родственников. Да, кстати, та фотография до сих пор хранится у Анны.

Мальчик из Библаха

Куда идти, темно. Ноги и голова знают. Пусть щупают родной город. Это — как давно не игравший музыкант или лет двадцать не стоявший на льду фигурист. Вот она! Верная линия. Иду вдоль трамвайных путей из центра в сторону Библаха (сегодня — в другую сторону), почему-то дрожу. Вспоминаю, тогда тоже дрожала. Боюсь. Тогда

было пятнадцать лет. Чего боялась? Я нарушала закон, правила и моральные принципы, внушенные воспитанием. Ушла за пределы нашей территории. И люди из определенных органов могли выйти вот из этой подворотни, схватить за руку. Страх, что отца в двадцать четыре часа уволят, вышлют... Что будет с семьей — не известно.

Но там, в Библахе, жил он, мальчишка из седьмого класса. И я, мучаясь первой любовью, стыдом и страхом, робкими перебежками осмелилась приблизиться к нему. Это было непозволительно. Стою как раз посередине, у отеля, в котором остановилась. Справа — Библах, слева, на горке, мой бывший дом. Сейчас вспомнила тот случай. Сладостно и жутковато было. Тогда, в шапке, замотав шарф по самые уши и глаза, я подошла к его квартире. Позвонила. Мама мальчика сказала, что его нет дома. И снова жуткий, полный риска путь назад. За нами действительно наблюдали. Нельзя дружить с немцами, нельзя дружить детям инженеров с детьми военных, а тем более ходить в гости. Сейчас понимаю, оказывается, дома находились совсем близко. А тогда казалось — на другом конце Земли. Чего я боюсь сегодня? Не выветривающийся страх, это — в крови.

Пью кофе. Сажу в ресторанчике отеля, расположенного ровно посередине того маршрута. Вот они передо мной, все те же трамвайные пути. Если быстро идти против ветра, то они, эти пути, расплываются в глазах. Я повторяю маршрут. Слезы от ветра... Сегодня иные причины заставляют меня бежать по шпалам. Мадам, как кошка, уходит ночью из отеля; лазает по дворам, забoram, переулкам. Ведь надо в такие уголки, где сейчас все

заброшено или разрушено. Или, наоборот, необходимо увидеть незнакомое, новое.

Мимо проехал пустой трамвай, чистый, современный, но пустой. На улицах нет людей. Я почти бегу, одна... Те же шпалы. Слезы от ветра. Темно. Страх.

Заставляет бежать, идти и ехать хлесткая ностальгия, страх. Не забыла ли, где дом детства, а вдруг его снесли. Где та дорога, хочу все видеть. Утром снова повторяю ночной путь. Все, страх ушел. Светит солнце. Жмурюсь. Сквозь ресницы вижу детство. *«Сквозь дрожащие ресницы вижу небо, солнца свет, сквозь дрожащие ресницы мне самой так мало лет».*

Гарольд и Гретта

Их родители были бесконечно молоды. Яна и Керстин — дети двух молодых пар, русской и немецкой. Дружба между семьями началась, когда малышки еще сидели в колясках. Днем в хорошую погоду девочки обычно спали на открытом воздухе в одном из чудеснейших парков Германии. В это время их красивые и молодые мамы успешно боролись с языковым барьером, пытались донести друг другу вечное, женское; радовались и беззаботно смеялись. Керстин и Яна росли вместе. Песочницы, отдых с родителями на лучших курортах Германии, Балтийское море, горнолыжные курорты Oberhof и Oberwiesenthal, вылазки на рыбалку, барбекю и шашлыки в самых живописных местах тюрингских лесов. Ухоженные кусочки немецкой земли, везде поря-

док, спокойные люди, картинки того детства по сей день всплывают в снах уже взрослой Яны. Порой ей кажется, что она помнит каждый торчащий из земли корешок, о который могла споткнуться маленькая девочка. Самое удивительное, что действительно на месте все корешки, скамеечки, домишки и ступеньки. Неужели ничего не изменилось?

История жизни высококлассных советских специалистов, отправленных работать за границу, — часть истории нашей страны, целая эпоха. В Германии жили и работали умные и талантливые в разных областях люди. Были свои герои, художники, артисты. Происходило там много смешного и грустного, того, что уже никогда не повторится. Нет той секретности, нет ГДР и СССР, нет того воздуха, той эпохи.

Сейчас Яна понимает, что ее детство — иное, чем у других детей. Загранкомандировка родителей была долгой и в принципе удачной, но потом почему-то возникли чувства, разрывающие душу, ностальгия... Когда люди находятся в рамках одного двора, школы, города, страны или даже в рамках бывшего СССР, то не так уж трудно встретиться, позвонить, съездить в гости. Зайти в школу к первой учительнице. И совсем другое — когда твое детство, твоя квартира, дом, где ты жил и вырос, находятся далеко за границей. А в твоей детской комнате спит другой ребенок. Что чувствовали родители, дети — отдельные истории. Есть ностальгия, сильные воспоминания. Вот озеро в лесу, бунгало, две семьи, русская и немецкая, приехавшие отдохнуть сюда на пару дней. Суется, хлопочут по хозяйству восхитительные

юные мамы. Смеются, готовят что-то невероятно вкусное, шутят, видно, как они счастливы. Отцы ловят рыбу, обсуждают производственные проблемы, политику, заметьте, в дозволенных временем рамках. Яна и Керстин бродят по берегу реки, шепчутся, как и все девочки; пытаются куда-нибудь спрятаться, чтобы рассказать друг другу секреты о русских и немецких мальчишках и девчонках. Потом все допоздна сидят на берегу реки у огня. Яна часто вспоминает именно немецкую пару, Гарольда и Гретту. Гарольд — высокий, красивый, с рыжими бакенбардами и веснушками, — настоящий ариец, весьма эффектен. Гретта — жгучая брюнетка, высокая и статная. В то время молодые женщины укладывали волосы в большой пучок (все актрисы так выглядели). Почему-то мамы шестидесятых имели эффектные бедра, узкие талии, да и с грудью у них было все в порядке, обходились без силикона. Казалось, Гарольд и Гретта были самой молодой, веселой и счастливой немецкой парой. Он являлся секретарем FDJ (Фрайе Дойче Югенд) одного из самых крупных заводов по переработке урана. А отец Яны был директором того же завода. В отличие от остальных, они занимали несколько привилегированное положение. Например, имели личный автотранспорт. Но и спрос был большим: заводские лидеры двух соцстран обязаны быть суперпрофессионалами, честными, всегда трезвыми, безгрешными, трудолюбивыми.

Дети делали успехи. Яна была послушная, активистка (видимо, в отца). Пела, танцевала, хорошо училась. Керстин преуспевала в спорте, получила медаль по прыжкам в высоту в школе. Потом поступила в престижную спор-

тивную загородную школу. Кажется, там впервые Керстин серьезно влюбилась. Она, не таясь, рассказывала о немецких свободных нравах русской подруге. Чуть ли не с восьмого класса Керстин официально разрешалось оставаться дома наедине со своим бой-френдом. В то время, когда советские подростки втихаря разглядывали отцовские журналы и смотрели запрещенные фильмы по телевизору, немецкая молодежь развлекалась по полной... С точки зрения немцев, дикие, очень дикие были люди из Советского Союза. Даже взрослым режимный отдел не позволял покупать порножурналы. Гарольд и смеялся, и удивлялся. Под постоянным присмотром спецслужб все-таки старались режимные правила не нарушать. Вошло в привычку, что можно, а что нельзя. Подъезд дома закрывали в 21:00, дружить с немцами не советовали. А если кто «настучит» или увидит неладное, нарушителя отправят в 24 часа в Союз, и даже там уже не дадут взрослому нормальную должность. Не важно, кто при этом проштрафился: ребенок, жена или сам родитель. Советский облик, мораль — превыше всего. Керстин и Яна все реже стали видеться. Керстин вполне заслуженно оказалась в юношеской сборной ГДР по легкой атлетике. Гретта погрузилась в работу, не забывая при этом о любимых муже и дочери. Она, еще при социализме, сделала отличную карьеру от простого бухгалтера и товароведа до директора крупнейшего в городе магазина модной одежды «Эксвезит». По тем временам это было круто. Все еще было государственное, не частное. А ей доверяли. Человек, связанный с торговлей, обязан быть безупречным. Яна и ее мама в

то время могли лишь изредка позволить себе купить в магазине, где работала Гретта, какой-нибудь дефицит. Внимательная Гретта всегда отложит нужный размер и цвет. Что и говорить, вещи были удивительного качества. В шкафу у Яны, словно раритет, хранятся брюки в клетку фирмы Levis болотного цвета, все в обстрочках, с отворотами, клеш. Яна носила их еще лет пятнадцать после того, как стран, Советского Союза и ГДР, уже не осталось на карте. Сменились поколения и эпохи, а брюкам хоть бы что.

Керстин вскоре ушла из большого спорта, прошел слух о каком-то допинге... Яна окончила общеобразовательную школу в Германии и уехала в Москву. Плакала, не могла понять, почему душат слезы, почему надо уезжать навсегда (обратно в то время в другую страну просто так не возвращались). Но нелегко, покидая свой дом, квартиру, город, улицу, все то, что связано с радостным детством, быть счастливой лишь оттого, что вся семья возвращается в незнакомый великий Советский Союз. И все же сила соц. воспитания была велика, и в тысячный раз на границе в Бресте вновь душили слезы... Вот она — великая Родина. Вспоминались прекрасные песни о бескрайних полях, березах, тройках русских. Только к чему были эти слезы...

Две семьи расстались. Удастся ли писать, звонить, встречаться? Об этом не могло быть и речи. И вот она — великая столица огромного государства — Москва. Ждет с распростертыми объятиями, карманными воришками, непонятными матерными словами. И вокруг все толкаются, говорят на русском, не здороваются,

когда входят в магазин или подъезд своего дома. Плюют на пол и бросают мусор, не моют каждую неделю окна, стоят в очередях, отовариваются по карточкам, но улыбаются и счастливы.

На самом деле Яна воспитывалась в строгости, не была избалована. Она с жадностью погрузилась в новый водоворот. Первый год в вуз на дневное отделение не прошла. Взяли на вечернее... Не работать, а только учиться советская мораль не позволяла. Устроили препаратором (дозировка химреактивов) в лабораторию того же вуза, с окладом 60 р. в месяц. С первой заработной платы Яна, отстояв в «Ванде» несколько часов в жуткой очереди, купила маме духи «Пани Валеvская» за 25 р. Остальные деньги с гордостью положила в семейную копилку на питание. Эмоции переполняли — самостоятельная! Как радовалась мама подарку! Сейчас ее уже нет рядом с Яной, лет десять назад она ушла из жизни. Но в тот период — привыкания к родной стране — мама была самым верным другом. Ведь люди вокруг — незнакомые. Двор, улица, разговоры — все пока чужое. Нервно, непривычно. За месяц Москва не стала дружелюбнее. Мама говорила: «Яночка, потерпи. Старайся. А что вы хотите? Не здесь выросли, никто вас тут не ждал». Только сейчас, спустя десятилетия, Яна окружена многочисленными друзьями и коллегами по работе, близкими и дальними родными.

До начала перестройки особых контактов, писем и звонков не было — не разрешалось. Изредка придет от немцев открыточка к их католическому Рождеству в конце декабря, и опять — тишина... Яна закончила вуз,

вышла замуж. Дошла весточка, что Керстин связалась с каким-то хиппи и переехала в другой город. Гарольд и Гретта недовольны поступком дочери, переживают и скучают. Парочка хиппи пишет родителям редко, чаще с одной целью — попросить денег. Бой-френд дочери, по словам Гарольда, жуткий лентяй. Ни он, ни Керстин не работают. Гарольд им объявил, что его терпение отцовское лопается и денег он им больше не даст.

Город, в котором росли Яна и Керстин, после объединения Германии многим немцам стал казаться слишком провинциальным, неперспективным. Многие производства прекратили свое существование. Царила безработица. Те, кто в минувшей эпохе был при хороших должностях, у власти, стали обычными малоимущими пенсионерами. Их дети разъехались по большой Германии в поисках заработка. Гретта смогла быстро перестроиться. Магазин, в котором она была директором, перешел на коммерческие рельсы. Гретта к тому времени уже имела колоссальный опыт торговли, была профессионально востребованной, поэтому вошла в совет директоров отрасли и чувствовала себя в своей тарелке. Она стала роскошной бизнес-леди. Она действительно была в отличной форме. Красивая, умная дама, уверенная в себе. У нее все было разложено по полочкам, все хорошо, Гарольд любимый рядом, родители... У Керстин, правда, не ладилось... Но Бог даст, и у нее все образуется. Уезжать из родных мест Гретта и не думала. Неожиданно Гарольд остался без работы. Бывший производственник и активист не мыслил себя чиновником. Все знакомые ему производства

в городе закрылись. Быть на иждивении у любимой жены? Такая перспектива Гарольда не устраивала: он еще не стар, постарается найти новые пути заработка. И тут подвернулся строительный бизнес в Дрездене, недалеко, но надо соглашаться, других вариантов нет. Первое время он мотался между городами, не раз предлагал любимой жене бросить свой магазин и переехать в Дрезден. Надо все продать, поменять и начать заново, он сможет ее обеспечить, хватит ей работать. Но Гретта не соглашалась, с ужасом спрашивала: «Ну должен же быть какой-то выход? Зачем все созданное годами и трудом здесь бросать?» Так и жили на два города. Дела в строительной фирме пошли в гору, наконец-то и Гарольд вздохнул полной грудью, почувствовал себя важным и нужным новой Германии. Всегда приятный внешне, он приобрел особый, капиталистический лоск. Да, уже не рыжий, а седоволосый... Но статный, шикарный, хотя и немолодой, мужчина. Времени на поездки к жене становилось все меньше и меньше, Гарольд стал бывать дома только по выходным. Но все равно казалось, что они счастливы. Гретта и Гарольд, король и королева, нашли себя в новой Германии, растет благосостояние семьи, обида на дочь Керстин прошла, красивая жизнь продолжается. **Они действительно очень любили друг друга.** Соскучившись за неделю, могли разговаривать и любить друг друга до самого утра. Ветер времени гнал их вперед, не давал стоять на месте. Охваченные азартом новой Германии, они вкалывали наравне с продвинутой молодежью. Гарольд сначала снимал в Дрездене квартиру, жил в отелях, потом

смог купить свою квартиру, а затем и дом. Каждый раз при встрече Гретта обещала принять участие в благоустройстве дрезденского дома, но дела ее не отпускали. Однажды, в будний день, Гарольд позвонил Гретте на работу сказал, что нужно срочно встретиться по очень важному делу. Они зашли в ближайший ресторанчик. Гретта подумала, что речь пойдет о новом семейном бизнесе. Гарольд заметно нервничал, говорил, что такой большой и счастливой жизни, как с Греттой, у него не будет никогда. Гретта — его лучшая женщина и друг, только она его понимает, только с ней он может говорить на любые темы и иногда — молчать. И вдруг сердце Гретты бешено заколотилось, она услышала неожиданное, страшное для себя: «Прости, дорогая, так уж случилось. Это нелепость, глупость, но моя сотрудница ждет от меня ребенка. Пойми, Керстин давно выросла, новая зародившаяся жизнь, малыш, он появится в новой, объединенной Германии, это мальчик... Я не хочу, чтобы мой сын рос без отца. Извини, нам придется развестись». У Гретты потемнело в глазах, она неловко опрокинула бокал...

А в России тем временем жизнь развивается и бурлит, это уже не Советский Союз... Кто поактивнее, пробует свои силы в различных направлениях. Яна с мужем молоды и счастливы, у них растет прелестная дочка. Отец Яны, друг Гарольда, тоже в Москве. Муж Яны занимается бизнесом, далеким от специальности. Что делать... Дух времени... Как-то тихим вечером Яна и ее отец вспомнили немецких старых друзей, решили позвонить, нашлись координаты и номера телефонов.

Режимные ограничения давно сняты, границы открыты, пожалуйста, дружите, общайтесь. Дозвонились сразу.

— Гарольд, здравствуй. Это Константин. Звоню из Москвы. Не волнуйся, теперь можно звонить, не считая минуты. Как твои дела?

— Костя, очень рад, что ты позвонил. Занимаюсь строительным бизнесом. Все здорово, все нормально. Как Яна?

— Спасибо, все отлично. Яна вышла замуж, стала мамой. Зять у меня — замечательный.

— Через месяц буду по делам в России. Намечены переговоры с серьезным партнером по поставкам стройматериалов. В России для нас открывается интересный, перспективный рынок. Надеюсь, увидимся.

— Гарольд, жду с нетерпением!

Константин удивился, что Керстин и Гретту Гарольд упомянул как-то вскользь: мол, они здоровы и все хорошо. Через месяц Гарольд приехал в Россию. Яна с отцом были очень рады, подготовили потрясающую развлекательно-деловую программу для Гарольда. Немецкий друг был в восторге. Гарольд был поражен российским размахом, изменением облика столицы, здесь он бывал при социализме. Он много говорил о своих виллах в Дрездене и Австрии, под всеобщее молчание рассказал и о новой семье. Завершив дела, Гарольд попрощался. Отчего-то на его лице читалась грусть.

В делах и заботах пролетело еще несколько лет. Яне захотелось показать мужу и дочери те места, где она росла, училась; вспомнить то время, когда рядом были папа и мама, брат, много русских и немецких друзей.

Из отеля в Дрездене Яна позвонила Гарольду. Он был готов к их приезду и ждал с нетерпением. Стояла осень, в прудах плавали лебеди и утки. Гуляли по дворцовым паркам, пили доброе немецкое пиво, ели неповторимые по вкусу баккурсты — вкус детства. Впереди, по аллейке, шел муж Яны, Александр, и беседовал с Гарольдом. Красивый русский молодой человек, одного с Гарольдом роста, и пожилой немец, такой для Яны родной, старый друг ее родителей. Александр и Гарольд по-мужски рассуждали о бизнесе, новых проектах. Гарольд не звал в гости, не собирался знакомить с молодой женой, ничего не говорил о Карен. Промолчал и о дочери, с которой так и не смог выстроить отношений. Перед самым отъездом Гарольда в город, с которого началась дружба русской и немецкой семьи, Яна робко спросила: «Как Гретта?» Не ответил, молча написал на обратной стороне своей визитки ее номер телефона. И, чтобы не выдавать внезапно набежавшие мужские слезы, быстро попрощался, уехал. Яна чувствовала, что если на этот раз не поговорить с Греттой, то в этой долгой истории не будет логического завершения. Ей хотелось осмыслить течение событий. Что же тогда произошло в этой немецкой семье? Конечно, для Гретты уход любимого мужа стал шоком. Сильная, энергичная, деловая бизнес-леди сломалась, жизнь для нее потеряла всякий смысл. Магазин, на который она потратила столько жизненных сил, родной город — все вдруг оказалось бессмысленным и ненужным. Гретта плакала, кричала, не хотела жить. В одночасье сильно постарела. Испугавшись за ее жизнь, объединились разехавшиеся по разным городам родственники. Дочь со

своим хиппи вернулась из скитаний в надежде утешить свою мать. Гарольд, чувствуя свою вину, предложил ей квартиру в Дрездене, просил переехать поближе, обещал заходить и помогать. Он хотел помочь искренне, вырвать из своей жизни Карен ГРЕТТУ? оказалось трудно. Она — единственная, больше, чем бывшая жена и друг. Но невозможно быть везде хорошим, да и гордость Карен ГРЕТТЕ? не позволила принять от бывшего мужа такой подарок. Да, все ее помнят и любят, но живет Гретта совсем одна. Яна набрала телефонный номер, записанный Гарольдом на обратной стороне визитки. Ответил пожилой низкий женский голос. Лишь на секунду Яна замешкалась, немецкий язык мгновенно ворвался в подсознание. В детстве, разговаривая по-русски дома, на телефонный звонок Яна, будучи ребенком, всегда уверенно отвечала по-немецки.

— Гретта, здравствуйте. Это Яна, дочь Марии. Помните?

Трубка минуты три всхлипывала с одной и с другой стороны. Гретта говорила долго. Ей был очень нужен этот разговор. Нахлынули воспоминания из той, ее самой счастливой жизни. Она сказала, что если бы тогда не думала о своей карьере, не пыталась что-то доказать мужу, а, бросив все, отправилась бы за ним в Дрезден в сложный период становления его бизнеса, то они до сих пор были бы вместе. В какой-то момент Яна поняла, что уже не слушает Гретту, перед глазами проплывали картинки из детства. Да и Гретта не выдержала наплыва воспоминаний, сказала что-то неопределенное и повесила трубку.

Самолет набирал высоту. Они возвращались в родную Россию, и, зная, что вернуться в Германию можно в любой момент, Яне уже не хотелось рыдать, как тогда, в детстве. Немецкие друзья, с их сложившимися судьбами, исчезли в облаках.

* * *

Октябрь. Дождь и темно.
Ноябрь. Очень темно.
Первая половина декабря.
Начинаешь путать День и Ночь.
Все в той же темноте спешат люди,
уже не задумываясь, день, ночь.
Кто когда проснулся, тогда и пошел
на работу, не важно, дневную, ночную.
Мокро. Грязно. Неуютно.
Солнца не было с августа.
Про то самое солнце что-то поют,
на него можно посмотреть в кино...
Всем явно не хватает «Д»,
народ депрессует, шизует.
Спокойных — мало,
да и те — тихо плачут.
Вторая декада декабря.
Вдруг — солнце!
Поверить в него трудно,
ощущение провокации.
Так и есть: — 23,5 по Цельсию.

Теперь понятно, когда утро,
день, вечер, но от этого не легче.
Все, кому надо, утром выехали на работу,
выстроились в многокилометровые и часовые
пробки по спирали вокруг всех колец Москвы.
Замкнувшись в этих кольцах,
народ любит солнце.
У многих в машинах компьютеры, телефон,
интернет, TV, радио, музыка.
С “WC” сложнее.
По радио, кстати, говорят о новой шкале пробок.
Москва — стоит!
10 по шкале пробок, -20 по Цельсию.
Простояв около 3 часов на выезде
с Кутузовского на Садовое кольцо,
осознаю: вечереет.
Море огней, когда-то это уже было,
ощущение дежавю.
Надо прорываться
по всем направлениям.
Только — вперед, к солнцу в облаках;
петь, мыслить, создавать,
быть любимой и нужной.
Стемнело. Украшают елки
на московских площадях.
Хочется поздравить друзей,
читателей, слушателей, прохожих,
тех, кто сейчас стоит со мной в 10-балльной
и тех, кто ее проскочил, с Новым годом...
Хочется, чтоб, невзирая на мороз,

открылись окошки всех автомобилей и прекратились нетерпеливые громкие гудки. Слышите, я кричу громко вам: — ПОЗДРАВЛЯЮ!

* * *

Отец ходил, мерил шагами коридор. И кто его просил связываться с водителем? Проще ни от кого не зависеть. Машина — это стопудовые пробки. Здесь до станции я всегда подброшу, одна минута. А далее — электричка по расписанию. Электрички не стоят в пробках. Полчаса до центра, и там еще минут двадцать. Удобно: выехал с утра и, как планировал, уже к обеду — обратно. Нет! Натяните вам! Карету. Вот и ждите теперь... А от водителя классические звонки: «Да, да, уже практически выехал. Пришлось на мойку заехать, но была очередь». Через десять минут: «Решил подзаправиться, не рассчитал, попал в пробку».

Отец мерит шагами коридор. Сам виноват. Не надо ни с кем связывать свои планы, уже ехал бы обратно. Очередная проблема, выехал из пробки, вдруг вспомнил про справку, заехал по пути... Я нервничаю больше, чем отец, злая на водителя и на всю вселенную.

Вспоминаю детство. Наш дачный кооператив находился в Подмосковье. Подольск, Красная горка, деревня Ерино. Ездили по садовым улицам на велосипедах. Каникулы — три месяца. Свои традиции, правила, тонкости. Один поселковый деревенский магазин. Со-

седка кричит: «Доченька! Вы с Танюшкой за молочком не съездите? Вот бидончик. Молока возьми три литра и сойку с маком. Вот, бидон и 25 копеек. Давайте к обеду не опаздывайте!» Ехать на велосипеде 5 минут. Очередь — максимум 20 минут, и обратно... Но только выехали за периметр — свобода, свои потаенные радости. Есть на 5-й Садовой пруд с лещиками, туда просто так не отпустят, страшно. А тут такая возможность, надо обязательно зарулить по дороге. За деревней — река Пахра, там классно посидеть минут пять, так красиво. Но где пять минут, там и тридцать за разговорами пройдут. А темы для разговоров у нас с Танюхой, пухлой девочкой с соседнего участка, всегда были. Можно заскочить в гости к девочке с 3-й Садовой на пять минут. Но где пять минут, там и тридцать за разговорами пройдут. По дороге несколько раз останавливались и отпивали из бидона молоко. Сверху вкусное — сливки там собираются. Нельзя так пить, бабушка нас предупреждала. Водой бы разбавить, но нет, это уже слишком... Есть же совесть октябрятская. Ладно, скажем, что камушек под велосипед попал, расплескалось молоко. Да и булка уже не целая. Булка «хала» называлась, точно, вспомнила. Когда по дороге пыльной едешь на велике, то нет ничего вкуснее, чем эта булка с молоком. Это — не то что дома, за обедом... Конечно, опаздали на обед. Оправдываюсь: «Мамуль! Совсем недавно выехали. Бабушка Тома увидела, что мы едем, свой бидончик нам дала, вот мы ей молоко и завозили. Очередь была сегодня очень большая».

Появился водитель. Понервничали — это плохо. Закрыла двери. Теперь буду ждать от отца звонка. И когда

еще доберутся, вроде не так и далеко, но пробки... В капризной Москве электрички выручают, но были бы они почище и в расписании более удобны. Дорога в нашей стране — извечная проблема, ну да ладно, проехали...

* * *

Она была уже в этой жизни старая. Посмотрела не так давно фильм, где Бред Питт играет старика-младенца, который молодеет всю свою жизнь и умирает опять ребенком, и поняла, это возможно, на себе ощутила. Когда открывались первые кооперативы, после бесконечных стрессов и диких утрат, у нее болело все. Истощение и изможденность, духовная и физическая боль. Смешно вспоминать, но ведь было время, когда она буквально ноги волочила на прием к какому-нибудь платному доктору. Зима, холод, старая мамина шуба. Панталоны, да да, реальные панталоны под юбкой. Ну не могла она, молодая, такое нацепить. Была старая. На голове — дикая пережженная химическая завивка. Нашли как-то фото тех лет — хохотали, но чувство возникло странное, как будто на фото действительно старая женщина, а ведь, на самом деле, было ей до 30 лет. И взгляд, и походка, и сумка, и обувь — все допотопное. Странно, очень странно. Сейчас за... Вот лежат с дочкой на пляже, загорают, в купальниках-стрингах одного размера Small. Римма не пытается специально казаться моложе. Да, есть какие-то там морщинки на лице, ботоксом принципиально не пользуется. Но одежда, взгляд, осанка — все стало мо-

ложе. И на фото, как и в кино, в младенчество впадает. Дурачится, веселится.

И почему так было тяжело? Придавила Москва, она — не ее житель. Римма в Европе возвращалась, ей трудно давались первые зимы российские, холода. Реально, было это сто лет назад и не с ней. И почему была уверена, что пойдет дочь в школу, она тогда теткой старой станет... Сейчас дочь институт заканчивает, а Римме, не лбстя, говорят: «Вы — как сестры!» Возраст называют тот же, что и в ту холодную зиму... Только нет панталон под юбкой и жуткой химии на голове. Лыжный костюмчик Vopner размерчика S, престижный автомобиль. Она многому научилась в России и продолжает открывать интересное вновь и вновь. Да, человек может молодеть, это факт. Должен быть внутренний позитив, тогда происходит консервация на годы. И уже не понять, сколько тебе зим, сколько лет. Действительно, тело — лишь оболочка. Если изнутри льется свет, то тебя, светлую, и видят окружающие.

Груша и Мерседес

Ее сюда тянуло. Пройдясь по внешнему периметру огороженного двора, Кира подумала, что после реставрации здание уже не будет музыкальной школой. Хотя как знать? Тогда, в советское время, директор всеми силами старался найти средства для решения бесконечных проблем: сантехнических, замены старой мебели, покупки музыкальных инструментов, повышения зарплаты со-

трудникам и поиска талантливых кадров. Хорошо, что здание наконец-то реставрируют, в прошлом здесь была графская усадьба, вероятно, это сыграло свою роль. За последние годы Москву неплохо почистили и причесали. А когда-то казалось, что кирпичные завалы не разгрести, ремонт всех зданий не свершить.

Всегда уютная, теплая, даже в каком-то смысле домашняя обстановка объединяла многих детей, спешащих сюда со скрипками, виолончелями и нотными папками. Мамочки и бабушки спокойно сидели в коридорчиках, беседовали в ожидании своих чад. Из музыкальных классов доносились многообразные звуки — от чарующих до визжащих. При входе, как и положено, трудилась пожилая гардеробщица, которая знала каждого ребенка по имени.

Много цветов. И уже устойчивый запах уходящей эпохи с ее культурными традициями, которые вряд ли повторятся. Кира вдруг вспомнила одну историю, связанную с этим чародейным зданием. В начале 90-х, в один из летних жарких дней, Кира, очень рано выскочившая замуж, но вполне состоявшаяся творчески личность, случайно оказалась поблизости. Ведомая понятными с детства кодовыми звуками музыки и поющих голосов, она подошла к дверям знакомого здания. Внимание привлек белый лист при входе: «Объявляется набор на вокальные курсы. Педагог — выпускник Московской консерватории, поет в хоре Большого театра. Собеседование, тел...» Кира машинально записала номер телефона, но, передумав заходить в здание, резко обернулась и пошла к машине.

Вокал, вокал, вокал... В суете жизни Кира то приближалась к своему наркотику, то снова удалялась на месяцы и годы. И вот опять ей, до дрожи в пальцах, захотелось достать старые ноты, вспомнить весь наработанный репертуар, выучить новые произведения. Возникло желание поработать с концертмейстером, распеться. Послушать себя, ощутить всю силу своего голоса. Зачем? Да просто так, для себя, для души. Она стала лихорадочно выдвигать ящики комода, перебирать папки в шкафах. Ноты, ноты, ноты... да куда же вы запропастились, черт возьми! Наконец она нашла нужную папку, сверху лежала целехонькая брошюра Зейдлера «Искусство пения. 40 прогрессивных мелодий». Вот и они, любимые старые нотные тетрадки с песнями, еще из детской музыкальной школы, с распевками, старательно выведенными любимой учительницей по вокалу. Кира все еще помнила девичий восторг от исполнения восхитительных вокализов, первых романсов, арий, народных песен. Где теперь все это? Был и другой, более взрослый период жизни, и совсем другой репертуар.

Суета, заботы, домашние обязанности, маленькая дочка. Кира старалась, все успевала, но чего-то ей явно не хватало... Вдруг вспомнила о вокальных курсах. Позвонить?! Неделя, другая проходит, ближе к сентябрю поняла: дальше откладывать невозможно. Вскоре состоялся волнующий для нее диалог.

— Скажите, летом вы давали объявление о наборе на курсы по вокалу?

— Да.

— Я опоздала? Это только для детей?

— Да нет, что вы, как раз наоборот, скорее всего — для взрослых. Но у нас конкурс, новый проект, прослушивание обязательно.

— Мюзикл?

— Нет, вы не так меня поняли. Мы берем подготовленных...

— Хорошо. Я приеду.

Ее сердце бешено заколотилось, адреналин начал свою работу. «Завтра, завтра же поеду», — решила Кира. Постоянно совершенствуясь в вокальном мастерстве, ей нравилось знакомиться с редкими произведениями, достигать все новых высот. Хотя она часто задумывалась, что же в этой жизни ей ближе — искусство или техническая инженерная специальность, полученная в хорошем московском вузе. А может, она еще не нашла себя... Ведь кто-то всю жизнь ищет, развивается, любопытствует, как ребенок; пробует новое, погружаясь в многообразие красок вокруг.

Как волны, приближаясь и удаляясь, музыка нежно касалась ее души. Вот оно, наслаждение: на пике волны приходит профессионализм, улетучиваются сомнения и тревоги, забываются нелепые случайности, иные дороги в сторону от своего основного предназначения. Как хорошо, что серьезные занятия музыкой возобновились. Так приятно вновь окунуться в атмосферу вокальных чудачеств... Занимались два раза в неделю, к Новому году планировали от класса представить небольшую программу для общего концерта. Дама-концертмейстер попала замечательная. Всю жизнь она прожила рядом, в доме на горке. Как-то Кире довелось

побывать в этом доме у одной известной балерины. Дом находился в ведении Большого театра. Педагог по вокалу, Игорь Павлович, очень внимательно относился к Кире, по совместительству он пел в хоре Большого театра. Вообще при словах «Большой», «консерватория», «Концертный зал Чайковского» у Киры от чрезмерного волнения краснело лицо. Ей казалось, это так круто... Она приезжала на занятия с водителем, на белом «мерседесе». В начале 90-х это тоже было круто... Социалистическое воспитание строгими родителями, бесспорно, вызвало к скромности, поэтому Кира, стесняясь своего благополучия, просила водителя остановить машину в квартале от музыкальной школы. Новые друзья казались ей единомышленниками, друг другу давали добрые советы, доставали нужные клавиры, партитуры, тексты. Специально приходили раньше или, наоборот, задерживались, чтобы послушать урок товарища, чему-то научиться, сделать выводы. Часто приносили вкусные мелочи: конфетки, печенье, варенье, и после уроков пили чай, оживленно беседуя. Кстати, Кира никогда не позволяла себе сытно обедать перед уроком.

Холодный зимний день. Занятия идут полным ходом. Девушка, чутко внимая рекомендациям педагога, пела, смешно растопырив ноги, стоя на голенищах собственных сапог. Причины две: чтобы было не жарко и чтобы не на каблуках. Якобы каблук мешает правильному звукоизвлечению. Кира, соприкоснувшись с зарубежной вокальной школой, понимала, что хорошо подготовленному вокалисту ничто не может помешать, он — поет,

хоть на голове стоя. В тот день Игорь Павлович принес каждому ученику по груше, которые сам вырастил на своем садовом участке. Груши уже полежали с месяцок. Кстати, они хорошо сохраняются в обычных газетах. Крепкие, сладкие, настоящий деликатес. Кира искренне сказала: «Спасибо!» Но съесть грушу не смогла, так как была ее очередь петь. Девушка, спевшая свой урок, небрежно сбросила сапоги и болтала ногами сидя на подоконнике. Она и концертмейстер с удовольствием грызли созревшие груши. «Ничего, я съем свою после занятий», — подумала Кира и отправилась на урок. Для Игоря Павловича, оказывается, было очень важно не только, как поют ученики, но и насколько хороши его груши. Садовод — известная болезнь многих дачников и огородников. Все завершили дегустацию груш, а Кира еще пела, долго и с наслаждением: распевки, потом основной репертуар. Стемнело. Наконец, уставшая, но довольная собой, Кира вышла из класса. Народ суетливо засобирался. Шарфы, шапки, шубки — вокалист всегда боится холода, а уж разогретое горло особенно беречь надо. Кира торопилась особенно, ведь ее ждал водитель. Ехать в спальный район неблизко, да и родные дома волнуются. Она первая всем сказала: «Пока!» И, сбегая вниз по старой красивой лестнице родной музыкальной школы, мимо мам, бабушек, будущих великих музыкантов, стремительно вырвалась в заснеженную Москву. Настроение было самым прекрасным! Прокочив свой конспиративный квартал, Кира буквально влетела в уже открытую для нее дверь белого «мерседеса». В этот самый момент она услышала знакомый голос

Игоря Павловича. Он стоял буквально в десяти метрах в своем единственном поношенном костюме, остолбеневший, без пальто и шапки. И, то ли удивленно, то ли просительно, протягивал руку, на которой торжественно возлежала любовно выращенная им и безжалостно забытая Кирой груша. Кира залилась краской. Глупо промямлила: «Спасибо. Ну что вы, холодно, идите, простудитесь...» Водитель с достоинством передал своей хозяйке бесценную грушу. По дороге Кира все думала, зачем этот благородный талантливейший педагог выскочил на улицу с грушей.

- Так сильно хотел, чтобы я ее съела, действительно голодная после вокала?
- Жалко было, что если я не съем, то не съест никто другой и она пропадет?
- Жаждал славы и похвалы как садовод?
- Возможно, я ему нравилась как вокалистка?
- Но тогда почему он так сразу изменился?

Буквально на следующем уроке Киру встретил не прежний педагог, а заискивающий молодой человек. Как будто наличие у нее «мерседеса» совершило культурную революцию, а ее вокал внезапно стал лучше, открыв нереальные перспективы. После урока Игорь Павлович с волнением объявил, что с Кирой очень хочет поговорить сам директор. Уже не было чая с вареньем. Все ученики странно молчали и, как на что-то инородное и чужое, взирали на владелицу белого «мерседеса». Игорь Павлович, петляя по коридору и путаясь в дверях, стремился к кабинету директора. Периодически он забегал вперед, потом вдруг останавливался, не зная, как

ему следует себя вести с такой редкой находкой для школы. Кира не сразу поняла, почему и зачем ей надо к директору. Когда ты в школе, не важно, сколько тебе лет, очно или заочно ты учишься, к директору все равно страшновато идти. Вот и взрослая девушка Кира, стоя перед огромным директорским столом, смущалась, как школьница. Директор тоже странно себя повел: резко вскочил, стульчик ученице подставил.

— Извините, может, что-то не так?

— Говорите, говорите.

— У вас хорошие данные, Кира, вы молодец, молодец. Какие у вас планы на вокальную карьеру? Есть связи?

— Ой! Не знаю, я не думала...

— Да, да, подумайте, обязательно подумайте! И ходите почаще. Кстати, школа совсем в плохом состоянии, не могли бы вы пожертвовать на ее восстановление? Кира покраснела, совсем растерялась, ее ноги стали непослушными. Она что-то сказала в ответ, мол, сейчас она — простая домохозяйка и молодая мама, но обязательно обсудит этот вопрос с мужем. Про себя подумала: «Не такого я полета птица, чтобы помочь с целой реконструкцией здания. А людям, кому-то из детей талантливых, на учебу, помогла бы...»

Кира, наверное, так и продолжала бы ходить на эти прекрасные занятия, да и с директором можно было что-нибудь хорошее, в пределах ее возможностей, сделать. Но, понимая, что изменить в обратном направлении Игоря Павловича и когда-то столь дружественную к ней группу вокалистов она не в силах, с грустью решила, что занятий больше не будет. И уже не прячась

за углом, уверенно села в свою машину. Вспомнила, что груша была действительно хороша на вкус. Последний раз, с какой-то щемящей тоской, Кира взглянула на окна еще вчера такого нужного класса и тихо сказала водителю: «Андрей, в пятницу отдыхай, занятия отменяются...»

Вот тебе, груша, и белый «мерседес»...

Подруги

Она живет в старенькой двушке в пятиэтажке, блочные дома на сегодняшний день выглядят, как бараки, того и гляди развалятся. Крышам, подвалам трубам — конец, ремонта не ожидается. Да и контингент, проживающий в блочных трущобах, за последние годы так сильно изменился, что дикое слово «бомжатник» так и норовит слететь с языка. Светлане посчастливилось, что после развода с мужем у нее осталась эта родительская квартирка. Отец получал ее в советское время, тогда казалось — хоромы. Соседи замечательные: врачи, учителя... Дом считался привилегированным. Странно подумать, половина жизни прошла в этих стенах и родном дворе. Детям посчастливилось уехать в столицу. Муж, в очередной раз пытаюсь самоутвердиться, окончательно ушел к другой. Но и та, другая, не смогла спасти мужика от всеобщего вируса... Как его ни тянули — спился. А ведь не дурак, да и красив был. Друзья работу, помощь столько раз ему предлагали; холили, лелеяли, помогали кодироваться, не одумался, и все стали его

сторониться. Светке одной вроде бы легче и спокойнее. Говорят, мужики не могут жить в одиночестве, а женщины как-то привыкают. Светлана и Наталья — уже двести лет подруги. Их родители работали вместе в стратегически важном министерстве. Они получили хорошее образование. У них столько общего, есть что вспомнить. И хотя живут они в разных городах, раз или два за год все-таки удастся встретиться. Наталья с семьей живет в огромном коттедже на Рублевке. Света смеется: «Ну и пишут про твоих звездных соседей всякое... Обхохочешься». — «Да уж пишут!» Хотя и здесь большая часть проживающих знает про «совок» не понаслышке. А считаешь интервью да опусы, куда там — другая гламурная планета. Дети — те ладно, действительно другие...

Когда Света приезжает к Наталье, то наслаждается загородным воздухом и простором. Это уже не ее двущка, места хватает для жителей микрорайона. Подруги смотрят старые фотографии, болтают, смеются. Наталья демонстрирует самые модные наряды, привезенные из Италии. Света не завидует подруге. Соберут кучу надоевших вещей и обуви для третьей подруги. Хорошо, что размеры одинаковые, и детям кое-что подойдет. Гуляют девчонки по приусадебному парку, наслаждаются красотой вокруг. Засиживаются допоздна, обсуждая разные женские темы и, кажется, понимают друг друга. Пока понимают. Одна не пытается завидовать, другая излишне сострадать. Хотя чужая душа — потемки. Странное у нас время. Наверное, следующее поколение уже не будет терзать себя многими философскими и во-

просами человеческих отношений. Все будет на своих местах и полочках. Будет понятно, кто есть кто. А сегодня некоторым надо или слишком быстро измениться, или быть слишком мудрым, или до безобразия тупым...

Логика

Водитель такси рассказывает: «В восьмидесятых я работал в Теплом стане на «скорой помощи». Там тогда было всего три улицы, да и те постоянно переименовывали. Выходят люди из подъезда, спрашиваешь: «Какой у вас адрес?» Отвечают: «Живем мы тут, зачем нам адрес». Извините».

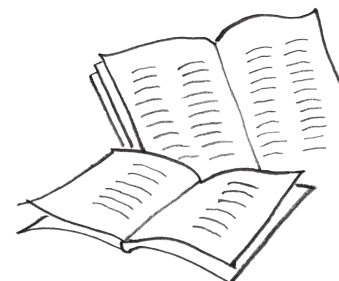
И продолжает, будто погружаясь в ту эпоху: «Представьте, мы — на «скорой», мобилников нет, громкоговорящей связи с диспетчерской нет, одна бумажка-разнарядка в руках. Бегаем, ищем, где эта улица, где этот дом, а человек остро нуждается в помощи». Через полчаса стояния с этим таксистом в пробке на Кутузовском, спрашиваю: «А вы и сейчас живете в Теплом стане? Какой у вас график работы, сутки через двое?» «Да», — говорит, — «Я сегодня на сутки заступил». И удивленно спрашивает: «Откуда вы узнали, что я живу в Теплом Стане?» «Логика», — отвечаю. Таксист внезапно умолкает. Задумался бывший водитель «скорой помощи». Через сорок минут стояния в пробке я не выдерживаю, стресс... Наверное едет кто-то, все перекрыли. Безумие, уже ночь. И я специально ее дождалась. Орет диспетчерская связь, звенит мобилник,

Ирина Туманова

но мы стоим. Логика! Простая. Не устраивались раньше, в восьмидесятых, проживая в Теплом стане, работать в Митино или в Кимры Тверской области. Вот сегодня это почти норма: из Кимр в Москву и обратно. Чем дальше живут, тем дальше работают. Как тут пробкам не быть... К тому же дороги перекрывают, плюс аварии. Стоим, ночь. А я ведь у того самого диспетчера, который сейчас по рации кричит всем пассажирам и таксистам, спрашивала: «Как там, Москва стоит? Может, мне целесообразнее часа через два выехать, посоветуйте...» В общем, ему какое дело, диспетчеру в пробке не стоять. Объясните, зачем тогда спутниковая навигационная система существует, спецсвязь, если все равно никто помочь друг другу не может или не хочет. Когда к глубокой ночи наконец-то доехали до Перхушково, я расплатилась, подарила водителю диск со своими песнями на обратный нелегкий путь и объяснила, в чем секрет с Теплым Станом. Логика...

ЗАРИСОВКИ О ПРИРОДЕ. ПУТЕШЕСТВИЯ

*Мне надо много путешествовать,
Созерцать и пробовать на вкус.
Потом писать, смакуя, как вино,
Все то, что жизнью называется давно.*

Дорога

Последнее время я перестала относиться к дороге, как к чему-то изнуряющему, влекущему за собой неудобства, несвежесть от усталости; не обращаю внимания на грязь вокруг. Да, поездка в аэропорт — дело серьезное, можно доехать с проблемами, застрять с вылетом не на один час. Мы так уже привыкли: удобная темная одежда, разношенная обувь и тому подобное. Спортивный вид — это еще лучшая вариация на тему, что надеть в дорогу.

Но нет! Дорога — это праздник! Это усиленное проникновение в окружающий мир; типажи, персонажи, ситуации, мелькающие картинки. Дорога — это активное общение, на которое в Москве вечно не хватает времени. С любимым мужем, с дочерью. Мы рядом, едем, говорим, молчим, но мы рядом. Глотаем бульварное чтиво, разгадываем кроссворды, слушаем музыку,

спим, выпадая из кресла. В длинном рейсе смотрим DVD. Заботливо прикрываем друг друга одеяльцем от сквозняка. Особый вид счастья — дорога. Я в последние годы все больше в уединении нахожусь. Собственно, к этому и стремилась. Рождение песен и стихов требует тишины. А вот пишу для творений именно в дорогах и можно найти. Странно, но весьма много стихов и песен написано в самолетах и поездах, в залах ожидания. Хотя дома — пиши не хочу. Все условия созданы, так нет, надо на коленке, на ходу, на лету. Видимо, неспроста это... Особый дух у путешествия. Вот я и говорю: «Дорога — это праздник!» Сегодня вновь собралась в путь. Даже украшение надену. Сиреневый шарф — в тон к шнуркам на мягких замшевых коричневых ботинках. Сиреневая сумочка — для документов и блокнот — для мыслей.

— Куда это ты вырядилась? А не испачкаешься? Смешно...

— Постираю! В путь!

*По дороге пыльной
Камушки считаю.
Облака плывут высоко,
С ними я мечтаю.
Дни бегут, пусть спешат,
Каждому от Бога,
Позабитая дождем,
Пылит дорога.*

* * *

*Есть в Вене отель Sacher,
Есть похер, нахер.
Но сегодня мне — Аххер!*

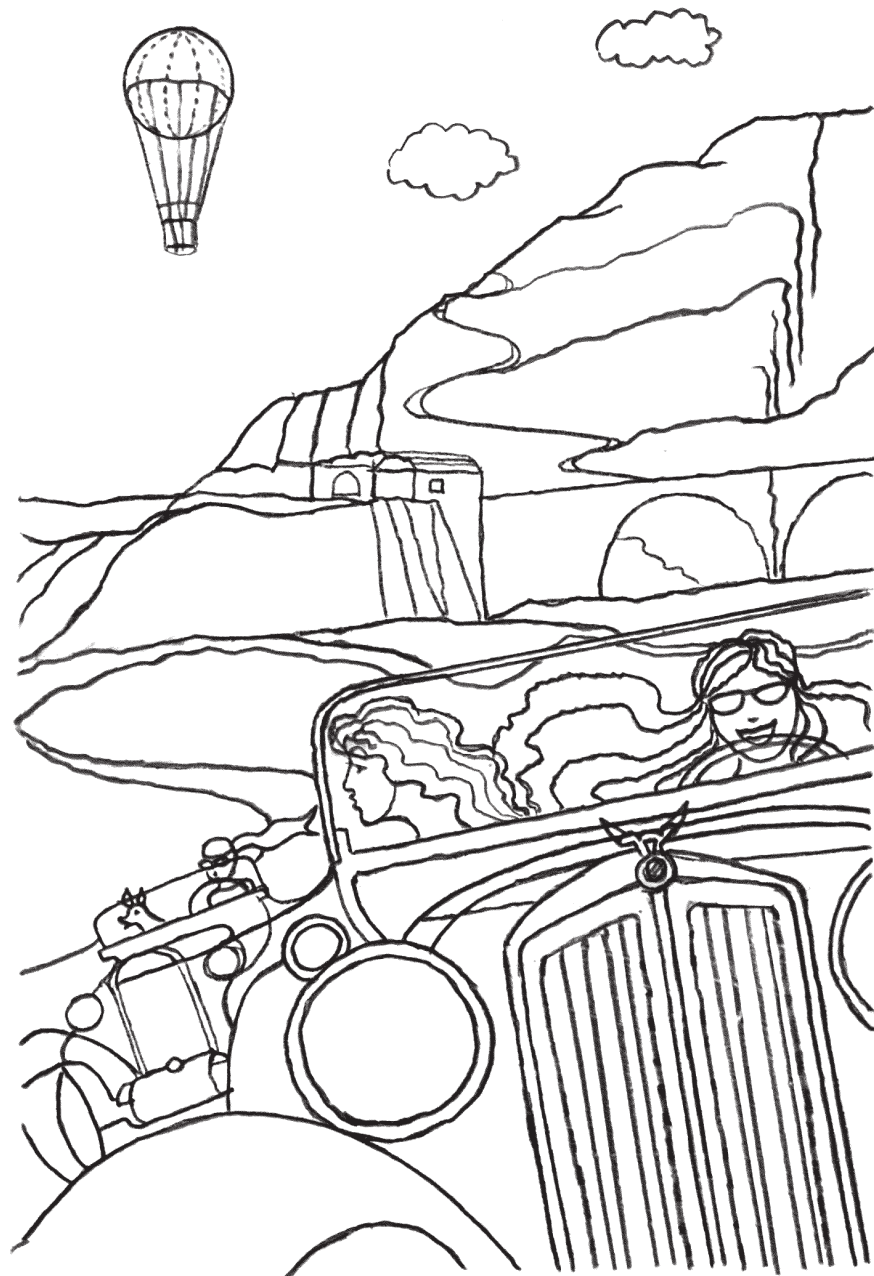
Внизу шумел Рейн. Господи, как хорошо... Сколько лет я не была в Германии? Почему-то вспомнилась строчка из песни: «О Боже, полжизни ждал я...» Так, кажется, пел не худший вариант из пугачевских мужчин. Но при чем здесь он... Я не о том... Опьянела от шума Рейна. Какое замечательное место: кофейня, вся стеклянная, столик, он как будто нависает над водой. На другом берегу — замки и крепости, там слева Баден-Баден, завтра обязательно туда съезжу. Сегодня поброжу по Майнцу. Как все романтично последнее время. Редко восхищаюсь собой, но сегодня я себя люблю. Я — классная! На мне замшевый, до пят, плащ с норковым воротником. Офигеть, купила перед самой выставкой... Какая же я в нем! Даже женщины и дети оборачиваются. А берет... Берет я купила в Будапеште, чумовой, слегка набекрень. Но в душе-то я — озорная девчонка из пионерского отряда № 8, младшая группа, а для них — красивая дама, sex-бомба. Да, на Ленинском ботиночки приобрела... И вот гуляю я в плаще с норковым воротником, в кожаных ботиночках и чумовом берете по Майнцу и Баден-Бадену. Я лет сто не была так довольна собой и еще лет двести не буду. Чума!!! Бокальчик красненького, штрудель какой-нибудь, баквурсты, чудная немецкая

колбаса из телячьего фарша и приправ... Здесь все-таки не умеют готовить так, как у нас в Гере, в Тюрингии. Вот поеду на днях в Веймар или у себя в Гере обожрюсь еще лет на двадцать впрок. Какой же вкус обалденный у этой колбаски с горчицей и булочкой. Схожу с ума от воскрешенных запахов — ностальгия. Я сама Коко, да я просто Шанель. Кстати, говорю по-немецки, без акцента. Миниатюрна, неопределенного возраста. Я ни у кого ничего не прошу, мне ничего не надо. Я свободна и самостоятельна, мне еще немного лет. Небрежно снимаю плащ, передаю швейцару. Ноги, в ботиночках на шпильках, быстро оказались у самого лучшего столика. Я над Рейном, внизу — стеклянные полы. Люблю эти края, это счастье. Не знаю, почему мне это дано, но спасибо! Зачем мне было в этой жизни хорошо! Не знала бы, а так хочу еще... Он мне подарил Рейн, спасибо, милый, но согласись, я у тебя — классная. Ем штрудель, а ко мне уже сватаются глупые и умные немецкие бюргеры.

Шутки шутками, но у меня всегда так, восторг сквозь слезы. Сажу за столиком, пью отлично сваренный кофе, смотрю на Рейн, на всю жизнь насмотреться хочу... И вдруг!

— Гуттен таг! Гуттен, юнген Фрайлин. (Это значит не фрау, а молодая женщина.)

Их двое, им лет по пятьдесят-шестьдесят. Холеные, глаза умные. Хотят тоже на Рейн сквозь огромное стекло посмотреть. Наверное, я их столик заняла, они сюда стабильно каждую неделю ходят. Говорят, что им нравится на Рейн смотреть. Ну уж извините, я лет двад-

цать Рейн не видела. Вот посмотрюсь и уеду обратно в Россию.

— О, мадам, вы из России. Вы очень-очень красивы и хорошая женщина. Вот вам рука и сердце. Вы, видно, умная, хорошо немецкий знаете, и такая красивая».

— Ну что вы так сразу... Вас ведь двое.

— Выбирайте и подругу сюда привозите.

— Что же вы так торопитесь, уважаемые господа?

— Не гневайтесь, леди. Законы страны подстегают. Мы оба — вдовцы, если не женимся в течение трех лет, то часть нашего имущества перейдет не детям, не внукам, а государству.

Приведет новую хозяйку вдовец в дом, все семье остается. Да, дела. Люблю я немецкий язык и города Германии. Господа, вам со мной не повезло. Мужем я любима, моим дорогим. Вот подруг позвать могу. Правда, какие классные мужики. Богатые, с тысячелетней родословной, землями, полями, лесами, внуками и детьми. Один бюргер живет с правой стороны Рейна. Другой — с левой. И почему-то они тут любят раз в неделю пить. Господи, какой кайф. Я с таким удовольствием поболтала с ними на немецком.

* * *

Путь из Венеции через Верону в Мадонна ди Кампильо не похож на дороги в горы из Женевы в Церматт; иная красота у горных маршрутов Тюрингии и Шварцвальда. Светит солнце. Виноградники. Справа и слева —

скалистые, но покрытые лесом горы. Снега пока нет. Очень чисто, светло. Движение идеальное, скоростное. Итальянец-водитель — в перчатках и строгом черном пальто. Такси — «мерседес» последней модели. Правда, салон не кожаный и топливо, наверное, дизель; ручная коробка... Трасса от Вероны до Трентино словно зажата между живописными пиками гор. Грузовики едут строго справа. Никто не перестраивается. Скоростной поток организован и подобен водопаду. Въехали в область Трентино. Остановимся тут и выпьем по бокальчику местного вина позже. Пока не стемнело, не сбрасываем скоростей. Солнце уже не бьет в глаза. На отдельных вершинах лежит снег. Здесь, по прогнозам, –5— –9, в Москве — –20, а в Венеции сегодня утром было плюс 6. Безупречная чистота пейзажей: горы, небо, виноградники. Населенные пункты, придорожные кафе, замки на горизонте, где белеет снег, искрятся на солнце.

Едем в тишине, музыки не хочется. Пишу, мой спутник уснул, у водителя свои итальянские мысли. Дорога стала уже, скалы отвеснее, а деревушки романтичнее. Дорога — платная, семь шлагбаумов сливаются в одну узкую магистраль. Потом начнется горный серпантин, скорость станет ниже... Мадонна ди Кампильо, там нас ждет мой брат Сергей, заядлый горнолыжник. Он вчера прилетел из Москвы, но в Венецию не заезжал. Мужчины будут кататься на горных лыжах. Я буду бродить по лесам, горам, вдоль речушек и водопадов, наблюдая и фотографируя новые места. Начались тоннели, разрезающие горы. Вода мгновенно останови-

лась — замерзшие водопады — красиво. Вдоль дороги склоны укрыты сеткой, закрепленной камнями. Одни склоны гор темнее, другие светлее, залиты солнцем. Жаль, дня не продлить, вечереет.

* * *

Еду по городам Германии, в которых мама и папа провели молодость, свои счастливые годы, выросли я и брат...

Трудно представить, как выглядит страна или город, не побывав там. Фотографии, книги, иллюстрации не отражают истинной картины. В движении все выглядит иначе. Идешь ты пешком или мчишься на экспрессе, тогда удивительные возникают красоты. Поезд взлетает то вправо, то влево, вверх, вниз. Дома оживают, оживают деревья и все вокруг. Мы огибаем горы или тоннелями вклиниваемся в них. Реки блестят, искрятся и, словно наперегонки с экспрессом, хулиганя, врезаются под мосты. Захватывает дух. Кажется, что потом вода поднимет как пушинку поезд и унесет с собой. У шлагбаумов нас пропускают чистые сверкающие разноцветные машины. Из-за нашей огромной скорости машины кажутся легкими и маленькими. Грузовик, телега и лошадь. В небе — полоса от самолета. Все смешалось. Линии электропередачи, поля, поля, вороны на голых деревьях.

* * *

Сегодня стало модно искать через Интернет своих одноклассников, сокурсников, коллег по работе, тех, далеких, «совковых» времен. Возникает иллюзорная возможность обрести неожиданно растерянное по молодости свое настоящее. У кого как... Мое прошлое несколько иное. Согласитесь, когда люди находятся в рамках одного двора, школы, города, страны или даже в рамках бывшего СССР — то не так уж трудно встретиться, позвонить, съездить в гости. Или зайти в школу к первой учительнице. Другое дело, когда твое детство, твоя квартира, дом, где ты жил долгие пятнадцать лет, находятся далеко за границей. Там, где сейчас течет совсем иная жизнь. А в твоей детской комнате спит другой ребенок. Это я о своем детстве и о жизни людей, которые спустя много лет вдруг решили найти друг друга. Интересно поднять все архивы, объединить безнадежно стареющих отцов и нас, их повзрослевших детей. Всех, кто провел часть своей жизни в так называемых заграничных командировках. Кстати, тогда об этом было запрещено говорить. Все было строжайше засекречено. История жизни этих людей — часть истории нашей страны, целая эпоха. Много смешного и грустного, того, что уже никогда не повторится. Нет той секретности, нет ГДР и СССР, нет того воздуха, той эпохи. Уйдут отцы, и мы не станем мо- ложе. Дети смогут только прочитать и удивиться...

В Германии жили и работали умные и талантливые в разных областях люди из многих республик быв-

шего СССР. Были свои герои, художники, артисты. Мой папа — высокопоставленный научный сотрудник, химик, обладая шикарным тенором, в свободное время профессионально пел. Ему даже присвоили звание народного артиста ГДР (и грамота есть). Мое творческое начало сформировалось тоже в Германии. Училась музыке и вокалу у фрау Фридрих, имела няню фрау Лотту, ходила в театральный кружок, музыкальную школу; создавала картинки из соломки... Все было рядом, не надо было никуда ехать. Разговаривая на русском дома, на телефонный звонок я, будучи ребенком, уверенно отвечала по-немецки. И непонятно, по какой причине сейчас в моих песнях звучат русские этнические напевы. Почему в стихах постоянно возникают образы бескрайних российских полей, лесов и березовых рощ.

В наше время г. Гера, с которым связано так много воспоминаний, возрождается. Иначе и быть не может. Там сходятся поезда различных направлений. После объединения Германии Гера стал частью федеральной земли Тюрингия, одним из трех основных центров (Oberzentren) наряду с Йеной и Эрфуртом. Самое большое лесное хозяйство Тюрингии расположено на территории нашей бывшей школы. Школа состояла из трех особняков. Младшие классы занимались в «малом» доме, там же проходили уроки домоводства для всех девочек. Учили всему: шить, готовить, вязать. Все навыки хозяйки у меня — с той поры. В «большом» доме (бывший немецкий госпиталь) находились учи-

тельская и все остальные классы. У мальчишек уроки труда проходили в бывшем немецком морге. Они порой нарушали дисциплину, курили, таскали у отцов журналы с фотографиями голеньких дев, в Союзе ведь такого не было.

С закрытыми глазами могу пройти по всем улицам, аллеям, переулкам и дворикам детства. Помню красную аллею (красные клены, высаженные когда-то по указу Гитлера), красивую чугунную ограду. За домом школьника был целый мир: карусели, турник, две качели-качалки, скамеечка. Через горку и сады можно выйти к стадиону и немецким четырехэтажкам. Здесь я каталась на санках с друзьями, гуляла с младшим братом Сережкой. Тут дети и взрослые, русские и немцы, играли в футбол. Часто семьями выезжали на природу, папа ловил рыбу, женщины готовили много разной еды, чтобы угодить немецким друзьям. Жарили баквурсты. Играла музыка.

Мы жили в пятиэтажке на втором этаже. Окна почти соприкасались с открытой площадкой и солярием на крыше. В подвале — комнаты для стирки, сушки и глажки белья. Теперь в нашей квартире живет немецкая семья. Каждый свой новый приезд в Геру я фотографирую это родное для меня место. Кажется, ничего с тех пор не изменилось. Наша пятиэтажка выходила фасадом на булочную-пекарню. По утрам мама посылала меня туда, я брала пять молочных булочек и половину серого хлеба. Потомственный пекарь, трудятся все родственники, тесто — по особой рецептуре, печь —

где-то внизу... У каждого в очереди спрашивают: «Что хотите?» И через пятнадцать минут на лифте поднимают свежее испеченный хлеб. Горячие булочки, запах, корочка... Такое объедение...

* * *

Люди приветливые. Разговаривают, придерживают двери, помогают сфотографироваться. Кондуктор сказал, где остановится вагон для продолжения моего путешествия; отправил воздушный поцелуй, помахал рукой. И это не пошло и не гадко, а правильно. Я тоже машу рукой. И уже следующий кондуктор бережно берет мой чемоданчик и несет в другой экспресс к первому классу. Я спрашиваю, есть ли еще время. «Без вас не уедем!» — смеется. Вспоминаю подмосковную электричку. За одну секунду вываливают людей на перрон. С криками и давкой те, которым надо ехать дальше, вновь втискиваются в вагон, кого-то прищемило — ерунда, поезд трогается, и это система. Мой путь по землям Германии продолжается. Среди полей, церквей, лесов и местных пряничных деревушек неожиданно вырастают огромные ИКЕИ, мебельные магазины, строительные базы, автомобильные заводы. Жалко пейзаж, но все аккуратно, и глаз успокаивается.

* * *

Всю дорогу от отеля Hilton до центрального вокзала Vanhoff в Дрездене таксист уговаривал меня поехать на машине, а не на поезде в ту самую Геру. Правда, не за 25 евро, а за 250. Объяснила, что на поезде — романтичнее. Не понял: мол, жадничает мадам, и точка.

— А так бы с ветерком...

— Нет, спасибо, скучно будет в дороге.

Не понимает, столько людей, столько тем и впечатлений я пропущу, если поеду с ним. Что там один таксист... Нет.

* * *

Поезд петляет, яркое солнце то вдруг выныривает, то пропадает. Слепит глаза. Я пересаживаюсь с одной стороны вагона на другую, прячусь от солнечных лучей. Игра.

* * *

Садовые участки стоят пустые. Маленькие бассейны-прудики с естественными заборчиками из ели, кустов. Хорошо, что еду сегодня. Стало пасмурно, ветер. Погода — не для прогулок по историческим переулкам, а как раз дорожная. Стучат колеса. Проезжаю Weimar, этот маленький город Германии — культурный и исторический

центр для немцев. В этом городе жили и творили такие гении, как Шиллер, Гете, Бах, Лист, Ницше, Кандинский. Страшное напоминание о фашизме в десяти км от города. Руины Бухенвальдского концлагеря. München через несколько часов, пишу. Надо успеть.

* * *

Я шучу по-немецки, они смеются. Немцы все делают от души.

Ржут! Громко, долго и заразительно. Понравился мой юмор. Приятно.

Хуже, когда улыбку надо через лупу улавливать и довольствоваться многозначительным молчанием в ответ.

* * *

Все аккуратно красиво. Лес убран, нет буреломов и листвы. Поля из-под снега зеленовато-жухлые. Голубое небо и белые облака. Аккуратные деревеньки, но очень много брошенных домов, окна без стекол.

* * *

Думала, туман, но, вынырнув из горного тоннеля, поняла, что мы оказались в облаке — забавно. Случайно села в вагон, где запрещено громко говорить, пользо-

ваться телефоном. Два знака: перечеркнутые сигарета и говорящий рот. Не курить, не говорить. Пересаживаться не стала, тишину я люблю. Вагон тишины... Вагон в дреме...

* * *

Объявился нарушитель тишины, громко икает. Но у немцев нормально — икать, сморкаться и делать многое другое. Естественные звуки человека нельзя удерживать. Никто на это не обращает внимания. Многие спят. Одна я улыбаюсь в шарф... Икает он уже минут десять. Надо подсказать ему про глубокий вдох и три глотка. Едва сдерживаю смех, сейчас рассмеюсь. Тогда явятся два нарушителя тишины.

* * *

Не пойму, облака, туман, тучи или вечер... Видимо, все одновременно. Две старушки пьют пиво — можно! Развалились в своих креслах, смотрят в окно и потягивают пиво.

* * *

Здорово проехать на поезде через всю страну. Бегают официанты, предлагают еду. Я лучше доеду до Мюнхена, брошу вещи и засвидетельствую свое почтение самой

всемирно известной пивной «Hofbräuhaus». Она была открыта еще в 1607 г. Но для всех желающих пивную открыл через двести с лишним лет баварский король Людвиг I. В разное время посетителями этого заведения были такие известные личности, как Вольфганг Амадей Моцарт, австрийская императрица Елизавета Баварская, Ленин и Крупская, Адольф Гитлер.

* * *

О! Вот они, виноградники. Знаменитый вкуснейший Riesling. Проехала Würzburg Hof. Справа — сплошные замки и красоты, но я еду дальше.

* * *

Да вот и не знаешь, что лучше — древнее пиво или шикарный рислинг.

Выпью рислинга, а в пивную просто зайду, сделаю пару фотографий, а там — как пойдет.

* * *

Прямо через поля идут-тянутся автодороги узенькие, но они чистые, асфальтированные. Люди, размахивая руками, шагают в чистой обуви. Снова светит солнце.

Понятие «распутица» здесь, видимо, отсутствует. Откуда берутся грязь и бездорожье, они, скорее всего, не знают. В Москве, не успев выйти из подъезда, можно испачкаться по самые уши.

* * *

Вдоль дороги много старой сухой травы, но жечь ее никто не станет, черных пятен не будет, как это бывает у нас весной. Природа сама разберется, что делать с прошлогодней травой. Зазвенели строчки: «Вдоль дороги жгут траву сухую, верба не цветет, не вспахан луг. И весну, такую затяжную, ни цветы, ни люди не поймут».

* * *

Говорят:

— с проседью.

А если зеленые поля с кусочками или полосками земли,

— с прокоричневенью

— с пробежевостью.

Четыре часа еду, никак не подберу название этому цветку февральских немецких полей. С коричневой — не верно. Земли в этом случае больше. Есть рвы для полива и против пожаров. Есть насаждения от ветра.

* * *

Вокруг — чистейшие зеленеющие поля и леса. Не дремучие. Но это обман, там есть звери. И можно заблудиться. Бурелом отсутствует. Кажется, что падающее дерево и ветки уже в воздухе шинкуют на аккуратные кусочки, укладывая их в поленницы. Вопрос: кто, когда? Людей не видно.

Проезжаю Roneburg. Урановые отвалы. Сегодня дети думают, что это горки и холмы. Завод Karl Zeiss Jena пока закрыт. Безработица. Местных жителей мало, они разъехались после слияния Германии. Много заброшенных домов.

Но уже дует свежий ветер. Гера (Gera) — город, с которым у меня связано так много воспоминаний, возрождается. Иначе и быть не может. В городе сходятся поезда различных направлений. После объединения Германии Гера стал частью федеральной земли Тюрингия, одним из трех основных центров (Oberzentren) наряду с Йеной и Эрфуртом. В Гере находится Городской лес Геры (Geraer Stadtwald), самый большой из всех городов Тюрингии лесной массив, расположенный в черте города. Реставрации, реконструкции, леса строительных площадок... Лучше, чем десять лет назад.

* * *

Трамваи бегают в ночи туда-сюда. Прозрачные от света. На небе месяц коромыслом, как и в Москве. Темно. Пассажиры все-таки есть. Они, как игрушечные человечки,

живут там, в бегущих по рельсам трамваях, своей жизнью. В основном ходит трамвай номер три из Лузана в Библах. А у меня дом был посередине пути, перпендикулярно пешком идти на горку.

Вот и сейчас трава в инее, солнце. Пара собак тянет своих хозяев на эту горку, и я взбираюсь через ступеньки. Вот старое дерево — помнит меня, скамеечка. Здоровуюсь с попутчиками (здесь здороваются на улицах), бегу дальше. Вижу окна своей бывшей квартиры.

* * *

Мы приехали в один из немецких городов на долгое местожительство. На следующий день, играя в песочнице, я познакомилась с немецкой девочкой. Почему-то очень ей понравилась. На следующий день она пришла в песочницу со своим папой, и они подарили мне маленький черный кувшинчик, а в нем — цветок. Этому кувшинчику уже много лет. Он стоит на моем столе, и в нем — карандаши. Сегодня я опять была в той песочнице. Все, как в детстве. Та же улица, тот же двор. Мне казалось, что я снова маленькая.

Охотничье хозяйство

Мы обычно приезжаем сюда впритык. Что это означает для охотника? Преодолев на выезде из Москвы все пробки, закупив по дороге продукты, заскочив один раз

на заправку, мы вихрем вкатываемся через ворота в вольер. Вольер огромен, и он отделяет часть озер, полей и леса, вместе с животными, от леса дикого. Так вот, подъезжая к своему дому, который выстроил несколько лет назад мой муж — охотник-богатырь, уже через секунду мы буквально врываемся в дом. Богатырь быстро надевает маскировочный костюм, запикивает в рот бутерброд, делает пять-шесть глотков пива, хватается ружье, патроны, рацию, фонарик, нож, и резво пересаживается в уже стоящую на всех парах машину егерей. В чем проблема спешки? Надо к определенному часу, пока еще не стемнело, через те же ворота выехать в дикий лес. Сесть, затаиться, да так, чтобы не было шумов человеческих, запахов, и ждать. Это за 30–40 минут до того часа, когда животные обычно решают, что неплохо было бы перекусить.

После стремительной катапультации из машины, почти пяти часов езды из Москвы и столь же стремительного исчезновения мужчин-охотников я остаюсь одна в домике. Разбираю вещи, продукты. Смеркается, тишина наступает нереальная. Рассматриваю все знакомые вещи: картины, шкуры, трофеи, посуду. Ведь лет пять назад мы это все с богатырем создавали с любовью и обустривали. Охотники приезжают сюда часто, а я два-три раза в году, в грибной сезон и зимой, в канун Нового года. Так уж повелось. Задумалась, разжигая открытый камин, смотрю на огонь и уже, слегка волнуясь, начинаю ждать охотников с «вечерней». По времени это с 18.00 до 22.30. Читаю, пишу,

думаю, внимаю тишине. Когда слышу выстрел, знаю, сейчас вернутся. Зимой, иногда замерзая и не дождавшись зверя, охотники приходят раньше; летом красота природы может, наоборот, задержать в лесу мужчин. Даже если зверь не убит — это не главное, важен процесс. После стрессов мегаполиса лес восстанавливает силы и нервы.

Бывает, что, не дождавшись охотников, я засыпаю. Если охота была удачной и трофей необычен, меня обязательно разбудят, и мы, уже глубокой ночью, пойдем смотреть на особую охотничью церемонию — снятие шкуры. Признаюсь, это зрелище — не для женщин. Один раз увидев, более в этом я не участвовала.

Охота

Если трофей слишком необычен, огромен, редок, то возбужденные охотники ворвутся ночью и потащат меня участвовать в церемонии разделки туши и шкуры. Но эта зарисовка лишь сотая часть того, что можно рассказать об этих местах и образе жизни в охотхозяйстве. Рассказать о людях, рыбе в озерах, медовой пасеке, грибах, домашней птице, свиньях. Как отапливается дом. Где берем электроэнергию. Сколько в округе озер, как устроен вольер. Вспомнила мамины шторы, посуда, накомарники, сувениры из ГДР, баня. Система отопления трубы по кругу. Давно я не ездила в охотничий домик с мужем. Все было некогда, дописывала новый альбом, не

было грибов осенью. Одним словом — не сложилось. А раньше два-три раза в году всегда приезжала. За неделю перед Новым годом, осенью по грибы, иногда летом — позагорать и поплавать в озерах, поесть свежей рыбки из озер.

Вот сейчас охотники ушли, я разглядываю дом. Создавал все Саша, а я потом, как всегда, помогала благоустраивать. Дом предназначен для охотников, сюда могут приезжать разные люди. Кстати, приезжайте, если увлекаетесь! И теперь это — место, где охотники могут переночевать, отогреться, поесть. Но наша с мужем комната — нечто неприкосновенное, табу.

Уже стемнело, но до выстрела еще далеко. Лунная дорога на снегу, неделя до Нового года. Пойду-ка я вздремну. Решила поваляться, пока нет охотников, открыла форточку: воздух нереально чист. Правда, непогодится, вместо снега идет летний дождь, ноль, минус один. Все сразу обледеневаает. Темно, зарылась в одеяло, лежу, мечтаю в тишине. Неожиданно вернулись охотники и забегали целой толпой. За меня испугались: темно, света нет. Бегают с фонариками, суетятся, пытаются дизель завести. Оказывается, из-за обледенения проводов пропало электричество. А я мечтаю, мне не нужно это электричество, можно и камин растопить. Охотникам кабанчика удалось все-таки шлепнуть. Дико сладостно, как в детстве, валяться в сухом теплом доме, в тишине, под теплым одеялом. Но вот радость — в природу ворвался отвратительный гул дизельной подстанции, у всех счастье. Странно все-таки люди устроены. Конеч-

но, глубокой ночью мы выключим это безобразие, но посидеть вечером при лучине могли бы вполне, ну да ладно.

Я улыбаюсь и молчу, такая обстановка, совсем жалко говорить, молчать приятно. Пишу, за окном зимний дождь, превращающий мой любимый лес в царство ледяной королевы. Елочки, сосны, березы, осины, кустарники и высокая сухая трава — все в ледяном тяжелом одеянии. И естественно, то провод, который, бог знает откуда, тянулся с целью давать свет, не выдержал художочный. Дражайший супруг охотник-богатырь и несколько егерей исчезли с целью завершения охоты. Надо грамотно разделать зверя, шкуру, каждому выделить его долю (здесь я тороплю события). Обычно рано утром приезжают с ветстанции, чтобы выдать разрешение на мясо. Только потом его можно делить и готовить. Так что разделают и разойдутся. Ни свет, ни заря пойдут на лося. Лучше бы температура понизилась и пошел снежок. Хотя наст все равно ломкий и режущий, по такой погоде зверь может и не выйти. Не стоит думать, что здесь собрались очень злобные охотники. В этом охотхозяйстве — все по науке. Охота, — когда она разрешена, — это отстреливать зверя по строго определенной системе. Вожаков и самок нельзя убивать. Охотники учитывают многие факторы. Поголовье скота в вольере растет очень быстро, много лосей, кабанов, оленей, есть рыси, зайцы, лисы, бобры, куницы, соколы, утки, много рыбы. Животным дают корма, соль, витамины, высевают овсяные поля, отслеживают больных, были

тут и волки. Ох, уж этот дизель, всю романтику нарушил. Сейчас муж-богатырь вернется, в баню пойдем, в настоящую русскую баню. Правда, лед сплошной, чтоб до бани дойти — надо катиться как на коньках. Валяюсь на кровати, пишу в нашей с богатырем комнате. Стены комнаты обиты вагонкой. Кровать, комод и платяной шкаф — сосновая незатейливая мебель. На стене на крючках висят кепка, охотничий камуфляжный костюм, зимние и летние кепки, охотничьи унты. С потолка свисает сейчас прибранный к стене огромный накомарник. Я его сама шила, конструкцию увидела у финнов. Из мелкой сетки нашла таких штук шесть-восемь, дико удобно, и воздух пропускают. Накомарник всю кровать прячет полностью и легко открывается. Зимой, конечно, он не нужен, а вот летом, в сезон, это уникальная защита от москитов и прочих гадостей.

Рай

Закончились все строительные работы в доме на Волге. Бревна, мебель, мельчайшие детали — все из дерева, даже воздух пахнет свежее испеченным деревом. Нет строительной пыли и грязи, хожу без тапочек, босиком. Дубна и Кимры, а между ними — рай. Указатель невзрачный, въезд по колдобинам, одиннадцать километров от Дубны в сторону Кимр, машина вся в глине и песке. Шлагбаум, одна минута — и вот она — Волга. До реки пятьдесят метров. Тишина, сосны и смешанный лес, вековые сосны перемежаются березками и кленами.

В доме уютно, я опять тут намудрила: шторы разные, покрывальца, картины художников, одним словом, незамысловатый дизайн собственного производства. И если рай выглядит иначе, то за мной, видимо, водится несколько грешков. Но я согласна на этот не совсем настоящий рай здесь, сейчас, в этом доме на Волге. Пусть он похуже настоящего...

В Кимрах — дивный творог, фантастическая сельдь кусочками, в маринаде. У меня сегодня тяга именно к этим продуктам почти наркотическая. Не думаю о мясе, колбасе, овощах. Ломаюсь на Кимрских молочных продуктах и сельди с черным хлебом. Утром пью чай шу-пуэр или мате, а к вечеру иногда — бокальчик красненького. Одним словом, я в раю. Моя той-масечка (собачонка) тоже кайфует. Но у нее есть проблемы: по дому еще можно носиться как сумасшедшая, а на природе, участке или вдоль реки уже не побегаешь. На нас, как на мед, притянуло всех местных собак из здешних лесов. Они машут хвостами, лежат у порога на ковриках, на газонах. Думаю, это одна семья, т. е. стая. Из моих рук они познакомились с малявкой той-масечкой, которая в этих краях имеет полное право считаться хозяйкой-принцессой. Она рада, что здесь есть друзья. Но, вероятно, несмотря на свое царственное величие, не осознает, что раз в двадцать меньше своих собратьев. И может быть съедена, раздавлена лапой от любви или переизбытка всеобщих собачьих чувств. Проблема... Говорят, собак надо из ружья спугнуть. Но они ведь от всей собачьей души охраняют наш райский покой. Проблема... Оказывается, в раю случаются мелкие не-

урядицы. Снег еще не идет. Волга не замерзла. Грязи нет, воздух восхитительный, тишина ... Вода — она потрясающая. Плывут большие корабли, по берегу бродят чайки, а в заливчике стайкой сидят утки. Рай... Рыба есть, видела, как ловили соседи.

Весь вечер буду читать и писать. Сегодня читаю научную книгу «Исследования в области психологии». Потом проанализирую, пропустив через свою призму восприятия. Если в двух словах, то авторы подвергают анализу творческих людей, похоже, не все так плохо, как я думала, просто любому человеку иногда нужен рай на земле. Он, этот рай, нужен хоть на один день. А потом жизнь пусть дальше себе течет. Из соседнего дома шли дети, подарила им детскую книгу «Искорки в глазах». Дети улыбались — рай. Когда улыбаются дети и не боятся бродячих собак — это здорово, хотя за детей все-таки побаиваюсь. Но если в мир природы, детей и животных не вмешиваться, то все должно быть хорошо. В раю свои законы...

Перемещаюсь с Волги в Перхушково (это по Старой Смоленской дороге). Так надо, моя жизнь — со своими правилами. Странно, но здесь я хожу по дому и включаю свет... Здесь, даже если включить везде свет, — ощущение сумрачности. Красота дивная, но другого, нежели на Волге, свойства. Она — строгая, лесная, дремучая. Сосны — не простые, а корабельные, им более ста лет. Говорят, это не дикий лес, а бывший парк графа Перхушкова, и пруд там был, а сейчас — болото. Можно, конечно, почистить, но не хотят люди. От речушки, не знаю,

с каким названием, остался ручеек, есть овраги. Вокруг сказочная красота... А темно не от сосен. Всего в пятнадцать километрах — страшный мегаполис Москва, и темень городских чудищ наползает на молодые свежие побеги дикого винограда, яблонь, на цветы и все лесное зверье — давит серостью, недружелюбием, шумами различного происхождения.

Вот, к примеру, в доме на Волге сосны из окна тоже видны, только не стволы, а именно кроны, потому что они, как в Крыму, меньше ростом и кучерявы у головы. Есть ощущение света, возможно, свет отражается от воды, слившейся с небом. А ночью небо — в звездах. Ибо ползучий мрак мегаполиса далеко. Я не хочу обидеть перхушковский лес и дом, здесь я провожу много времени, работаю, тут семья, музыкальная студия, рождаются песни, стихи. Тень мегаполиса можно приостановить, если в доме и вокруг него будет звучать красивая музыка. Проверено. И снова мысль возвращается к Волге. Какие же я там наблюдала туманы, их надо писать художникам... Предстоит первая зима и первый Новый год в доме на Волге. Возможно, будут прогулки на беговых лыжах — кайф. На лыжах по великой реке Волге... Я люблю и коньки. Надо изучить технологию создания катка на реке. Думаю, сам по себе каток гладким не получится. Нужны манипуляции с горячей водой, жаль, подзабыли мы все древние рецепты, и на крышах у нас сосульки, а лет сто назад их не было...

Так вот, Том Сойер или Гекльберри Финн в моем обличии полетят на гагах вдоль берега (так, кажется, на-

зывались низкие, с широким лезвием, коньки). Шучу — смешно. Думаю, обычные беговые или фигурные коньки тоже подойдут для начала. Рыбаки в сезон сверлят лунки, это рай. Лежишь в доме на верандочке, рядом, в пятидесяти метрах, — лунка со свечечкой и удочка. Есть рыбка — колокольчик «звяк», набросил шубку — и «ам» рыбку...

Устала писать, решила встать из-за стола на кухне, и вдруг линия подоконника и линия реки совпали с моим ростом, точнее — с углом моего зрения. Получилось, что я смотрю в окно, а сразу под ним — вода, открою окно — и польется вода в дом серебристым потоком. На небе — кучевые облака. На кухонных окошках — кружевные шторы, будто сотканые из лунного света, — это память о маме. Когда мы жили в Венгрии, то на огромном обеденном овальном столе была очень большая кружевная скатерть. Помню, мама уже болела, и, чтобы ее порадовать, мы с братом приехали на ее день рождения в ноябре неожиданно, как сюрприз. Вот за тем столом и сидели по-семейному. Мама смеялась, мы даже танцевали, она — с братом, я — с отцом. Были еще и друзья-венгры, моя дочь Катюша, да, давно все было. Именно эту скатерть я разрезала на две половины, кружевные полуovalы украсили кухонные окна. Одно окно смотрит на дом моего брата, случайность ли это? А второе окно — на Волгу, сливающуюся с небом... И там, за маминим кружевом, — рай. *Значит, мы здесь все вместе, она рядом.*

Удивительно, но так распорядилась жизнь в этом раю, соседний дом — это дом моего родного любимого бра-

та. А раз мы все тут, и дети, и внуки, и муж, и сестры, невестки, друзья, в одной точке на Земле собрались, то и мамы наши быстрехонько сюда потянулись, и моя мама, и свекровь (моя вторая мама), и остальные добрые родственнички.

Вчера заходил брат: «Ну ты как?» Отвечаю: «Уютно». «Правда, здорово, просто рай?» Я даже вздрогнула, отложив ручку, посмотрела на него внимательно. Нет, конечно, он не знал, что повторил только что написанное мной слово, странно. Посмотрела на Волгу сквозь кружево, скрыла слезы, взяла себя в руки. Брат прилег на диван и сказал: «У тебя побуду. Не помешаю?» — «Нет, конечно». Давно мы так в одной комнате не вечеряли. Он — со своими мыслями, я — со своими. Чай, варенье, редкие диалоги, молчание. Когда это было в последний раз? И вот опять, столько лет спустя, да, странно. Много странностей в этом Раю. Съезжаешь с основной дороги в лесок, по колдобинам, и там за поворотом... да, да, именно там... вчера был Рай...

Дом на Волге

В доме на Волге установили черную чугунную печку. Сквозь стекло виден огонь. Печка так расположена, что отсвет виден через парадную и другую дверь, ведущую к Волге. Когда нет зелени, зима или поздняя осень, огонь бликует в реке. А если отплыть на лодочке, то дом на берегу кажется прозрачным. В комнате, рядом с кухней, на

стене повесила три работы ялтинских художников. Картины теплые: солнце, Крым, море... От них становится светлее. В этом году зима задержалась. Светло с 13 до 14:30, остальное время — мрак и полумрак.

* * *

Думала, что я одна. Но слышу, зовут по имени. Это брат. Странно, столько лет жить в разных концах Москвы, встречаясь на редких семейных праздниках из-за отсутствия времени, проблем, пробок... А тут кричит: «Привет! Сестра! У тебя лук есть?» Смешно. Да я для него из-под снега лук достану. Класс! Небо, вода, мы... Мама как будто рядом, и улыбается.

* * *

Месяц спустя. Декабрь. Снова в РАЮ. Чтобы не терять день, выехала из Перхушково в 7.45. И в 10.15 уже была в Кимрах на рынке. Купила творог, помидоры с зеленью, мяса кусочек. И бегом к себе, в домик на Волге... Зарыться, окопаться, смотреть в окно, вдыхать деревянный дух, топить печку и писать стихи. Льда еще нет. Рыбаки на другом берегу не дремлют. Вокруг ни души. Пробежал сосед из дома с подсолнухами. Он стабильно бегаёт по утрам и плавает, класс! А у меня со спортом стабильная нестабильность. Иногда меня можно лицез-

реть на пробежке в спортивном костюме или во дворе с гантелями, обручем на талии. Но порадовать повторной тренировкой окружающих не рискну. С занятиями по вокалу — стабильность ярко выраженная. Но если бы меня в этом не поддерживали все домочадцы и творческие друзья, не подталкивали и не подпитывали, то в этом вопросе было бы, как со спортом. Так что за вокальные успехи спасибо близким. Стихи и проза — это совсем от меня не зависит... Откуда-то, сверху, диктуют периодически, но настойчиво. Вот сейчас как раз тот случай, только успевай записывать. Жаль, что нет самописцев, считывающих идеи и мысли с коры головного мозга. Ведь почерк у меня не очень, да и ночью вставать трудно. Какой долгий день. Недаром говорят: «Кто рано встает, тому Бог дает». Приехала ни свет, ни заря, а день тянется и тянется. Я свежа, сил полно. Потянувшись, громко крикнула в пустоту деревянного дома: «Гулять!» Той-масечка устроила истерику от счастья. Подожди-подожди, не мгновенно же гулять. Уже прохладно, одеваться надо. Вечереет — красота...

* * *

Шумели сосны, и качало так, что их парусность пугала, будет и машина, и дом без крыши (из шутки про кризис и кабриолет). Бургундское топило застывшие нервы, призывая перо и бумагу. Где Рай, где пропасть, где стена? Вчера звонил Он. Сказал, что у него Рай, но нет рядом

меня, и все меркнет сразу, еще не начавшись. Был еще один звонок. Там сказали то же самое. Я улыбнулась и сделала глоток. Значит, буду писать, жизнь продолжается. Рай есть.

* * *

Соловей. Жары на этой неделе нет. Чудесное начало лета. Весна пронеслась. Странно — как всегда, слишком быстро. Яблони все перезимовали, не выдержали клен, каштановый куст и один можжевельник. Прошлой зимой потерь было больше. Цветы радуют. Хмель безумствует: заборов не видно, и он ползет дальше. Из благородной культуры нагло перерождается в сорняк. Сказочные гномы облупились, до них не доходят руки. Бушует сирень. Будет много вишни! Разрослись хвойники, радуют свежими шишками. Что творится в душе! Но об этом не сегодня.

* * *

Становится немного не по себе. Еще один рай, и уже не первый раз. Последние лет десять мы здесь бываем с дочкой. Мальдивы — удивительное райское место. Не я одна восхищаюсь, скорее наоборот, я — сдержанный человек в плане огромных эмоций. Но как выражают свой восторг другие! Этот уголок земли равнодушным не оставляет. Взрослые становятся детьми, дети слива-

ются с природой, флорой и фауной. Они — как рыбки, как крабики в песке, как мотыльки в тени листвы. Мне думается, что если людям удастся увидеть прекрасное, то нужно за это что-то сделать, например оправдать те блага, которые посылаются свыше. И если с небес спуститься на землю, то самое доступное, что я могу, — это сказать спасибо близким за то, что мне дали возможность побывать в раю. Спасибо мужу и дочери. Нам хорошо вдвоем. Нам хорошо втроем. Нам хорошо вчетвером, и усилия каждого из нас в отдельности, наш труд, ум, характер делают для семьи возможным видеть невидимое и необозримое, радоваться течению жизни. Без уныния и тоски. И в то же время, если перечеркнуть все вышесказанное, я смогу радоваться просто тому, что рядом, — родному Подмосквовью, домику на Волге. Видимо, самая главная данность свыше — это умение видеть красоту в малом.

* * *

Прямо из песка (не прибрежного, а там, где утопанные дорожки), вдруг, растут одинокие поганочки на тонких-тонких ножках. Возможно, что они — не поганочки, а изысканный деликатес. Ящерицы греются на солнышке, прилипнув к стенам домиков. Их видно ночью в свете фонарей. Они, как мотыльки, тянутся к свету. Крупные ящерицы рыже-зеленовато-песочного цвета с достоинством перебегают дорожки, по которым брожу я босиком, ни разу за десять дней не надев никакой обуви,

с утра и до утра — босиком. Песок, вода, деревянные настилы, и — все время босиком. Около кровати — глиняный огромный кувшин с водой, рядом — полотенце, чтобы песок не занести в постель.

Небольшие зеленые оазисы разделены тропинками. Пальмы, кустарники, лианы, цветы. Стараюсь днем не обгореть. От ходьбы и плавания в океане — крепну. Приобретаю здоровый коричневатый оттенок. Начинаю себя любить. Московская серость и бледность исчезают под веснушками. Оказывается, здоровье и молодость — это реальность. Вирусы мегаполиса и депрессии — что-то из далекого прошлого. День кажется вечностью. Рай!

*Листва зеленая вся в капельках росы.
Как слезы воплотившихся фантазий.*

Декабрь

Конец декабря. За два последних дня выпали горы снега. Нашла для себя удивительное место. Точку, пункт наблюдения за моим перхушковским парком. Сосны высокие, и я забралась повыше. Это летом, на лужайке, на газоне англороссийском, почти на земле, сидела и грелась на солнышке. А сейчас солнце — морозное. Я на третьем этаже, за своим рабочим столом, кресло развернула к окну, ноги водрузила на подоконник, шторы совсем откинула и люблюсь... Стих снегопад, но на лапах сосен и елей снег лежит так, будто замер и не хочет

падать вниз. Сосны затихли, заигрывая с ветром, спрятались. Под снегом их не видно, мол, вот мы какие хитрые. И от этих пушистых сугробчиков на ветвях, и от того, что морозное солнце пробивается сквозь облака, и от искристого снега на земле, стало вокруг светлее светлого. Если звонит телефон, я уверенно говорю, что до Нового года «не выездная». Кстати, было такое понятие у секретных служащих в советское время. Действительно, Москва — как другая страна. Вот пишу и ехать мне туда некогда и не охота. Рыжий кот со мной солидарен, мыши все закончились, но он на охоту и прогулки не рвется. Той-масечка, собачка-умница, глазки карие, внимательные, ближе, чем на два метра, к парадной двери не подходит. Знаю, стоит прогуляться, можно даже снежок кое-где убрать, но вот засела в новой облюбованной наблюдательной точке и пишу.

Солнце сядет, изменятся краски, и вся картинка станет иной, зажгутся в парке фонарики. Хорошо бы разжечь камин. В такие зимние морозные вечера хочется его топить и долго смотреть на огонь. В другие времена года к камину не тянет, неинтересно. Сегодня я снимала с него разную ерунду, которая прижилась за год: вазочки, свечи, сувенирчики. Отодвинула графинчики с цветами, убрала подальше торшер. Самое время камину поработать месячишко, а то и два, особое удовольствие — вечером.

*Как стало холодно ночами.
Не спится мне.
Трещит камин.*

*И этот шум огня печальный
Мне напевает о любви.
Любви, когда-то пролетевшей...
Любви сегодняшней глоток.
Возможно, будущей, от Бога.
Любви печальной тихий вздох.*

Здорово, что перевернула кресло, от окна не отворачивать взгляда. Такое впечатление, что это не окно, а живописная картина, оконная рама — белый багет, и картина волшебная. Еще в вершинах сосен видно солнце, опять появились редкие снежинки. Вся эта красота замерла, застыла. Может показаться, картина — одна и та же всю жизнь, но, присмотревшись, видно, что каждую секунду она меняется. Сейчас оденусь потеплее: валенки, варежки, и пойду пройдуся. Снег белый, чистый, рассыпчатый от мороза. Мы купили мешок семечек, чтоб кормить птиц. Они еще с прошлых зим приучены, знают все кормушки. Приходят и белки, для них — кормушка особая. Снежок — все чаще и чаще, ночью опять обещали снегопад. Ветер еще не обнаружил затаившихся в игре ветвей, от того ветви сегодня не вечнозеленые, а насыщенно-белые. Они понимают, я знаю их секрет, и просят пока не выходить на прогулку, чтобы не привлекать внимание ветра. Соснам понравилось мое новое наблюдательное место, они одобрительно кивают кронами. Наши лица и глаза почти на одном уровне, еще бы пару этажей, но в принципе и так нормально. Соснам можно не сгибаться, я и так пойму их разго-

вор. Да, это именно про них моя песня «Сосны голову склонили с севера на юг, облака кудрявые...» Только в период создания этой песни, кажется, осень была. Потом, уже через год после рождения песни, одна из сосен призналась, что с севера на юг голову не склоняла, а наоборот... Но из песни слов уже не выкинуть. Вот они ее и поют, мои сосны, когда ветер приходит погонять снег, растормошить зеленые ветви и погудеть в каминной трубе. Пойду все-таки пройдуся...

* * *

Светло. 9 января. Значит, день прибавился. Сегодня лег снег, но на голую зелено-серую землю. Такое в январе впервые за много лет. Зима, а снега так и не было. И этот растает, потому что плюсовая температура. День увеличивается. Светло, и на душе — тоже. Хотя хочется чуть-чуть зимы. Санок, снеговиков, белого снежного пуха в темном лесу, света!

Наш парк (Как российский мох победил английский газон)

В этом году много калины, висит красными кистями, но до холодов ее собирать не будем. После первых морозов, обычно горькая, ягода становится сладковатой, сделаем

из нее настойку; в январе очень даже полезно употребить за обедом. Осенней листвы на деревьях пока еще много, но это дело двух-трех дней. Ветер работает изо всех сил. Газоны усыпаны ковром пестрых листьев и иглами сосен. Сейчас есть пылесос для листвы. Думаю, это не новое, а хорошо забытое старое. Ведь нереально вручную убрать парки Петергофа и Мейсена, и тысячи других. Но и грабли — приятная штука, поработать на свежем воздухе да развести потом костерочек — здорово. Листья лучше убрать до дождей и снега. Оставить в зиму — испортить газон. Газон идеально английским не получился, сквозь него в большом количестве пророс наш лесной мох, получилось еще красивее. В некоторых местах даже были грибы. Мох не пускает колючие сорняки. Но зато он с собой из леса принес землянику, ландыши, фиалки, калину, белую кислицу. Все это в разное время года балует наш парк и взор. Такого не увидишь в чопорной Англии, и семян таких газонов нигде не купишь. Почему-то хмель на заборах в этом году не дал ароматных шишек, значит, не будет маленькой снотворной подушечки. Еще цветут рыжие, красные, желтые розочки. Завтра соберу осенний букет и напишу песню о том, как

*Наш зеленый мох российский
Победил газон английский.
Сеет каждый год его,
Тратим страшное бабло.
Удобраем, косим, холим.*

*Мох газон английский ест,
Напирает через лес.
Смело лезет сквозь забор.
Он — хозяин здесь, не вор.*

* * *

Пошла бродить по парку. Последнее осеннее солнце... Собака напросилась со мной, ей холодно, и она решила не вылезать из сумки. Шагаю, сумка болтается на плече. Порывы ветра слишком сильно склоняют сосны. Слегка тревожно, могут упасть, им по сто лет. Но через секунду ветер стихает, и яркое солнце заливает весьма еще теплыми лучами все тропинки. Мы ушли в крайний дальний угол, там полянка, деревьев нет, поэтому самое теплое местечко. Почему-то интересные мысли приходят в голову в довольно-таки неожиданных местах. Взяла круглый березовый чурбак, уселась и пишу.

Пес жмурится на солнце, сидя в своей красной сумке. Сейчас такое время года, что в одной части парка (где тень) надеваю шляпу, шарф и ветровку на свитер, а в другой части сада полностью раскупориваюсь, можно загорать. Даже чувствуется, как вылезают веснушки. Березовый чурбак оказался холодным, он, видно, уже впитал студеную ночную сырость. Вывернула наизнанку шляпу и уселась на нее — так теплее. Собака тоже слегка дрожит и просится на руки. Какие-то мы с ней чудосочные мерзлячки.

Ирина Туманова

* * *

Собирала грибы, на горке егеря топили баню. Светило солнце.

Маслята выстроились — косою коси. Чтобы не погибать тысячу раз развалилась во мху под березами. Радовалась бабушке лету, в голове родились строчки:

*Тропою лунною, ночью,
Она, спускаясь к роднику,
Распустит косу и умоеет
Свою печаль, любовь, тоску.
Оставьте барыню в покое...*

ДОДЫ, ИГРУШКИ И ВЕСНУШКИ

*Иногда происходит
эпизодическая трансформация
детской сказочки во взрослую,
т. е. в иную плоскость.*

* * *

Мне всегда кажется, что маленькие дети, даже совсем карапузы, все понимают, как взрослые люди. Им можно доверять, на них можно положиться, с ними можно говорить на равных. Я так и делаю. А пожилых людей, наоборот, воспринимаю значительно моложе их возраста. Они полны капризов и безрассудства, способны на неадекватные выкрутасы. За ними — глаз да глаз. К примеру, дочь уже с двух лет стала помощницей и взрослой подругой, а отец, и в свои ... за семьдесят, как безрассудный юноша ...

* * *

Господи, когда это было! Город южный, тротуар, прибор. Времени два часа ночи, дети, от семи лет и старше, не спят. Иногда сидишь дома и злишься на своего ребенка, что он где-то ... А у них — начало вечеринки только в час ночи. Да что зря злиться. Оделась симпатично и сама

пошла бродить у моря. А потом — до четырех утра на открытой веранде — пить чай. И удивительно, я — не одна! Хождения, смех, музыка. Так к чему ругать своего ребенка или сидеть, злясь в номере, и все равно — не спать. Надо к людям!

Той-Масечка и Нью-Ню

— Ой, я, кажется, все сделала на пеленку. Сейчас понюхаю, проверю. Ну! Чудо! Не верю глазам своим. Кажется, научилась... Скорее, скорее, срочно разбудить хозяйку, мою милую маленькую Нью-Ню.

Нью-Ню долго не могла понять, что же такое произошло. Никогда еще малютка Той-Масечка не будила ее по ночам. Сопела всегда рядышком или тихо похрапывала. Иногда блаженно урчала, видя во сне косточки да мясные кусочки. Не шумела до тех пор, пока Нью-Ню не открывала свои ясные глаза после сна. «Что-то случилось...» — подумала хозяйка, минут через десять ей все же пришлось встать.

— Усс! — радостно взвизгнула Масечка. — До Нью-Ню дошло! Встает. Идет, смотрит внимательно вокруг. Масечка от удовольствия замерла на месте, даже села от волнения попкой на тапочек. Кстати, она никогда не станет сидеть на голом холодном полу, воспитание, понимаете ли. Нью-Ню увидела наконец пеленку, и — ни одной лужицы вокруг!

— Ну ты, Мася, молодец! — сказала она. — Научилась!

Вот этого «молодец» Масик и ждала. Мордочка собаки расплылась в самодовольной улыбке.

— Вот! Могу, когда захочу, — решила Мася. — Собственно, всегда хочу быть аккуратной девочкой, просто не всегда получается на эту дурацкую пеленку. Сами бы попробовали. Крутишься, как юла, стараешься, а все мимо. Гулять надо с собаками! Ленивые вы, мои любимые хозяева. Ну, да ладно, Нью-Ню уже, кажется, исправляется...

* * *

Когда я была маленькой девочкой, то очень любила сказку про прабабушку Кефью. Она все время спала в кресле-качалке и сквозь ресницы наблюдала за жизнью. Мне еще тогда представилось, что если я буду очень старенькая, то не буду сидеть на одном месте. Я видела себя в кедах, в панаме (немного похожей на цилиндр), с сачком (обязательно с сачком). Им можно ловить красивых бабочек и, представьте себе, «усиков» в море (маленьких креветочек).

* * *

Коты повернулись ко мне огромнейшими, раскормленными мною задницами. Терпеливо гипнотизируют свои миски. Распушили гордо свои хвосты. Черный — пуховый. Рыжий — бархатисто гладкий в полосочку. Я на

кошачью провокацию не реагирую. Завтрак был, до обеда — далеко. А Масик гипнотизирует котов, чтобы те знали, кто в доме собака.

* * *

Раньше ее причисляли к типу женщины-подросток. Кто же она теперь: избалованная дама или тетушка, сестра Набокова, в кедах и с сачком для бабочек... Когда она видит детей, то вспоминает свой часто повторяющийся сон: нечто странное, веселое, оптимистичное, в кедах и панаме, размахивая руками, увлекает за собой толпу детей. Вокруг лес, щебечут птицы. Кот нежится в траве. Все играют и поют. Вероятно, в ее сны вплетается реальная ностальгия по детству. К ней всегда тянулись дети. Взрослым она, безусловно, интересна не в качестве тетушки. Как это прекрасно — быть женщиной. Не во сне, а наяву.

* * *

Кот в наше отсутствие в доме опять разложил кучи, пометил все, что можно и нельзя. Были гости. Ему, видимо, поперек души кошачьей те оргии, свидетелем которых он оказался. И — не в первый раз. Запахи, табак, алкоголь, громкие звуки. Он против этого. Он уверен, что и хозяева, будь они дома, его поддержали бы. Его протест понятен и принят!

* * *

Собака наслаждалась своим господством над хозяйским телом. Но это счастье разрушил кот. Она визгливо тявкнула и суетливо забегала по кровати в надежде, что этот огромный пушистый охотник-зверь испугается ее. Она не понимала, что ничтожно мала, была уверена в своей силе и ощущала себя огромным и страшным терьером. Черный кот Кишуня истосковался по хозяйке и не думал уходить. Он сказал: «Ну ты сука и сука!» Кот отправил собаку в хвостовую часть хозяйского тела, а сам лег у кабины. Собака в хвостовой части безропотно лижет пятку пилота, а Кишуня, положив морду в хозяйскую ладонь, неистово мурлычет.

Старшая феюшка

Недавно в своем саду, когда роса еще не высохла, а искрилась бриллиантами, я почувствовала себя феей. Есть на свете певички, акробаты, клоуны, танцоры, пианисты. Но у меня совсем другая роль, амплуа и задача... Я — фея. Хорошая феюшка. Не только пою песни для детей, мам и пап; для любящих и любимых. Я еще их и придумываю. На совете всех фей поручили мне это делать и нести людям, как свежее испеченные, тепленькие, вкусненькие булочки. Теперь все феюшки поют по лугам и лесам свои мелодии и отправляют их мне на обдумывание (поэтому ночами не спится). Нужно из всех мелодий и слов сделать только одну песенку до утра. И так

каждую ночь. Просто я — старшая фея, и это — моя работа. Мне нравится такая работа, я привыкла по ночам не спать. Песни нравятся детям и взрослым. Стало казаться, что я уже не боюсь, когда меня слушают. И если я не одна, а там за зеркалом притаились Мери Поппинс, Фрекен Бок, Шапокляк, Карлсон, Пеппи Длинный Чулок, Эйлин, да еще Винни Пух и Пятачок, то пусть все слушают. Я старшая феюшка, настоящий артист и пою только светлые и добрые песни.

Муха-Цокотуха

Как-то не сложилось с детсадами и нянями, да и бабушки вздумали слишком рано уйти из этого мира. Если описывать мою жизнь до рождения ребенка и после, станет понятно, почему было «трудно», «тяжело», «плохо». Ежедневное напряжение и страх за дочь, чтоб не упала, не оступилась, постоянная забота любящей матери... Сегодня — мы подруги. Она — моя муза, поддержка, надежда. Мы с ней всегда вместе. Вчера она повзрослела. И «трудно» упало с моих плеч. Хотя волноваться за нее я все равно не перестану. Раньше, когда дочь вела себя хорошо, я ее называла «Муха-Цокотуха», когда плохо — «муха це-це». Вот повзрослевшая «цокотуха» летает по кухне, жарит мне рыбку, режет салатик, еще и сырный тортик готовит. Все дико вкусно. Я урчу от предвкушаемого удовольствия, но слабею от вируса, и засыпаю — кайф. Конечно, все это могло произойти, когда я не болею, но это была бы совсем другая история.

Котик

Он уткнулся в лукошко влажным розовым носом. Шерсть — чисто смоль. Удивление в глазах, а в зрачках — бирюза, ум, вся «кошкина» боль. Он скучает и ждет; и у носа — слеза.

Доды

Кто такие доды, могут ли они преобразовывать среду вокруг и вовлекаться в дела земные? Это погруженные в свой внутренний мир индивиды, пребывающие в постоянном творческом самоосуществлении, или птицы, парящие высоко в небе и доселе нам неизвестные...

Так вот, все доды — большие труженики. Спортсмены, художники, поэты, модельеры, архитекторы, дизайнеры... Иногда коммерческая сторона вопроса навсегда уничтожает дода, а иногда удается сохранить нечто светлое и при этом заработать свою заслуженную копейку...

Патологические, бесконечные роды песен, стихов, книг, картин. Муки и восторг, люди не поймут! И так, мы — в ином измерении.

Они называют себя дод Первый и дод Второй. Если бы они жили среди людей, то дод Первый именовался бы «девочка», а дод Второй — «мальчик».

Второй обзывает Первого словом «Мозг», т. к. «Мозг» на самом деле все время думает. Хотя это он не из вредности так обзывается. Действительно, все доды и люди из нашей истории уже давно привыкли, что если

наступил новый день, то лучше сразу узнать у Первого, что же он там надумал и делать именно так, как он скажет, так будет проще и удобнее прожить очередной день... Первый так много думает, что иногда даже не может спать ночью, возможно, он совсем никогда не спит, хотя это вполне нормальное для додов явление. А днем, когда светит солнышко, Первый бегает по лесу и сочиняет стишки, мурлычет разные песенки. Второй мог бы называться «Звук». Он страшно любит играть на всевозможных музыкальных инструментах, но количество звуков в его голове так велико, что ни один композитор в мире не способен там разобраться. Поэтому «Звук» часто ходит печальный. Только Первый может утешить его. Он говорит: «Не печалься, дод «Звук», послушай лучше мои стишки и песенки».

Эти два дода все время друг другу помогают. Если «Мозг» не может дотащить какую-нибудь жуткую тяжесть, то «Звук» незамедлительно спешит на помощь. Но их не всегда понимают в мире людей, а огромный город отнимает все силы, и доды перестают слышать свои волшебные звуки, слова прекращают складываться в стишки. Все краски листвы, неба, солнца сливаются в одну — серую. Доды становятся несчастными. С ужасом они бегут в свои норки из огромного, рычащего автомобилями города и мира людей-роботов. Пройдет день или два, прежде чем снова появятся краски, мысли и звуки.

Знаете, они никогда не ссорятся. Иногда, если идет дождь, один другому из-за малюсенькой вредности может сказать какую-нибудь обидность. Доды в отличие от людей — страшно ранимые и хрупкие.

И тогда они оба начинают горько плакать. Один от того, что его обидели, а другой от досады, что обидел друга. Самая большая обидность для «Звука», если «Мозг» говорит, что звуки не те и лучше их вообще сделать потише.

Это страшный удар для дода Второго — все!!! На него от таких заявлений нахлынет недельная депрессуха. Для «Мозга» самая большая обидность, если ему скажут, что он фиговатенько поет, неважно трудится, да и мысли так себе, и никому они не нужны, эти мысли.

А вообще доды не любят обижать друг друга. Зачем? Перестает звучать музыка, начинается вечный дождь, не поют птицы, по ночам не приходит сон. На самом деле доды очень веселые. То, над чем смеются доды, понимают все дети. А в мире взрослых людей их понимают не всегда.

Нет! Если вы знаете язык додов, то вы с ними не соскучитесь, они страшные юмористы. Вредные людишки любят по-разному обзывать додов.

Например, доды — уроды. Людских обзывалок можно перечислить на целую страницу. Но зачем? Люди не могут обидеть дода!!! Доды давно не обижаются на людей. Додом нельзя стать просто так, им надо родиться. Обычный люд никогда не сможет назвать себя додом (есть исключения, но об этом позже). Доды по-другому пахнут, ходят. Они путают день и ночь, у них своя мода и понятия о красоте. У людей патологическая потребность мешать додам. Но у додов такая судьба. Пока они не разгребут всех проблем, придуманных людьми, просто не будет возможности спокойно трудиться (доды — боль-

шие труженики). Вот они как истинные дворники изодня в день гребут разное, а потом в маленькой своей чистой норке начинают тихо творить и создавать свое.

Желание выжить среди людей... Конечно, додов будет когда-нибудь больше. Но когда это будет? Ради своего выживания они ведут уже почти совсем здоровый образ жизни. Едят в меру, почти не курят. Он (дод «Звук») постоянно подпиливает «Мозг» за вечерний бокальчик «красенького», хотя сам не прочь втихую раздавить бутылочку пива или выкурить сигаретку. Бессонница, она просто жить не может без этих додов, сжирает заживо, и у них потом — ни звуков, ни голоса, ни мыслей. Нет! Надо рвать пространство вокруг, цепляясь за жизнь зубами. Ведь так много есть чего сказать. Ну, почему там, у людей, и не болит, и спят, и все едят, и пьют. А у додов каждый прожитый день — победа. Вообще-то они, доды, страшно любят жизнь. А она-то как раз в руки не всегда дается. Иногда, после затянувшейся бессонницы, на домкратах поднимают себя из постели и заставляют трудиться. Да, непросто выжить, непросто творить, если ты дод.

Все у тебя, бедолаги, не так, как у людей. Вот! Казалось бы — твори! Вот тебе пища, вот тебе кров, так нет — то понос, то золотуха. В прямом, без переносов, смысле... Депрессуха, как подарок ко дню рождения. Ладно бы, если одновременно у двух додов сразу, так нет, по очереди. А это отодвинет на месяцы радость созерцания новых картин, спетых песен.

Если люди нашли друг друга, или доды нашли друг друга, то это значит, что они могут вместе есть, пить,

петь, думать и чувствовать в одной тональности. И вот когда люди или доды начинают звучать в одной тональности, вокруг сразу собираются темные силы. Додам завидуют темные силы за то, что у них рождаются музыка и стихи. Они пытаются рассеять много грязи вокруг того светлого, что делают доды. Иногда очень хочется, чтобы тебя услышали, но значительно спокойнее и безопаснее, если о тебе знают мало. Среди додов не может быть грязных сплетен и интриг. Когда додов любит людь, причем очень сильно, он постепенно начинает их понимать. Доды могут не выжить среди людей в большом городе. Людья «Большой» и людья «Кроха» совсем не жалеют, что когда-то в их семье завелся «Мозг». Потому что с ним очень весело, доды сознательно культивируют свои чудачества. Первый все умеет, он за всех все время думает, с ним не может быть скучно. Правда, Первому у людей «Большого» и «Крохи» бывает непросто. Иногда доду кажется, что он на горячей сковородке. Ведь они, все трое, звучат в разных тональностях.

Еще постоянно звонит телефон, работает телевизор, шуршат ангорские свинки, хулиганит рыжий кот, шумит в кране вода, горит свет. Иногда дод не выдерживает, и затыкает уши берушами, и ищет норку, где тихо. Но людья «Большой» и «Кроха» отыскивают дода, им без него скучно. На дода невозможно смотреть без улыбки, он трогательный, очень маленький, страшно шустрый. Хотя очень быстро устает. Людья «Большой» очень любит своего игрушечного дода и всячески оберегает его.

Дод Первый страдает от людского храпа. Это трагедия психо-нервно-паралитического характера. Люди —

страшные существа, они храпят, но ухитряются при этом спать очень крепко и видеть сны. С невероятным шумом они поворачиваются с боку на бок, разглядывая свои сны с превеликим удовольствием. Например, девяностолетняя бабушка Первого, просыпается от зашкаливающего по децибелам собственного храпа и невозмутимо спрашивает: «А ты что, внученька, до сих пор не спишь?»

И тут же, не дождавшись возмущенного ответа, опять сладко погружается в свои безобразия. В таких ситуациях «Мозг» не спит и не имеет возможности разглядывать ни свои, ни чужие сны. Да еще рискует слететь с кровати, т. к. огромный людья, ворочаясь, подбрасывает на пружинистом матрасе малюсенького и легкого как пушинка дода чуть ли не до потолка. Если дод, не выдержав такой храповой атаки, к середине ночи, безнадежно пискнув, исподтишка подпихнет огромного людья остреньким колючим локоточком в мягкий бочок, то он еще и рискует получить порцию нравоучений.

Дескать, не хорошо будить ни в чем не повинных людей ночью. Совершенно несправедливо оказывалось, что дод «Мозг» бесчувственный и не любящий эгоист, а так как дод Первый, как и все другие доды, очень хрупкий и ранимый, то вторую половину ночи он горько проплачет оттого, что обидел людья «Большого» и еще оттого, что снов ему опять не видать, как своих ушей. С грустью, взяв свою подушечку и одеяльце, он полетится на кухню пить чай с медом и сочинять свои грустные и веселые истории про додов.

С ужасом будет думать «Мозг», как после очередной бессонной ночи весь следующий день у него будут болеть косточки и он не сможет петь свои песенки. Другие доды будут сочувственно кивать головками, ведь они-то все понимают.

Да, хорошо, но непросто, приходится додам среди людей. Дод «Мозг» очень любит своего людя «Большого» и непослушного людя «Кроху». Но иногда он молчит и знает, что нет еще такого языка, чтобы некоторые вещи, понятные любому доду даже без слов, донести до людей. Это очень странное состояние, когда тебя не понимают. Дод стоит и хлопает своими огромными глазами. Иногда ему начинает казаться, что именно он должен придумать этот новый язык, чтобы наступило взаимопонимание между людьми и додами. Чтобы лжедоды не пытались называть себя додами, а люди, у которых есть додское восприятие жизни, постепенно превращались в истинных додов. Людь «Большой», например, в силу того, что терпит уже несколько столетий всякие приятности и неприятности от дода «Мозга», тоже иногда начинает немного «додить». Во первых, ему очень нравится многое из того, что делает дод Первый. Он пыхтит от удовольствия, когда слушает трогательные додские песенки. А книжечки со стихами, которые по ночам строчит его дод, людь «Большой» с величайшей гордостью дарит своим приятелям-людям. Жаль только, не все они могут понять, что там написано, хотя язык у додов даже не какой-нибудь там английский, а очень понятный. Иногда, из вредности, а может, из страха, что дод перестанет сочинять истории, людь «Большой», даже

если не спит, начинает нарочно, со свистом, подхрапывать, и все для того, чтобы Первый не заснул, и, в который раз, взяв свою подушечку, одеяльце, отправился на кухню и принялся писать свои чудесные додианы. Доду достаточно чашки горячего чая, и у него появляется вдохновенная страсть, которая приветствуется «Большим». Большой людь любит называть Первого *пупсик*, но на самом деле Первый ощущает себя побольше из-за большого количества разных дел и мозгов. Поэтому приходится поправлять Большого: *пупс* или *пупсон*, но уж никакой не *пупсик*. Хотя с тех пор, как людь Кроха стал много-много выше дода Первого, а у людя Большого выросли за годы совместной жизни очень большие мышцы, Первый оказался самым маленьким существом в семье. Но почему-то людь Большой все равно иногда называет маленького дода:

«О! Великая!». Или наоборот: «Великая! О...» Еще людь «Большой» очень любит придумывать разные украшения и дарить их доду. Это сильно отличает людя «Большого» от других людей. Многие люди уродливо жадные и не любят ничего дарить. Или стараются это делать только по праздникам и то, поскрипывая, напуская на себя от жадности излишнюю важность, рискуя лопнуть как мыльный пузырь. А людь «Большой» ничего не жалеет для дода Первого. Это и делает его похожим на додов. У него, наверное, из-за того, что он такой большой, огромное сердце. И он, видно, немного знает язык додов.

Так вот, когда Первый хорошо выспится в своей ибушке-перхушке вдали от городского шума, потоков

Ирина Туманова

машин и людской суеты, он становится очень веселым, летает по саду, сажает цветы и деревья. Иногда страшно хулиганит. Он ведь большой выдумщик, и всем, кто с ним знаком, не бывает плохо и скучно. Первый очень вкусно готовит разную пищу, знает миллион бабушкиных рецептов, создает уют в разных домах, домишках и квартирках, вяжет кофточки и шьет шторы, двигает разные шкафчики. Он любит эту жизнь. Прыгает через бесконечные трудности, иногда засыпает в креслице от усталости, а потом опять куда-то бежит, едет.

Доды не могут без додов. Они любят своих людей. Благодаря доду Первому людь «Большой» и людь «Кроха» так приятно отличаются от других людей. Они мягче, добрее, стараются меньше грубить, не жадничать. Получается, что людям очень нужны один или несколько додов. И вовсе не удивительно, что дод Первый, несмотря на свой хрупкий вид, — воплощенное здравомыслие... По наблюдениям людей непосторонних, он никому не уступает в умении проникать в суть дела, хотя и пребывает в состоянии творческом, трехмерном. Добавьте к этому его поразительную многогранность и умение радовать людей и додов от встречи к встрече.

(Продолжение, т. е. именно приглашение от дода Первого в избушку-перхушку следует...)

МЫСЛИ, ПИСЬМА, МИНИАТЮРЫ

* * *

Люби, это — оружие. Не надо воспитателей и педагогов. Каждый сам по себе, уже с момента зачатия — Личность или только часть безликого многообразия. Люби, это — оружие. Люби свое состоявшееся или не состоявшееся дитя, порой совсем не такое, каким мы бы хотели его видеть, с его шалостями, грубостями и непослушанием. Отчаяние, злость, досада — лишь факт нашей слабости, и — не спасут дитя. Только любовь может стать мукой, укором, угрызением совести и одновременно спасением. Каждый бережет и имеет то, что имеет, что сберег.

У меня есть мое сокровенное — близкие, напоминающие мое спрятанное «я». Да, это сокровенное... Любить то, что имеем, и беречь... Любовь — оружие.

* * *

Брат мой, отец мой, муж мой, друг мой...
Хорошо ли вам в тех одеждах, надев которые однажды — несете...

Так уж сложилось, что я на пути вашем несу свою женскую ношу, вольно и невольно к вашим судьбам мужским имея отношение. Несу на пути — мудрое, женское, вечное. Как никто другой, вижу и понимаю вас и в горе и в радости, здравии и болезнях, в счастье и любви, достижениях и ошибках. Говорят, во хмелю человек обнажает себя. Так что же получается? То обнаженное, что видеть мне порой приходится, убеждает, что не так вы жизнь свою себе представляли. Не те рубежи и успехи, не те друзья и богатства, не то применение уму, талантам.

Сказали и забыли, ушел хмель... Вот утро светлое — новый день. И все идет по-старому. А я думаю. Поженски понять хочу. Как жить с тем, что глубоко внутри сокрыто, а во хмелю порой на волю рвется? Надо ли трезвые жизни переделывать или, уж как есть, так пусть и будет? Всем, видно, не помочь...

* * *

Разбавленные прозой стихи выглядят острее. В стихах — возник поток, и торопишься записать хоть днем, хоть ночью, но сиюминутно. С прозой иначе. Сначала появляются темы, зерна, зацепки, сюжеты. Они долго

сидят в голове, крутятся и перелистываются. Когда отдельные сюжеты нагло повторяются, то становится понятно, что они претендуют на рассказ. Они выстраиваются в очередь и ждут своего часа. Нет пока потоков и нужных слов. Но вдруг! Ты, как спортсмен, чувствуешь, что сейчас стартовый выстрел. Бег с шестом — написание прозы. Вот твой шест (перо и бумага на месте), ты бежишь. И когда ты уже в воздухе — строчки стремятся на бумагу. Ты приземляешься — есть! Высота взята. Ты берешь следующую очередную тему. И, раскачиваясь с пером-шестом дни, месяцы, копишь мысли, ждешь старта и опять бежишь. А когда не бежишь, то наблюдаешь жизнь и выстраиваешь темы, как спортсменов в дружной команде. Каждому придется однажды побегать с шестом и взять свою высоту.

* * *

Жизнь кажется адом, если за не то съеденное, не то сказанное, не то выпитое, не там брошенное, не так надетое, одергивают и попрекают.

Так портятся лучшие отношения. Невоспитанно и пошло внедряться в тайный мир своих близких. Не забывайте оставлять детям, мужьям, женам, друзьям, право на личное пространство. Человеку естественно в обществе — быть в одном облици, а наедине с самим собой — выглядеть иначе.

В связи с этим — хорошо, когда с другом не надо изображать из себя ангела, не вздрагивать, когда от-

крывается дверь. Можно быть естественной, не бояться, что тебя, в очередной раз, попрекнут чем-то. Ты ведь дома, расслабься... Дружба — это и есть принятие нас разными. Нельзя причесать под свой маразм человека и потом говорить, что это гармония. Нельзя, укротив, наступив ногой сверху, торжествовать мнимую победу над диссонансом.

* * *

Так всех перепутало и разбросало. Такое множество социальных групп и прослоек. Ощущение вечной турбулентности сталкивает и пересекает. Нет покоя ни эмоционального, ни физического. Верная, видимо, поговорка, что «Сытый голодного не разумеет». Видимо, великое мастерство — плыть по принципу «бассейна», каждому — по своей дорожке.

Отголоски дыма

Лежали. Затаились. Пытались выжить. А что же было у каждого из вас, когда сильный запах гари и густой дым не давали нормально жить и дышать?

Блочная шестнадцатизэтажка. Москва. Митино. Ангелов переулочек. То, что есть какая-то связь с ангелами, — придает силы. Двушка-распашонка на пятом этаже. Есть надежда на сквознячок, хотя слово сквоз-

няк звучит как издевательство. Суховейчик, при + 40° С, жарко веет с одной стороны квартиры в другую ее часть, не принося никакого облегчения. Дым, гарь, смог отсесть закрыванием окон нереально, 60 квадратных метров жилья без кислорода и охлаждения... А если метраж еще меньше или квартира под крышей, где все кипит? Или в квартире не два человека, а больше, дети... Все — в сравнении. Что делать? Меньше движения, простыни мокрые на окна — от гари, темные шторы — от солнца. И — лежать в ожидании милости от природы. Кондиционер уже не купить: ажиотаж. Их не хватает. Они дороже золотых — платиновые. От жары и ядовитого смога быстро сохнут и опадают листья деревьев, плавится асфальт. В магазин за вентилятором надо идти по открытому раскаленному пространству. А есть ли они в магазине и какова их цена сегодня? Как быть пенсионерам, матерям-одиночкам с небольшим достатком?

Нашему герою за семьдесят, плюс гипертония. Казалось бы — возраст... Но он, голый, ложится на мокрую простыню и думает о вине, женщинах, о прошлом и будущем. Когда по телефону ему звонят родственники, дети, то он бодро, артистично выкрикивает из последних сил: «Гарь? Да нет, все хорошо, не волнуйтесь. Мы с матерью отлично справляемся. Просто накручивают по телевизору». Моему отцу за семьдесят, его матери девяносто шесть. Вот она, выносливость. Вот где требуется медаль. Они войну вместе прошли, пережили многое. А сколько молодых людей в истерике, заражают этим состоянием и так

раскаленную атмосферу. Бабушка мне сейчас рассказывает: «Ох, угорела я, угорела, внученька. Лежу, не шевелюсь. Вижу — зашел сын. Глазами моргну, чтобы знал — живая. Он мне все простыни менял, сохнут, как под утюгом, час — и сухая. Руку к окну лоджии выставляю — горячо, лежу дальше. А что делать? Все так». Будет ли такое каждый год? Или еще хуже? Паника. Отец и бабушка спокойно пережили этот кошмар. Сейчас неправильно рассуждать, кто больше дыма хлебнул, кто меньше. Кто-то явно оказался слабее, но не его в том вина. У всех разная выносливость, у кого-то аллергия, астма, гипертония, больные сосуды, слабая терморегуляция организма. Запах гари вызывает инстинктивную тревогу и у людей, и у животных. Тревога накапливается. Люди с неустойчивой психикой, которым плохо всегда, в критических условиях нагнетают тревогу. Их надо как-то блокировать, успокаивать. Такая истерия — зло и вред. Но ведь при этом во всех московских больницах продолжали лечить, оперировать, рождались дети. У подруги жильцы на проспекте Вернадского поливали деревья и давали воду животным. Жизнь продолжается. Не будем друг другу жаловаться. Очевидно, что буквально рядом с тобой в те дни был человек, которому еще хуже. Надо перевернуть задымленные страницы лета как не самые приятные в книге. Вот новая страница. Сегодня дождь! Можно спать, работать, жить, писать стихи.

* * *

Всеобщая паника! Я могу спать только в холоде, а дочь требует зноя. Дочери лето жаркое очень понравилось. Она купалась и загорала, а я пряталась в тень. Мне было очень плохо, но я боялась об этом говорить своим мужественным папе и бабушке. Я не спала, не ела, не могла работать. Но не будем друг другу жаловаться. Жизнь, планы, с учетом форс-мажора... Природная аномалия — это катастрофа. Июнь-июль провела в Крыму. Знать бы о дыме и пожарах, сдвинула бы отпуск на месяц, но, увы. Шереметьево. Терминал Д — новенький, прохлада и комфорт. Вываливаюсь в московское июльское пекло. Основной газ начнется через два-три дня. Температура только усиливается... Люди, что дальше?

Приезжал вчера друг, художник, с племянником, оператором с Мосфильма. Рассказывали, как снимали сериал о Каменской. Ни на один день не прерывали работы (коммерция). В жару народ дома, на дачах, активно сериалы смотрит. Работают наши киношники и при рока градусах.

Зашла в магазин электроники. Последний этаж. Кондиционеры, не выдержав нагрузки, сломались. Гудрон на крыше плавится. Кассиры и менеджеры, бордовые от жары, в полной прострации, как привидения, в бреду сидят, чеки выбивают, консультации дают. Где защита прав человека, нормы труда, ГОСТы, да, все это в прошлом, сейчас — коммерция. А человек пришел

домой после такой смены и внезапно — умер. Уж за какую такую зарплату — одному Богу известно. Меня два раза за этот дымно-жаркий период приглашали на съемку телепередач. Один раз — как эксперта, в жюри, на конкурс молодых талантов. Думала, отменят съемку из-за жары. Нет, все работают, поют, волнуются. Второй раз — в сорокоградусную жару ко мне домой приехала съемочная группа от кулинарного телевизионного проекта. Пришлось готовить, жарить, парить. А что делать? Мужественно снимали кулинарную историю целых четыре часа. А сегодня — дождь второй день. Господи, все познается в сравнении, дождь, какой кайф. Дождик миленький, тучка ласковая... Бабушка смеется, выжила.

Интересно, а мед, петрушка с укропом, авторские кабачки со своей грядки, сливы, яблоки, малина... поймали ли они тяжелые металлы и прочую вредную дрянь. Ведь смог и дым не покидали сады и огороды более трех недель. Думаю, есть их теперь нельзя.

Недавно проводили в поселке инструктаж по тушению пожаров. Всем миром сбросились и докупили шланги-рукава, огнетушители и помповые установки.

Трава, газон, деревья — сколько их ни поливай в засуху, все мало. А вода теперь у нас через счетчик течет. Надо на следующее лето сделать скважину для полива. Говорят, где-то в поселке есть волшебный колодец с ливневой водой, бросить туда насос-малютку, пусть поливает.

Стихия, погодные аномалии. Прошло и забыли! Прошлой зимой в Москве был сильный мороз, лопа-

лись трубы, выстывали квартиры и дома, замерзали животные, птицы, люди, не перезимовали многие кусты и деревья. Видимо, человек должен приспосабливаться к этим изменениям в природе. Найти способы максимально продуктивно жить, работать и сохранить себя в это сложное время. Постараться направить свои силы в нужное русло. Например, не поехала в 40-градусный мороз ночью к подруге и не простудилась, не заболела. Осталась дома, написала еще одну главу к новой книге для себя, для вас. Не пошел в 40-градусную жару мой друг в спортзал, не наелся шашлыков, не напился пива — выжил. Что-то на планете подчищается. Кто не понимает — не выживет. Сколько судеб перелопатила эта жара, это время. Некоторых людей тяжело слушать. Жара. Сгоревшие деревни, села, судьбы изломанные. Прошлое лето дождливым было, поэтому я купила в мае родной тетушке печку-буржучку на дачу, чтобы она не мерзла. Если бы я ей весной вентилятор подарила, представляю, как бы она удивилась. Безусловно, тетушка этим летом не мерзла. Знать бы все заранее. Человек познает себя в кризисе и физически, и духовно. Оказывается, есть пределы сил человеческих. В экстремальных ситуациях без валидола и корвалола многие люди на улице не выходят. Детей не видно, милиция в масках от гари. Уже забыли? Экстрим отсекает слабых, фильтрует, закаляет. А ведь кто-то эту ситуацию использовал в целях наживы: запредельно взлетели цены на кондиционеры, пропали вентиляторы. Подлость, коррупция, мародерство, спекуляция — в трудной ситуации много такого повидла,

мажь на хлеб — не хочу. *Больше горя, больше джема.* Идет переоценка ценностей. Что важнее: заработать денег или выжить, уехав из столицы на период катастрофы. Многие уехали, именно те, на кого народ смотрел с надеждой. Миллионы людей в это лето боролись за жизнь. Смог, жара, пожарища, наводнения — ад. Приоритеты. Выезжать из дома или нет. Проранжировать дела. Часто создают видимость деятельности. Самое интересное, что важные дела делались, будут делаться и при аномальных ситуациях и катаклизмах. А вот шелуха, суета отсеиваются. К жизни относишься более серьезно, и это — даже здорово.

* * *

Это можно образно представить так: ты живешь долго в городе с завышенным содержанием в воздухе чего-то для тебя вредного, и однажды утром оно — испаряется. Просыпаешься, вдыхаешь чистый кислород — кайф...

Октябрь. Произошло... Кажется, она пережила что-то серьезное. «Что-то» длилось пять-шесть лет, никто не знал, когда оно пройдет. Она уже и не предполагала, как может быть иначе.

С плеч упало нечто бесформенное, непонятного состава и свойства. Стало светлее, легче, моложе... Кажется, теперь уйдут все комплексы и страхи, вернется красивая, молодая женщина. Хохотушка, хулиганка, кокетка и выдумщица. Когда одно «плохо» падает с плеч, а

другое еще не навалилось, становится понятно: причина всех бед в тебе самой, а не том, что вокруг... Ей удалось это заметить и осознать 14 октября, вероятно потому, что возникла пауза между станциями «плохо». Многие не могут уловить такой момент десятилетиями.

Стремитесь расширять по времени промежутки между «плохо». Стоит понять, такие спасительные паузы реально возможны и зависят только от тебя. Если это удастся, то обязательно уменьшится количество «плохо» и в твоей жизни.

Скорее всего, это происходит со всеми. Только другие не обращают на это «давящее нечто» никакого внимания. Порой отождествляют подобное состояние с другими факторами: возникшая или ушедшая любовь; здоровье — нездоровье; отсутствие удачи; наличие — отсутствие денег; хорошая — плохая погода. Предполагают, что не тот климат или вообще страна, люди ужасные вокруг... Внезапно раздражают пробки и стремительный рост людских потоков. Дело в том, что если у тебя на плечах развалилось это невидимое «плохо», то ты чувствуешь всю вонь и грязь вокруг. Когда «плохо» вдруг падает с плеч — счастье. Снова начинает медленнее течь время и ярче светить солнце.

* * *

Песенное творчество — это кропотливая и неоднозначная работа. Фиксация материала, рождение мелодий, текстов, саунд-треков, инструментальных

вариаций. Проработка концепции нового проекта. Полиграфия, тиражи, выпуск CD, синглов, студийная кухня, будни и праздники.

* * *

Что же такое совместное творчество? Я стараюсь передать свою мысль другому человеку, она прорастает благодаря его мышлению, появляется уже в новом качестве. И самое главное — для меня все органично, нравится. Я не сожалею, что именно сюда отдала свое зернышко. С партнерской стороны: именно моя тема, мои стихи тронули душу только этого музыканта.

* * *

Я — романтик, рассеянный творческий эгоист. Мне хочется быстрее услышать, что же получилось из моих переживаний после обрамления их аранжировкой.

* * *

Иногда я чувствую себя Чарли Чаплином. Мне хорошо в черных широких брюках, в пиджаках не по росту. Я становлюсь смелее, танцую. Правда, смелости хватает только для зеркала, но вижу, как это здорово, и я пою. То, что танцуются, поется и говорится, уже никогда не

повторится... Это — импровизация, которая забывается мгновенно. Но именно в этот момент — это четко поставленные движения, музыка и слова, которые мне сохранить и передать зрителю, к сожалению, пока не удалось.

* * *

Диссонанс... Есть такое понятие в музыке, оно верное и для жизни.

Редко шикарен и оригинален. Хороша гармония. Расположить в один, и лишь в один, верный «звукоряд» друзей и подруг, работу и отдых, радость и беду.

Вычленил диссонирующее... Нести Женское, Вечное, Мудрое. Все то, на чем держится Гармония Вселенной.

* * *

Мне раньше нравилась фраза «думать и жить в унисон». Теперь есть поправка. Жить в одной тональности и думать без диссонанса — скучно.

Пусть будет божественное многоголосное звучание. В унисон — как-то глупо, безлико. Разное в людях — это прекрасно.

* * *

Если говорить о стихах, то надо отметить, что для песен их часто приходится перерабатывать. Песенный текст — не стихи. Скорее всего — потоки эмоций, переполняющие меня. Я лишь успела зафиксировать их на бумаге. Мелодии, которые сопровождают поток слов, — еще не музыка. Такое не происходит ежедневно. Я обычная женщина, записала то, что снизошло. Вижу, что многим не хватает в моих стихах пушкинских, лермонтовских, в общем, великих одежд. Как их на мое творчество ни нанизывают, нескладно, говорят, получается. Очевидно! Не мои наряды, не с моего плеча. Не я придумала свои мысли, наброски, песни называть поэзией, а мелодии — музыкой. То, что сложилось, — есть, а «называтели» — найдутся.

* * *

Кто-то скажет: «Надо строже для себя подбирать репертуар».

И на эту тему мнений — 50х50 процентов (фифти-фифти).

Вот варианты классических тезисов:

- Талантливый человек — талантлив во всем.
- За многое берется, но не преуспел ни в чем.
- Под лежачий камень вода не течет.
- Хватается за все подряд.
- За двумя зайцами погонится, ни одного не поймает.

- Разносторонне развитая личность.
- Ни в чем проку нет.
- Может, сам человек заблуждается в своих талантах.
- Бывают авторитеты, созданные родственниками или обществом.
- Завышенная или, наоборот, заниженная самооценка.
- Можно совсем не пытаться что-либо делать в поэзии, в музыке, в исполнительском деле, будучи уверенным, что другие все самое лучшее и гениальное уже придумали.

Я уже много раз сталкивалась с вопросом: «Почему в моем репертуаре такие разные по жанру, стилю и манере исполнения песни?» Меня этот вопрос и удивляет, и пугает. Получается, что все привыкли видеть эстрадного исполнителя в одном образе и с однотипными песнями, а иногда даже всю жизнь поющего одну и ту же, единственную песню. «Хит» на протяжении сорока—шестидесяти лет, ничего не меняет в своем творчестве. На мой взгляд — это трагедия: петь всю жизнь одинаково, еще и не тобой сочиненное, с навязанным тебе кем-то образом. Бытует мнение, что если одинаково «долбить в одну точку», то тебя наконец-то станут узнавать и песню полюбят. Но мне это не грозит. Есть в наше время понятие «не в тусовке». Я не частый гость в телеэфирах и радиальных ротациях. Сочиняю и пою сама, образ никто не навязывает. «Формат» мое творчество или «не формат», решаю не я, а слушатели. А вот песни, такие разные, расходятся по беду свету, как стихи и придуманные мною образы. У каждого образа, песни и стихотворения — своя судьба. Какие-то запомнятся и без ротации, а какие-то исчезнут в никуда...

* * *

Заполнение белых чистых листов мыслями, вечером при свечах, когда людей вокруг мало... А лучше — в одиночестве или с собакой и котом, это и есть творческий процесс. Крайне интересно утром за чашечкой свежесваренного чая прочесть те листочки. Бывает, что неплохо, весьма неплохо. Бродишь потом весь день в задумчивости. А к ночи опять наваждение. Разложишь листочки, возьмешь ручку и ждешь, ведь так хочется с утра почитать.

* * *

Остальное сжечь!

* * *

Целый день идет дождь. Состояние — близкое к эйфории. Тепло, потоки воды из-под небес. Их музыка — ощущение чистоты неземной. Нега, полное нежелание вставать. Хочется горячей ванны, крепкого чая с молоком и хрустящей булки с маслом.

* * *

Говорят, что для артиста сцена — наркотик. Видимо, до тех пор, пока я наслаждаюсь наркотическим действием от сочинительства песен и стихов, прозы и разного рода творческих форм, пока меня завораживает процесс созидания, иные допинги не нужны. Хватает этого адреналина, без экстрима, горных лыж... Излечившись от бумажно-студийной зависимости, пойду на сцену.

* * *

*Я не поставила точку,
буду еще меняться,
искать, а не вновь сомневаться.*

Возвращаюсь к странному вопросу: «Почему так по-разному пою?» Странно... Драматический актер играет разные роли — это нормально... Оперный певец, как актер, в рамках своего диапазона исполняет всевозможные партии, и это нормально. А у нас эстрадный певец или даже вокально-инструментальный коллектив поют одну песню всю жизнь — это тоже нормально. Для меня стихи и песни аналогичны дневниковым записям, это странички жизни. Жизнь не может протекать в одном жанре с утра до вечера. Зажигательный рок-н-ролл, колыбельная, блюз, этнический напев, городская песня, шансон, психодели-

ческий рок или этнический нью эйдж — все это замечательно. Передаваемая разными красками жизнь посредством музыки, слова и образа.

* * *

Вчера писала, сегодня не помню, о чем. Странное это состояние, когда, думаешь, чувствуешь, пишешь... Пытаюсь в очередной раз понять, что же было. Говорила по телефону. Много смеялась. Быстро-быстро записывала потоки мыслей, разбрасывая первые листы. Куда-то торопилась. Валялась на балконе, на раскладушке. Не пошла на море. Три-четыре часа писала. Ощущение, что это все не со мной. Я, видимо, была в ином измерении. Сейчас держу блокнот, читаю страницы. Поверьте, это особая работа. Пока разбирать и читать сотворенное рано. Материал должен отстояться — как вино. Я даже боюсь разбирать записи, не готова. Пусть накопится больше листов. Через пару провалов в иное измерение можно будет засесть и вникнуть в таинство сотворчества севастьяпольских дней. И все же любопытство заставляет подсмотреть в один черновик. Станные мысли, странные имена, мелодичная песня... Улыбаюсь.

* * *

Уже не первый раз ловлю себя на том, что говорю без умолку. Раньше я была молчаливее. Забываю порой дать слово собеседнику. Видимо, я пересидела в уединении. Возможно, мне сейчас есть что сказать. Если внимательно слушают, то, вероятно, есть... Или просто воспитанные люди.

* * *

Мы гуляли по Большой Морской. Счастливые, отдыхающие люди. Шум, вечер... Навстречу шли две девушки, у одной была грудь, у другой — все остальное.

* * *

Зачем у ревнивца вызывать чувство ревности...

У обидчивого — обиду. У тщеславного — досаду и зависть.

Это — все равно что искушать, поступать глупо и грешно.

Это — все равно что выложить богатство перед бедным.

Еду — перед голодным. Не провоцируй, не искушай.

* * *

Чтобы оценить степень жадности и щедрости человеческой, надо четко знать возможности человека, что, где, как и почему... Иногда человек, находясь в неведении, думает, что отблагодарил, одарил, расплатился. А если у того, другого, одариваемого, иные уровни ценностей! Возможно, даритель угадал и дар в самый раз. Или, наоборот, оказался ничтожно малым и вызвал ощущение жалкой подачки. Или всего оказалось слишком много, и возникнет ощущение подкупа или заискивания. А не дать ничего — прослыть жадиной. Конфеты, цветы, духи — не все этому сейчас рады.

* * *

Когда не ведаешь реалий, накручиваешь Бог весть что, не спишь...

Пройдись в ночи бездонной, развеяй сомнение свое.

* * *

Если люди мне сегодня говорят, что я стала выглядеть лучше, чем в прошлый раз, значит, в прошлый раз я выглядела совсем неважно. Хотя мне казалось и тогда, что я на высоте. Видно, понятие высоты у всех разное, и нам свойственно заблуждаться.

* * *

Видела певицу. Она наслаждалась работой. Создала себе свой мир, свою реальность. Нашла кем-то созданный репертуар: музыку, стихи, танец. Полюбила этот репертуар, как свое дитя, и несет людям. Завтра она встретит новые темы, вдруг — мои песни и стихи... Ее голос будет звучать. Возможно, именно эта сегодняшняя певица откроет мне таинство сценических страстей.

* * *

Хочется жить, а не подпрыгивать. Проживая, не пролетать мимо... Жить жизнь, не пробегая ее.

* * *

Он наконец прочитал не по диагонали, и до него дошло...

* * *

Странная привычка-паразит. Забросать вопросами собеседника, не давать ему ответить. Он уже собрался блеснуть знаниями, открыл для ответа рот, ждет, когда наш герой прервет длительный монолог из вопросов и наконец даст вставить слово. Нервно кивает головой,

хлопает глазами, а герой уходит, самодовольный, неждавшись ни одного ответа. Он, видимо, и не ждал ответов и давно все знает сам. А для чего все эти вопросы?! Для ощущения собственной значимости.

* * *

Когда я говорю, что мне плохо, то это не означает сиюминутную тоску и боль. «Плохо» — это от ощущения того, что сейчас кто-то разрушит твоё «хорошо». Аура — есть! Если реально чувствуешь, что будет больно, если её вдруг повредят, от этого предчувствия «плохо».

* * *

Когда я говорю с людьми, они словно не слышат, и мне оттого трудно. Но они, читая мои книги, смеются, спорят, улыбаются, хмурятся. Следовательно, мне надо меньше говорить и больше писать.

* * *

*Она сказала, что я фарфоровая.
Мне понравилось.
Раньше я о себе писала:
С глазами миндально овальными оливкового цвета.
Надо что-то емкое сказать о судьбе фарфоровой.
Она? О ней тоже потом напишу.*

* * *

Слишком я ценю свою свободу, покой и благополучие близких.

Корм

Удивительно, зачем так много едят люди. Один, не посторонний мне человек, восторженно все время говорит: «Ну, как там корм?» или «А на выходных будет ли корм хорош?» Я слышала, так говорят американцы, но именно эта нация страдает от ожирения. А у нас «корм» продают в зоомагазине, для ангорских свинок, свиной как таковой и прочей безмозглой твари. Хотя тварь-то как раз может контролировать свои рефлексы. В дикой природе редко встретишь ожиревшее животное. Боже мой, как безобразно много едят люди, сжирая все и вся, в итоге — себя самое, жизнь...

* * *

Оказалось, что нереально тащить за собой в мир благополучия фатально невезучих, да ещё самой искусственно приспособливаться к этой невезучести.

Кто-то, вечно с раздражением, всем твердит, что «сытый голодного не разумеет». А это — самое страшное. Значит, точит его злоба, зависть. Как разгрести все его вечно растущие проблемы? На смену одной

приходят две новые. Так уж складывалось с детства, что она — из категории сытых. Но она — хрупкий, нервный художник. Ее самой мало на картины, музыку, любовь. Ее мало. Она, как цветок, плотно закрывает лепестки. И не откроет по пустякам, тем более если этот пустяк — здоровый, ноющий мужик. Нет сил более тащить чужую боль. Ее самое надо нести на ладошке, сдувая пылинки. И несут, и любят, и достаточно, остальное — грешно.

У неудачников — негатив, агрессия в отношении окружающего мира. К чему начинать каждый день со слов, что опять все плохо, сна не было, здоровья нет, денег нет, признания нет, кофе невкусный, вода не светлая.

Не согласна. Съем с ветки немытую малину, поглажу kota и уткнусь носом в теплую шерсть собаки... У меня день — замечательный, да, не спала, но я с детства сплю не очень. Люди вокруг — нормальные. Но нельзя даже думать о музыке и поэзии с агрессией в душе. Творчество — светлое! Тепло, смех, природа, дети...

Вкусная глупость

Мне всегда нравилось съесть в ресторанчике «вкусную глупость», пообщаться... Смотри, смотри, вон, как за тем столиком двое... Затем... Хотя, знаешь, почему-то, да практически всегда, съедаю вкусную «глупость» в одиночестве.

О вкусненьком

Одна прихожу в шумное место и часами сижу, наблюдая жизнь за чашкой чая, за бокалом белого вина или сока, и обязательно — с чем-то вкусненьким. Смотрю... смотрю... и пишу. Не приведи Господь в эти часы собеседника, не надо. Гул жизни, толпы, но — одна. Кричат дети, скандалят взрослые, гремит посуда, музыка...

* * *

Часто, отстаивая свою точку зрения, говорят громко, орут. Это негативное желание подавить на физическом уровне, но не на интеллектуальном. Лучше доносить свою мысль очень тихо, с меньшим количеством слов.

Мнимые враги

Слышала как-то разговор в магазине, мужчина бравировал: мол, он такой принципиальный, у него жесткий мужской характер. Да тупость это, а не характер. Заявляет: «Если я с кем-то поссорился, то все — это уже враг на всю жизнь, ни шагу назад, вычеркиваю человека навсегда». Ну и чем тут хвастаться? Позор. Это надо скрывать, а не преподносить как достоинство. Это, скорее, моральное уродство. И таких вычеркнутых врагов у него — пальцев не хватит на руках и ногах. А кому от

этого лучше? Говорящему, точно, многих из этого списка недостает; щемит порой душа, а сам себе в этом не признается. Да и причины ссор — такие мелочные, не стоят они пожизненной размолвки, глупо! Стыдно мне за того говорящего в магазине человека. Жалко его, и спорить с ним нельзя и советы давать, ведь он — настоящий мужчина. И еще, ужаснее всего то, что он этих своих «надуманных» врагов пытается другим во враги навязать. Ну уж нет. Подло это. Пусть люди сами разбираются. Еще бабушка говорила: «Верь только самой себе, пока на своем опыте не убедишься, не смей по слухам о человеке плохо судить...»

* * *

Если человек хочет работать, то он работает. Если ему что-то мешает и возникает проблема, то он, преодолев проблему, работает и идет к своей цели. Если человек не хочет работать, то он тупо нянчится со своими проблемами, и они в еще большей степени липнут к типу, не желающему трудиться. Просто отсутствие желания трудиться влечет проблемы, а не наоборот. То, что проблемы не дают трудиться, — ложь. Говорить, что ты хочешь что-то сделать и не делать, — обман. Говорить, что тебе мешают тысячи ничтожных факторов, — шантаж, давление на окружающих с целью прогнуть их под себя, заставить сопереживать и в итоге тащить эти чужие надуманные проблемы...

* * *

Часто слушая, как говорят не по-доброму, на повышенных интонациях, не получается сразу весомо и аргументированно дать отпор словом. Не хочется спорить. Понимаю, провоцируют на скандал. Потом в голове крутятся слова и темы, выстраивается разумный ответ. Сразу ответить резонно не умела с детства. Просто молча уходила. Видимо, это моя форма общения. Стало меньше друзей, не слишком хочется говорить по телефону. Все мы нуждаемся в уединении в доме, который — крепость, норка своя.

* * *

Везут откуда-то военных, каждый день везут. Реанимации, ожоги... Обычный мирный день. И — смерти тень. Но где же здравый смысл, где жизни свет? Когда не будет бед?

* * *

Пропасти растут, и не женское это дело — мосты строить. Если у мужиков не получается, сами виноваты. Значит, дружба моя им не по зубам. Было время, пыталась прогибать себя в ту или иную сторону, а сейчас вижу, что все бессмысленно. Не имею права оставшиеся годы жизни терять, есть что сказать. И — скажу.

* * *

Вручите себя в надежные руки целителя и вместе со здоровьем обретите весь мир. Иногда мы всю жизнь ищем эти руки (говорят, наше счастье и здоровье — в наших руках). А если нет воли, характера, сил? Как рыбы, судорожно хватаем воздух в водовороте жизни. Терзая свою волю, нервы, сон близких, все вокруг. В поисках гармонии, духа и тела. Доктор, целитель, где вы?

* * *

Согласитесь, грустно, когда человек запрограммирован только на безупречное поведение, без глупостей и шалостей. Пошло не то, что посмотрел примитивный сериал или детектив. Пошло не то, что вдруг прочитал глупую статью — и улыбнулся. Пошло, когда люди, проживая вместе, замечают, тычут пальцем и комментируют твои безобидные глупые выходки. Признак воспитанности — многого не видеть, а увидев, молчать. Тем более если вы близкие люди. Зачем? Затем, что у каждого должно оставаться право на свое пространство.

* * *

То, что пока не состоялось, уже есть.

* * *

Ему нужно для кого-то быть, существовать лишь для себя он не мог.

* * *

Почему, когда что-то делаешь,
Толпы людей, с умным взглядом,
Тебя просят делать это иначе.
В тот момент, когда сами
Вообще ничего не делают.

* * *

О желании поесть:
«Низы уже не могут,
а верхи все еще хотят!»
(Вопреки Марксу)

* * *

Он страдает...
полезными рекомендациями.

* * *

Чтобы жить дальше, я испытываю потребность в получении нового объема мудрости, покоя и размеренности (хладнокровия). Просто инъекционного вливания всего этого одновременно.

* * *

Друг мой, не думай ни о чем плохом.
А я не буду думать ни о чем хорошем.

* * *

Человек-паразит,
Гадкий мерзкий вирус.
Он на теле Земли
Как экзема вырос.

* * *

Они расселись кучей.
Сосут, жуют, галдят.
И каждый очень хочет
Пристроить личный зад.
Вампиры, проходимцы,
От них нам не спастись.

Построже, умоляю!
Сожрут ведь, берегись!

* * *

Заседание, заседание...
Совещание, совещание.
Но кого-то здесь явно нет,
Даже если включить ярче свет.
Пиджаки, пиджаки, пиджаки...
Но не те — эти все мужики.
Чинно, в белых рубашках сидят.
Без устали много едят,
Много спят, с кем хотят.
Если враг, то сожрут и сгноят,
Пиджаки... Но не те...
А настоящие мужики
Сидят в дерьме порой.
Не от тоски,
Их закрутило, сдавило в тиски.
Они пашут...
Пиджаки, мужики...

* * *

Не все, что упало, валяется.

* * *

Они взяли друг от друга все самое лучшее.
Поэтому в каждом из них ничего хорошего не осталось.

* * *

Мы совершенно свободные люди.
Вся наша несвобода
есть результат воспитания.
Глядя на беспредельную,
разнузданную свободу
Людей невоспитанных,
пожалуй, им не позавидуешь.

* * *

Почему так душно, когда Вы рядом?
Откуда эти толпы людей вокруг?
Они звонят, смотрят в глаза, толкаются.
Возникают в самый неожиданный момент.
Вот Вас уже не видно и не слышно.
Уходит душная нежность.
Ее опять не подарили, она ничья...
В голове звучит безжалостный смех толпы.
Где Вы?

* * *

Не стоит осуждать
родителей за наше «трудно».
Так странно, когда дочь
во мне видит все «не так».
А мне так хорошо с этим ее «не так».
Нет, не стоит детям осуждать нас,
А нам — родителей своих.

* * *

Бронзовая мысль, бронзовая тема.
Я вонзаю смысл среди клавиш белых.

* * *

Меня не стоит делать счастливее, чем я уже есть.
И в этом — моя беда.
Мне трудно порой, но сладостно.

* * *

Когда молчишь или говоришь тихо, то чувствуешь себя
сильным.
Когда говоришь много, громко, что-то доказываешь,
то после почти презираешь себя, чувствуешь сломлен-

ным. Иногда после реальной или телефонной беседы возникает неприятное чувство опустошенности. Видно, говорить было не о чем, да и жаль потерянного времени. Спор — унижительная затея, не всегда в споре рождается истина.

* * *

Счастье измеряется миллионами факторов, в том числе и количеством исписанных листов.

* * *

Я не могу тянуть до бесконечности его проблем ржавеющую цепь.

* * *

Когда останешься одна, нереально взять и лечь спать, надо писать. Когда вокруг люди, гости, толпа... Спать, зевать произвольно хочется. Как только все разошлись, выползай из-под одеяла. Свеча, бокал, листы бумаги — пиши. Жизнь налаживается.

*Маленький кайф, такой крошечный,
Мой вечный кайф...
Эти стихи и странички,*

*Музыки новой драйв.
Мне не нужна сигаретка.
Сумрак бродит ночной.
Маленький кайф, такой крошечный,
Только мой...
Пламя свечи не греет, бликуя в бокале вина,
Маленький кайф, такой крошечный,
ТЫ, МУЗА и ТИШИНА.*

* * *

Чувствую, что множественные проблемы станут проще или исчезнут вовсе, если их изложить на бумаге. Поставить ряд вопросов себе самой и ответить на них спокойно в письменной форме. Записать вопросы, которые в споре затрагивает собеседник. Ответить на них именно через призму своего понимания. Ведь то, что взорвало одного, другой видит кардинально иначе, это как разговор на разных языках. Из-за отсутствия переводчика каждый из нас, с недопониманием, ушел в себя. Топчемся вокруг ряда тем, но они после спора не исчезают, а остаются занозами до следующей вспышки. Буду пробовать через бумагу и перо удалять хотя бы некоторые из заноз. Знаю точно, когда пишешь стихи о любви, через бумагу уходят страсть, боль, — все то, щемящее и сладостное, что сопутствует любви. Хочешь расстаться с этой любовью, она тебя измучила ожиданиями, ревностью, бессонницей, бери ручку и бумагу — и чувства уйдут. Именно поэтому интуиция

подсказывает: чтобы прогнать из себя все отвратительные, спорные темы, надо о них писать, хотя они этого и недостойны!

Даже слушать не буду более ничьих спорных доводов. Заткну уши, я все уже тысячу раз слышала. Вспомню все фразы, запишу и обрисую со своей колокольни, потом дам их прочесть спорщику, но без моего присутствия. Потом надо будет ликвидировать эти унизительные письменные разборки. Вновь возникнет желание высказаться вслух. Молчи. Плохое — бумаге. Говори только положительное, вежливое и тихим нераздраженным голосом. Я более не в состоянии воспринимать негатив. Его надо изгонять из сердца, души, мозга. Негатив так огромен, его видно вокруг человека. Малюсенький человек и огромный коричневый шар негатива, как сердцевина в тухлом яблоке. Человек — маленькая косточка, в негативе уже поселились жирные гусеницы. Для кого-то негатив — кайф и даже еда. Я уже не могу подойти ближе. Негатив-шар — так велик, что уже вылезает из окон. Я не исключаю, что и во мне вызрел нешуточный негативчик. Обрастая этой гадостью, люди, даже хорошие и близкие, начинают отталкиваться друг от друга. Если закрыть свой рот и, не произнося дурного вслух, писать на бумаге, а после прочтения обязательно уничтожить — негативный шар станет меньше. Сегодня он огромен, уже расплзается по этажам и скоро заполнит весь дом.

* * *

Все вечно спорят, пытаюсь дать определение слову «любовь». Сегодня я точно знаю — это чувство, которое я испытываю по отношению к мужу и дочери. Буду улыбаться и часами говорить им: «Люблю». В этом нет фальши, лишь светлые нежные чувства. Или холодеть от ужаса (не приведи Господь!) при мысли, что с ними что-то... Во всех остальных случаях слово «любовь» звучит как-то не к месту. Даже в самых романтических, страстных, родственных или дружеских отношениях подойдет любое другое ласковое слово, но не «люблю».

PS. Когда я вспоминаю, как сильно любила маму, то думаю: все-таки не стоит эгоистично желать, чтобы тебя любили очень сильно.

* * *

В основном все живут одну жизнь. Мне приходится проживать две в одном дне. В мире людей деловых с их привычками, традициями, стилем, сленгом, ритмом, запросами, капризами, с их хорошим всем и всем плохим... В мире людей творческих или, как говорят, не от мира сего, с их привычками, традициями, стилем... На границе двух миров страшно хочется спать.

* * *

Если у человека мало друзей,
Разве он «так себе» или «вещь в себе»?
Это ни хорошо и ни плохо.

* * *

Сегодня мой день!
Тишина, рядом тень...

* * *

Не стоит идеализировать себя, свои отношения с близкими. При глубинном изучении жизненных вопросов понятно, что не все так гладко. Расстраиваться — глупо. Отчего речи, тухло тоскливые или приторно слащавые, встречаются чаще? Оптимистичные, нормальные, бодрые, трезвые — довольно-таки редки. Люди много и с удовольствием жалуются, и не важно — на что, важно — как... Конечно, я не исключение. Порой и меня болтает в разные стороны, но надо работать над собой.

Приоткрытое окно скрипит.
Спит город, спит.
Тополя, вздыхая на ветру,
Сбрасывают шумную листву.
Я не сплю.

За стеною чья-то жизнь бежит.
Спит город, спит.
Скрежет лифта мучает зарю.
Слышу то, что слышать не хочу.
Я не сплю.
Для кого-то свет в окне горит.
Спит город, спит.
Кто-то больно дергает струну.
Хочется кричать, но я молчу.
Я — не сплю.
Ночь бездонна, небо — как магнит.
Спит город, спит.
Путь один, но много так дорог.
Не сможешь всем, кто одинок.
Мир тревог.

Содержание

СНЫ – КАРТИНЫ

5

ЧУЖАЯ ЛЮБОВЬ –
ПОТЕМКИ

19

БАЛ СТАРЫХ ВЕЩЕЙ

59

ВРЕМЯ

67

ЗАРИСОВКИ О ПРИРОДЕ.

ПУТЕШЕСТВИЯ

117

ДОДЫ, ИГРУШКИ
И ВЕСНУШКИ

159

МЫСЛИ, ПИСЬМА,
МИНИАТЮРЫ

177

Литературно-художественное издание

Ирина Туманова
ПРИОТКРЫТОЕ ОКНО

Редактор *Людмила Пояркова*
Иллюстрации *???????????????*
Оформление *Александр Щукин*
Макет *Виктория Челядинова*
Корректор *Александра Конькова*

ООО «Издательство «Зебра Е»
119121, Москва, ул. Плющиха, 11/20А
E-mail: zebrae@zebrae.net
www.zebrae.ru

По вопросам приобретения книг
обращаться по адресу:

ООО «Издательство «Зебра Е»
125009, Москва, ул. Большая Никитская,
д. 22/2, офис 26.
Тел.: 8 (499) 995-09-42
kniga@zebrae.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт в Интернете: www.chpk.ru;
E-mail: sales@chpk.ru;
Тел.: 8 (495) 988-63-87.